

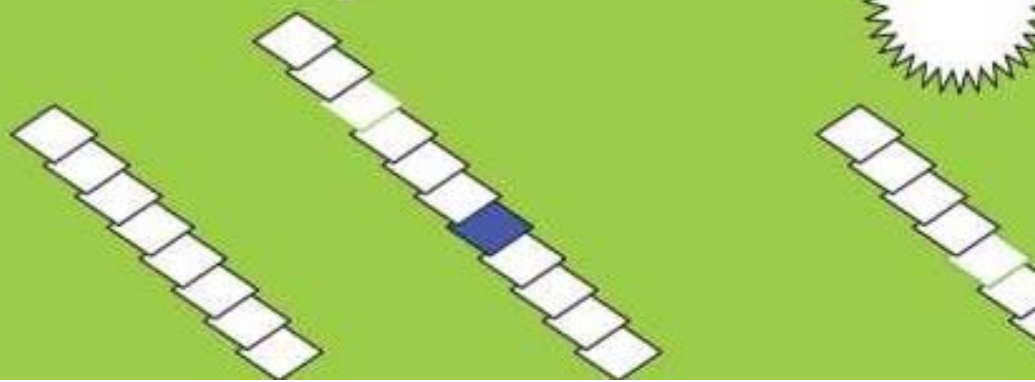
Ал. АКУЛОВ

*Послание
вундерменам*

проза

Александр Акулов

Послание

Вундер-
МЕНАМ

Чтение для снобов и оригиналов

= проза =

Измененное издание

Санкт-Петербург

20xx

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 44

Александр Акулов. Послание вундерменам.
Чтение для снобов и оригиналов. Проза. Второе
измененное издание. СПб., 20xx. — 348 с.

© Александр Акулов. Послание вундерменам.
Проза. 2003.

Акулов Александр Сергеевич. Послание
вундерменам.

Первое издание: СПб.: "Борей Арт", 2003.
ISBN 5-7187-0492-9

Сверка редакций: 16. 04. 2023

Формат 60x64/16. Усл. печ. л. 20,0.

Содержание

Омолок.....	4
Шапито.....	16
Баллада о высоком дворце с овальными окнами.....	20
Пузыри на сетчатке.....	47
Напарница.....	79
Большой рассвет.....	87
Под новым склонением.....	90
Чужая вселенная.....	93
Лиловый мотив.....	205
Перелом.....	217
Крыса.....	223
Струнный случай.....	227
Письмо к Гоголю.....	229
Суп из топора.....	234
Рыжая песня.....	239
Как тогда было.....	258
До Клио.....	261
Огонёк.....	263
Синергетики (повесть)	267
Мистерия.....	340

О М О Л О К

Клёва не ожидалось. Дул ветер со стороны ОАО "Биотрон". Пахло уксусным ангидридом и перегорелыми антибиотиками. С противоположного берега доносился мощный тарахтящий звук. Бил по ушам не буксир и не катер — тарахтела насосная станция. Палило солнце. Рыбаки расселись в тени высокой ветлы. Несмотря на жару, аппетит у всех оказался волчий. Трехдневный запас закусок и напитков мог иссякнуть за несколько часов. Это и случилось.

Рыбаков собралось четверо. Из них выделялся мужчина неясного возраста, темноволосый, без признаков седины. Экипировка этого рыбака не кидалась в глаза, но вызывала зависть. Его звали Владимиром Андреевичем. Около двадцати лет он прожил в Южной Америке. Участвуя в большой ботанической экспедиции, отстал от группы, а потом на полгода застрял в туземном племени, не пытаясь каким-то образом сообщить о себе. Из-за такой провинности ему пришлось надолго оставить мысли о возвращении.

Среди рыбаков был молодой журналист из Пскова, Юра. Он спросил Владимира:

— Многое о нравах южноамериканцев, природе, городах Аргентины, Бразилии мы от тебя уже слышали. Край для нас необычный, но не в курсе ли ты о тамошних легендах, невероятных историях?

— Легендами не увлекался, — ответил Владимир. — Они и без того есть в книгах. А разных историй знаю немало. Некоторые неизвестны эрудитам.

— Вот и рассказал бы нам одну из них! По прогнозу из приемника, ветер до завтрашнего дня не переменится. Времени у нас — пропасть!

— Удивительное касается не дебрей Амазонки, а морского побережья, — проговорил Владимир Андреевич, — отрезанных бездорожьем селений. Эти местечки почти вне остальной цивилизации. Например, есть на Атлантическом побережье, в устье реки Карасуо, поселок Омолок. Карасуо несудоходна, по ее берегам — болота. До Омолока — только пеший путь. Пилоты вертолетов, искишенные капитаны южноамериканских морских судов никогда не решатся и за десять миль подсунуться к поселку. А в XVIII веке в Омолоке был порт, фрегаты, каравеллы останавливались там для ремонта и пополнения провианта. Могу поведать вам о событиях, приключившихся в поселке; но смысл? Ни шанса, что их сочтете истинными!

— Не набивай цену, Владимир! — заметил самый старый рыбак — бывший боцман океанского сухогруза Афанасий. — Поверим — не поверим, зато послушаем. Чем чуднее притча, тем интереснее. Я трижды проплывал в двух кабельтовых от несуществующих островов с несуществующими городами. Что они? Миражи или другие измерения? Не определить! Пусть даже бухнет невообразимым.

— Ловлю на слове! — объявил Владимир Андреевич. — Кто усомнится, тот отдает пойманное. Согласны?

— Согласны! — в разноречивой отозвались скучающие рыбаки.

— Ну так и быть, — продолжил Владимир Андреевич. — Расскажу вам об экзотическом происшествии именно в Омолоке.

Семнадцать лет назад Омолок сильно отличался от иных поселков. Сиеста в нем начиналась позже, а после нее не работали. По слухам, достигающим прочего мира, чрезвычайным почетом пользовалась в Омолоке девушка, которая быстро плавала под водой и жила с дельфином. По стране гуляла опровергаемая властями молва: жители посёлка нацеливают иноземные корабли на скалы, а затем их грабят и для чего-то похищают лучших матросов.

Каждую ночь с четверга на пятницу в посёлке не спали: все поднимались, зажигали свечи, свет обычно бездействующих маяков направляли на центральную улицу и площадь — расцветал праздник муража.

Мураж — частый термин в поселке. Муражом называли всякое: и прибаутку, и шутку, и любое веселье, а также горе и печаль. Но главным муражом был праздник.

Гость из Эквадора, по имени Род, остановился в доме Хунама. Перед сумерками Хунам взял с собой Рода и стал обходить расположенные там и сям кучки усатых мужчин, представляя своего протеже. При этом мужчины подмигивали Роду, тормозили его, отпускали насмешливые реплики.

По тону их речи Род улавливал: его подзадоривают, подтрунивают над ним и чуть ему завидуют. Уяснить, в чем закавыка, не удавалось. Хунам имел с мужчинами непонятные беседы, называл неизвестных Роду людей, заканчивал ранее прерванные разговоры. Мужчины вели себя соответственно. А их подначки выглядели случайным

причастием к разговорам, кои Рода не касались. Мужчины не пили, не курили, не дробили человечество на своих и чужих, не интересовались матчами — догадаться о вещах, их спланивающих, было невозможно.

В каждой группе двое или трое мужчин обязательно выделялись пузатостью и здорово смахивали на беременных женщин.

Хунам и Род приблизились к маяку — башне длинного двухэтажного здания. Недалеко под массивным балконом с иллюминацией стояла группа священников. Обликом они не походили на жителей поселка. Не походили и на людей, которых Род знал до прибытия в Омолок. В душе священников будто скрывалось среди многих тайн особенное чувство, непостижно-извечное и чуждое одновременно.

Из группы вышел один из них, очевидно, руководитель:

— Ро — од! — подбодрил он.

Роду показалось, что от голоса главного священника небо над горизонтом медленно завращалось. В морском канале заиграли дельфины. Выстрелили из пушек — и в вышине развернулись фейерверочные спирали. Вереницами потянулись ряженные, окутанные бумажными водорослями, кусками сетей, связками из раковин. Началась мистерия.

Род почти не воспринимал суть творящегося, но чувствовал атмосферу праздника. И ощутил ее еще больше, после того, как ему подобно остальным, поднесли асну — напиток, приготовленный из специальным образом обработанных грибов. Доносилась еле слышимая музыка и слива-

лась с бессловесным пением невидимых исполнителей. Глубинно-подспудно Род уже схватывал сокровенный смысл таинства.

В канале опять заиграли дельфины, а над толпой взвились знамена и "хоругви" с сияющим изображением рыбы. Ее оскал и плавники напоминали дельфиньи, но различались жабры и чешуя. Музыка, пение стали громче, хоругви опустились. Вокруг Рода возникло кольцо из священников. Теснее сомкнулись тела празднующих.

По мановению главного священника с Рода совлекли одежду и надели на него карнавальная плащ, а сзади нахлобучили на голову что-то тяжелое, металлическое, какой-то охлаждающий обруч. Зазвучал гимн, движение возобновилось. На противоположном берегу узкого канала в ярком свете маяка выстроились двадцать восемь девушек с длинными, распущенными волосами. Груды девушек были обнажены, слабо выражены, соски не выпячивались. Маленькие ласты на высоких каблуках служили обувью. Под коленными чашечками блестели браслеты с обращенными наружу шпорами-щеточками.

Род глянул на необычные набедренные одеяния девушек, имитирующие листья трилистника. Средний лист выдавался и был очень длинным, закрывал пупок.

К Роду наклонился священник:

— Перед тобой будущая Царица праздника и двадцать семь девушек. Ты можешь определить, кто Царица?

— Не-ет! — удивился Род.

Гимн смолк. В канале засуетились дельфины, девушки расставили ноги, направили шпоры-щетки внутрь и прыгнули в воду.

Вскоре Род увидел ряды дельфинов с девушками на спинах. Когда дельфины доплыли до места, где канал расширился, старый священник принялся вертеть ручку громадного барабана со струнами, вызывая тем самым пронизывающий скребуще-тенькающий звук. Дельфины начали метаться по водоему и сбрасывать девушек.

Звук оборвался, дельфины успокоились, но в канале остались шесть дельфинов с девушками на спинах.

Народ закричал. Крики заглушила водяная флейта. Священник, крутивший ручку барабана, с большим усилием, чуть не разрывая пальцы, перетягивал колками его кожу и струны. Вращение ручки продолжилось, и раздались такие мощные звуки, что дельфины забились в агонии, норовя перевернуться вверх брюхом. Барабан затих — на дельфине осталась одна девушка.

Дрожащий дельфин доставил ее к главному священнику.

— Царица муража, Ола! — представил священник.

— Царица муража, Ола! — вторил народ. — Асну! Асну!

Принесли бокалы с асной, замигал фонарь маяка, взмыли в небо цветки салюта, вспрянули знамена и хоругви со страшной рыбой, похожей на дельфина.

Род приблизился к победительнице и увидел у нее ниже подмышек розовые полоски, сходные с отверстиями жабр. Его подтолкнули ближе.

— Сегодняшние жених и невеста! — ни с того ни с сего возгласил один из ряженных. Глас хором повторили. Роду почудились в нем и уважение, и насмешка.

На плечи Олы накинули пелерину из морских трав, на ее шею надели ожерелье из крупных, наверное, фальшивых жемчужин. По знаку священников смеющиеся жители потянулись к столам. Праздник пошел по-иному. Появился колдовавший барабаном, а с ним — раскрашенные индейцы. Они посадили Рода и Олу спиной друг к другу на огромную зубастую деревянную рыбу, похожую на дельфина, и рыба, поднятая четырьмя индейцами, стала двигаться к зданию под маяком. Царица праздника сидела, конечно, первой. "А не сойти ли на землю?" — подумал Род, но вовремя заметил острый взгляд верховного священника.

Так Род и Ола остались в закрытом зале с бассейном. Зал освещали коптящие лампы у стен. Неожиданные новобрачные выбрали себе уголок почти у самого края бассейна. Стояла тишина, изредка нарушаемая потрескиваниями ламп. Шумы праздника сюда не проникали.

Род опьянел от странного напитка. Стены зала казались ему не слишком прочными. Они будто бы падали, а вода в бассейне приподнималась. Смотреть дальше чем на десять шагов вообще опасался. Боялся: его завертит и засосет таящаяся где-то в глубине стихия. Её он явственно чувствовал, но и способности трезво мыслить не потерял.

— Кто твои родители? — задал Оле вопрос Род.

— Ро — ди — тэ — лы? — переспросила Ола, предполагая, что у Рода неладно с речью.

— Ты хотел сказать "во-ди-те-ли"? У меня были разные водители, я всех не запомнила. Одни — в эвии, другие — в арии, третьи — в увии... Каждый обучал и воспитывал по-своему.

Одурманенный асной, Род не желал спрашивать о значении местных слов, да и много на него свалилось неведомого.

— А пила ли ты днем асну?

Ола засмеялась:

— Ты хотел сказать "масну"?! Масну пьют маленькие девочки.

— Я говорю про асну, о которой кричали на празднике.

— Я не вслушивалась в крики. Не счесть, о чем там кричат.

— А какую такую масну пьют девочки? — заинтересовался Род.

Ола опять засмеялась:

— Масну делают из молока диких коз.

Здесь на лицо Владимира Юрьевича легла тень:

— Да клюет же, клюет!! — ударило по ушам удивление прохожего.

Первым очнулся Юра и бросился к удочкам. Юра дернул удилище... Снасть от поплавка до грузила окутывала увесистая масса водяного папоротника. Из путаницы высунулась клешня, а затем морда чрезвычайно большого желтовато-серого рака.

— Омары у нас раньше не водились, — хитро щурясь, изрек Афанасий.

— Зато всякие мутанты, вроде гибрида тушканчика и ондатры, повадились вышныривать, — донесся притворно-равнодушный голос прохожего.

Рак напрягся и соскользнул вниз. Оживление закончилось. Рыбаки вновь повернулись к рассказчику.

— Род сохранил в памяти не всё, что было у него с Олой, — продолжил Владимир Андреевич, — но потом мог ярко представить необычное, загадочное и жуткое. Он понимал: происшедшее с ним связано не со священным напитком и не в асне причина, но в самой ночи, в начавшемся после того, как они с Олой освободились от одежд.

А у Олы оказался под набедренной повязкой-- трилистником <.....>, сходной с <.....> торцового гаечного ключа. Муфта Олы пульсировала, сжималась и разжималась, а <.....> девушки виделся не <.....>, но полупрозрачным водяным растением, кубком Нептуна или коралловым полипом, растущим там, где надо, и как надо.

Стольким ошарашенный, Род не озадачился — он интуитивно постиг почти всё, когда удостоился зрелища на другой стороне канала! — и стал трогать подобные жабрам розовые полосы, расположенные у Олы ниже подмышек. Филигранную татуировку.

Пульсирующая <.....> принялась там и сям теревить Рода. Временами Ола бессловесно пела, и пение ее проясняло Роду песни праздника. Постепенно Род и Ола переплелись ногами и руками, несколько раз муфта куснула Рода за нос и губы. Род внезапно уразумел: так и должно идти, это было на заре земного существования... Тогда человек еще не превратился в помесь свиньи с обезьяной. В мозгу Рода прозвучала мелодия утра жизни, он разглядел в ней блеск первобытных озер, ветви арековых пальм, усеянное бледными устрицами дно водоема. Муфта на <.....> девушки обхватила <.....>, и Род узрел зелёные звёзды и те просторы, из которых прилетел на планету Дух. Затем он увидел мир бестелесный, лежащий в основании всего.

Движения Рода и Олы утихли, посреди бассейна раздался плеск, появилась голова огромной рыбы, похожей на дельфина. Ола отстранилась от Рода, <.....> плотно сжалась. Послышался мощный хлопок. Покрытая слизью рыбина на миг показалась над водой. Ола ткнулась Роду в живот, грудь, в подмышку:

— Да сними, сними с меня волосы! — закричала она.

Род стиснул в кулаке концы ее волос и неожиданно для себя быстро и грубо дернул. Прическа Олы повисла у него на пальцах.

Лысая Ола прыгнула в воду, уцепилась за жабры рыбины и села на нее. Рыбина яростно закидалась по водоему, но, привыкнув к Оле, нашла подтопленный уступ, легла на него и вдруг забилась в судорогах. Тут у Олы взметнулась икра из <.....>лада. Икра била из Олы фонтаном и прилипала к слизи на спине рыбы. Икра выходила и выходила. Как бы вся утроба девушки была набита икрой и вся девушка состояла из икры.

Едва икра иссякла, рыбина сбросила обессиленную Олу, потом поймала пастью, подкинула, и рыбы челюсти сдавили грудную клетку Олы. Вода и слизь с икрой на спине рыбы покраснели. Из глотки Олы успел вырваться лишь предсмертный хрип. В несколько наскоков рыба разделала и проглотила Олу. От девушки ничего не осталось, кроме волос на руках у Рода. В эти минуты Род словно погрузился в оцепенение, почти не мог пошевелиться.

К Роду шагнул главный священник:

— Если у тебя перестанут нормально расти усы, изготовишь из влас Царицы новые, — произнес он.

— Это рыба мад, — указал священник, на бассейн. — Через четыре дня икринки с девочками созреют. Фрагменты рыбы с лучшими икринками прикрепят к брюшине самых достойных мужчин Омолока. Рыбьи ткани уникальны, они привьются и дадут требующиеся для беременности вещества. И почти каждая родившаяся девочка будет в нужный срок Царицей муража.

Род посмотрел на лицо священника и ощутил: изредка из икринок вылупляются и мальчики.

Подошли два индейца и взяли Рода за предплечья. Священник достал из кармана ножницы, протянул их к стене и подержал в свистящем пламени горелки. Ножницы раскалились добела. Индейцы приподняли Рода, а священник раздвинул ему ноги и мгновенно отрезал ядра, после чего наложил на место, где они были, дымящий ледяной пластырь.

На ошалевшего от боли Рода надели плащ, но обруч на макушку водрузили наоборот: верхом вниз... О нет! Это не его обруч, а перевернутая корона умершей Олы! Кресло с Родом вынесли к толпе.

— Стакамура! Стакамура! (Славный мураж!) — закричали празднующие. — Асну! Асну!

Сделав мученическое усилие, Род оглянулся на стену здания, прежде украшенную иллюминацией, и увидел зал с бассейном — театральную сцену за прозрачным стеклом.

Появились служители с асной. Роду подали бокал. Напиток имел немного иной вкус, чем раньше, Род почувствовал себя гораздо бодрее и сумел подняться с кресла.

Ему уже казалось: он прожил в поселке всю жизнь и ее остаток проведет здесь.

— Такую историю я узнал, — закончил Владимир Андреевич.

— *Ultra vires...* — начал было Юра.

— Стой, Владимир! — не вытерпел Афанасий. — Я от кого-то слышал, в Южной Америке тебя звали Родд, то есть, получается, Род перед нами! Как подобное осмыслить? У тебя — молодая жена и вылитый ты сыновья-близнецы от нее. Веревочка не связывается!

— Связывается! Потому и близнецы! — заметил Владимир Андреевич. — Любовных наук — много, а медицина доросла не только до клонирования, но и до многого другого.

— Доросла, но не для всех! — парировал бывший боцман.

— А кто мне отдает свой улов? С кем еще поспорим?

Ни один рыбак пререкаться не захотел.

Внезапно на противоположной стороне озера замолкла тарахтелка — вышла из строя насосная станция, берущая из озера аш два о — рабочее тело для агрегатов ТЭЦ.

— О — о — у! — обрадовались рыбаки. — На "Биотрон" не будет поступать пар! Это надолго! Предприятие остановится. Запах уйдет, и еще сегодня что-то да поймаем!

2001 г.

ШАПИТО

В мае 1977 года, выйдя из подземного перехода у метро, я обнаружила на пустыре рыжие купола. "Шапито линяет", — подумала и, продравшись сквозь толпу, внезапно оказалась подле торговцев в рваных до полного бесстыдства костюмах. Торговцы были зелено-синие и дрожали от холода. Один упрятался в скафандр. Немудрено.

На рыжем обгоревшем брезенте валялись безделушки типа раковин-пепельниц, стояли ни с чем не сравнимые цветы в ржавых банках из-под пиротехники. Шла торговля бусами, лентами, погремушками для попсовиков и осколками хроноскопических зеркал. Блестящие ленты и нити бус оборванцы вытягивали из канистр и резали крохотными автогенчиками. Такими "зажигалками" не пренебрег бы уважающий себя взломщик.

Действия продавцов отличались вялостью и замедленностью, бусы необычно сверкали — будто внутри них светили мощные маленькие лампочки. Среди желающих приобрести диковинки не прекращалась грызня, стремящихся пролезть без очереди отпихивали. Я не сразу смекнула, что и сама очутилась в хвосте.

Фрагменты зеркал не пользовались успехом: они были дороги и предназначались для гадалок, но некая солидная дама, отбывающая за мной второй круг, не отводила от своего осколка глаз.

— Быстрее, девушка, покупайте! Сейчас милиция придет! — озабоченно поторопила она.

Почему-то, возможно из-за тайного страха контрабанды, я отказалась от переливающегося оттенками радуги учтиво вытянутого куса бус и показала на притулившийся у канистры удивительный цветок в консервной банке. Зеленый торговец страдальчески ухмыльнулся, бросил мутный взгляд туда, откуда ожидали милицию, потом — на меня и заломил червонец.

Я забрала банку. Ко мне пригнулся пожилой гражданин и, постучав себя костяшками пальцев по лбу, прошипел что-то назидательное.

Дорогой без конца останавливалась и любовалась растением: в центре его цветки напоминали пестрых шмелей, по краям влажно блестя от сока, ниже — загибались в голубые с розовым шпоры. Листья... Они не походили друг на друга, но во всяком — изящные дырочки, окошки, обрамленные спиральками. Не сказала главного. Запах! Это невероятный аромат волшебной страны! А новостройки — обычный советский "Манхеттен" — почудились седьмым небом, когда двинулась в их сторону.

Дома меня едва не хватил удар: попытавшись пересадить растение, я не увидела корня. И уже заподозрила обман, как заметила, что, вынутое из банки, оно не упало, но воссело на подпорки-кресла и вдобавок уперлось в подлокотники. Габитус у этого сибарита был изумрудно-игнорирующий.

— Не хочешь расти в земле — заставлю колбасу есть! — выпалила я.

— Жирной колбасы не потребляю, — надменно подпустив прозрачный намек, ответило растение и, вскочив, помчалось по комнате. Юркнув в угловую щель, оно гнусно пискнуло и исчезло.

А около подготовленного сосуда возник иной цветок...

Второе растение поражало нормальностью: отсутствием изгибов, абсолютно одинаковыми и регулярными супротивными листьями. Правда, несколько косовато торчал длинный лиловый корень, зато как живая смотрелась фуражка с золотой кокардой.

К этому растению я почти привыкла. Существом оно оказалось довольно-таки сносным и в принципе смирным! Не капризничало. Время от времени выпускало розовые и желтые лепестки с гербами и водяными знаками. Говорило только о простом. Сидело в грунте крепко и уверенно.

Однако к июлю растение сильно разрослось, его выпирало из суповых горшков и даже семилитровых кастрюль. Я обнаружила: по ночам оно втайне бегаёт на общественную клумбу, усаженную бархатцами и настурциями. С каждым разом задерживалось там все дольше.

Я обошлась без претензий, но, пользуясь случаем, заказала бочку с крепкими обручами, а также приобрела стальной пломбир и собачий ошейник.

Коварное растение что-то пронюхало и начало вянуть. В августе его выбросила.

За лето рыжие полусферы у метро исчезли. Их разобрали дачники и растащили кто куда. В конце сентября я опять натолкнулась у подземного перехода на дрожащих от холода зелено-синих торговцев. Никакой очереди. Прямо на мостовой лежали сварганенные из скафандров акваланги и полоски рыжего картона, утыканые прозрачными жучками-паучками. Наверное, паучки эти гораздо хуже и мельче, чем те, что сбывают на толкучке у "Юного техника". Без микроскопа их хорошо не разглядишь!

Большой успех имел торговец, стоявший в стороне. Подойдя к нему, я увидела стереофотографии бурлящих толпами улиц античных полисов. Приезжий педагог сумел определить Пальмиру и Вавилон. Его настойчивые потуги выяснить названия прочих городов не увенчались успехом: окружающие пожимали плечами, а продавец хмуро молчал.

Мне понравилась фотография с выводком саблезубых тигрят, и я купила ее. Надо было заранее догадаться, что стерео так быстро портится! А возможно, кадры сделали на кадрах. Через пару дней тигрята исчезли и на снимке проступили унылые приболотные заросли; через неделю на месте зарослей уже красовались свайные хижины и бритоголовые субъекты в звериных шкурах; еще дней через пять — деревянная мельница с крыльями от фундамента до облаков.

Вскоре сельский пейзаж безнадежно ухудшили небезызвестные дома сто тридцать большой серии. Затем здания превратились в руины — предстало будущее планеты.

Фотография перед вами. Смотрите на теперешнее изображение! Песчаный стереохолм! Ни бетона, ни кирпичей.

А эта задумчивая четырехглазая свинья еще сегодня утром не держала в зубах бластер!

БАЛЛАДА О ВЫСОКОМ ДВОРЦЕ С ОВАЛЬНЫМИ ОКНАМИ

(женский текст)

*В трёх верстах от станции
Р. при рытье котлована для масло-
бойни открыли неизвестное погре-
бение. В каменном саркофаге нашли
коротенького рыцаря, облеченного в
стальные доспехи. Рядом с рыца-
рем лежал могучий и страшный меч.
Вряд ли рыцарь сумел бы его под-
нять выше пояса. На эфесе меча
прочитали надпись:*

Ж Р У Щ Е В Ъ

*С тех пор больше семи лет на
путников, идущих в полнолуние по
дороге, отделяющей новые кре-
стьянские земли от колхозного поля,
часто набрасывался огромный белый
бык с одним рогом.*

Жили три сестры: Варька, Анька и Доманька.
Они совсем не походили друг на друга.

Младшая, Варька, любила развлечения, сладкое и
сладенькое. Она или резалась с кем-нибудь в
карты, или рыскала по полкам в поисках кон-
фет, пряников, меда, вишневой наливочки. От
постоянного жевания и сосания конфет зубы
Варьки почернели и сточились.

Варька отличалась чрезвычайной дотошностью, проказливостью, умела ловко врать, избавляться от тягот и повинностей. Обвести вокруг пальца могла каждого. На свадьбах, масленице, других праздниках, сборищах выступала главным затейщиком. Смеха ради напяливала на голову сапог, легко изображала петуха, фельдшера и всякого начальника. Была у Варьки масса иных, неопикуемых достоинств, но приезжие настоящие кавалеры ее сторонились и даже побаивались. С прочими парнями она до времени водила очень близкую компанию, но в особо ответственный момент ухитрялась одурачить и оставить с носом. Разгневались сверх меры многие. Тем не менее Варька — единственная из сестер, которая таки выскочила замуж.

Как-то Варька шла по весенней, еще не пылящей дороге. Пригорки зеленели травой, от изгородей протягивались цветущие ветви яблонь. Пахло лесом, садом, лугом, голубым зенитом и молодостью. Из-за калитки Минки-пластинки доносилась томно-величественная музыка. Музыка есть, а слов нет. С чего бы?.. Варька почуяла поживу. Она тут же торкнулась в калитку. Бух-бух! — А калитка заперта. Дерг-дерг! — Колокольчик — ни дзень-дзинь. А — а — а! Варька вскинула левую ногу выше лба — недаром ею до лампочки доставала, — вцепилась рукой в вымазанный солидоллом зубец и махнула через ограду. З-з-з! Клочок юбки повис на шляпке гвоздя.

В саду у накрытого столика Минка обнималась и целовалась с... непонятком в батистовом пиджаке. Минкины телеса болтались будто у тряпичной куклы.

— Минка — клоун! Клоун! Гутта-перчевая! Перчевая! — запрыгала возле парочки Варька.

Минка насилу отклеилась от непонятка. Рядом с ней стоял сгорбленный, скрюченный мужичок. Шея его неразгибаемо клонилась вперед, уши оттопыривались под прямым углом, торчал огромный кадык, а лицо, помятое и сморщенное, походило на кожицу раздавленного маринованного помидора.

— Знакомься, Варенька, — мой жених, Константинчик...

Прищурилось и мигнуло солнце. Варька осела на сучковатый пенек. 3-3-3! Сорвалась булавка с юбки, юбка поехала дальше. Схватившись ногтями за лицо, Варька его поранила чуть не до крови.

— Вот, Варечка, варенье грушевое, княжениковое, кленовое, ежевичное... А это закомуристое, в котором и ягод не различишь, — твое любимое, рябиновое!

Варька всё маялась.

— Извини, Костя! У нас здесь дамские вопросы! — Минка потащила подругу в сторону дома.

— А что Антон?! Скоро службу на корабле закончит.

— Ха-га-ха! — выразила мнение Минка. — Антошка-картошка! Мне его замуж выдавать, красавчика незабвенного! Задержали на полгода субчика.

— Как задержали?

— Заменить (хи-хи!) некем. Классный специалист сопливый. По слухам, маяки и брошенные окурки на далеких континентах замечает. Мозгов нет — отрастил глаза не про наши образа.

— Не могут его задержать!

— А он в макаронники сунулся. У нас куда его возьмут? В гуночисты? Ну и пусть показывает чайкам свои регалии.

Варька внимательно следила за тающим в лазури облачком. Минка взяла ее за бока и потормошила:

— Бери, бери, ради бога, Антошку-недотепу, если тебе он нравится. Хоть сейчас к нему поезжай! Утешь! Погуляете по берегу морскому, раз его десятиэтажная шлюпка на приколе стоит.

Недаром Минку в детстве украли цыгане и год воспитывали, пока милиция не отобрала.

Константин тем временем разложил на скамейке увесистые объективы. Фотографировал яблони в цвету. Догадался (жмот!) нацелить фотоаппарат и на подружек. Внизу — клумбы, вверху — пена белых и розовых цветков, а среди пейзажа Варька с Минкой в позах артисток. Минут через пять из устройства вылезла картинка лучше живописного полотна.

Никогда в жизни, ни в каких журналах, альбомах, галереях Варька ничего удивительней не видела. Перекликался портрет с одной вещью великого художника. Даже Варька о нем слышала, но называть его имя жутко. И без сравнений: жест — к жесту, листок — к листку, растения вокруг будто в оранжерее выращены, точно музыкой рождены, таинственной силой повернуты. Блистала, звенела в фотографии необыкновенная одухотворенность. Не Минкин этот сад — а волшебницы из сказки. Не на земле он вырос — на небе. А фигуры? Они не стояли, а парили. Не артистками выглядели Варька с Минкой, но, черт подери, — вознесенными святыми.

Варька получила три копии. Две она подарила сестрам, а своя куда-то пропала.

Немедля выехать с посылками для Антона (они были предлогом) Варьке не позволило крушение на станции. Свалились под откос вагоны с

солью и цистерны со спиртом. По вине этой горючей жидкости в округе начались события совершенно невразумительные. Из-за брожения в головах, массового помешательства, радости, кошмара и паники не всякий ныне помнит о них. Полевые работы прекратились. На месте катастрофы, на подступах к нему кипели битвы между бандами кулачных бойцов. Несколько дней и постреливали, и пускали в оборот длинные ножи. Неблатному люду — на станцию не попасть.

Однако под хмельной храп общественных стражей Минкины соседи исхитрились и нацедили сорокавёдерную бочку содержимого цистерн. За это пришедшие с торфозаготовки условия спалили смельчакам дом, надворные сараи с живностью, а самих вбили в пашню трамбовками. Но не вывели изуверы, где зарыта бочка со спиртом.

Отвезла Варька посылки — ее, бойкую, но ленивую девку, всегда куда-то снаряжали — и по берегу морскому погуляла, и контрабандой в корабельной каптерке пообитала, пока на берегу не обосновалась. А затея — ни того ни сего, ни тпру ни бру.

Лишь накануне ухода в море Антон погрустнел, мутно зыркнул и объявил, что в таежные края не вернется. Есть в Липецкой области посёлок N, и завещан там ему, Антону, домишко с четырьмя большими печками и шестью комнатами. Нужно занимать: иначе сметливые вандалы разберут на дрова и стройматериалы.

— Не хочешь ли, Варя, Юсовку свою покинуть? Не везде в России — зимой минус сорок!

Но выяснилось: долго еще Антону седые волны и визг чаек слушать.

После новой поездки немало месяцев Варьке пришлось, дую на посиневшие от холода пальцы, щелкать костяшками счетов на складе ГСМ в далёком полярном городке.

Но Варька своего не упустила: удалось ей побывать под венцом, но порадоваться почти не довелось.

Варька почувяла: она не замена Минки, а кого-то другого. Дуновением не тем на нее повеяло. Подробности она постигла позже.

Вдобавок... Каждый второй раз, потом — каждый третий, потом реже, до увольнения в запас Антон сближался с ней не так, как это делают с <.....>. А затем чуточку временами брезговать стал — дескать, неважный она <.....>. Очень интересного лешего он в Минке нашел?! Варька взяла и спросила.

— Она — всё вместе! Могила моя! — заорал Антон и отправился на службу.

"О чем он?" — не вникла в суть Варька.

* *

Вот он, обещанный поселок в Липецкой области. Весной — разлив, осенью — океан черной грязи. Зато бестревожно и легко на душе, словно где-то за деревьями, совсем рядом, прячется потерянная прародина. Так думалось-грезилось Варьке.

Но лучше бы она разорвала фату, растоптала кокошник и прочие финтифлюшки свадебными туфлями. И полгода не пожила спокойно. Чем светлее на улице — тем пасмурнее в просторном доме.

Как-то открыл морячок окно, смотрел в него, смотрел, схватил табуретку и страшно шмякнул

о стену. Мигом вылез в окно, убежал в домашних тапочках. И на десять дней исчез.

Прозябал, говорят, то на кладбище в склепе, то в подвале пятиэтажки, где халтурил сантехником.

Возвратился — глаза бы его не видели! Черт приперся, а не Антон! Тогда и пахло на Варьку нечеловеческим. Закусила она губу, многое нутром поняла.

Взбрендилось морячку, не стесняясь, вспоминать Минку, <..... > и напиваться до омерзения.

"Испортили, испортили Антошку", — говорила вслух Минка, читая жалостные Варькины письма, а сама усмехалась под нос.

"Там ли его испортили?" — могла бы возразить Варька. Что делать? Как быть? Дышать в легком липецком воздухе становилось трудно. Астма ли, плесень ли с тыльной грани досок пола действует? И перегар непрерывный. Винокурня, не дом. А доски пола снимать не желает. Ничего, мол, подышишь и плесенью, я морской изморосью семьдесят восемь месяцев дышал — и то не издох.

Да и засунь его спать по ту сторону пола — не поможет. Бог знает где ночует.

Попробовал однажды замахнуться. Да Варька ему острую вилку в руку вонзила — не выпускают сейчас таких вилок, продают обычные литые. Вонзила вилку и тут же стол перевернула, сиденьем от старого стула огрела по голове.

В другой раз явился пакостнее пакостного и дружков привел. Дружки еле на ногах стоят. Берите, берите ее, Петька и Мишка, играйте, как в башку взбредет, а я подержу, чтоб не брыкалась.

Показывал *разные* фокусы морячок. Хуже смерти опротивел Варьке морской волк. Офор-

мился пьяница начальником шлюза, а заодно стал вожаком приبلудных гопников, вооружил их сетями, заставил ловить рыбу, промышлять водки ради. А в доме учредил браконьерский рыбный склад.

С детства строптивая, Варька к таким поворотам судьбы привыкать не собиралась, но и деваться некуда. Работать, ходить на смены — ужас не хотелось. Да и возьмутся по волшебству смены?

И всё же не вытерпела Варька, отправилась к вагончикам строителей, да поздно она решилась.

— Уезжаем. Уезжаем в Подмосковье. Трубы проложили — и тюткаться теперь не с чем.

Посмотрела Варька концерт, который давали вахтовикам при свете костров и прожекторов, и пошагала домой. Шла еле-еле. Сплошной гололёд. К селениям не выйти. Хмурь. Синие тени. Серофиолетовые отсверки. На ветках дрожат сосульки, бьются друг о друга, звенят фальшивым хрусталем. Теплый ветер. Почти горячий. Из давно забытого лета. Черно-лиловое небо без звёзд. В поле клочья тумана. Быть бы неуютному, пасмурному ощущению, а у Варьки наоборот. "Нам здесь приятно, тепло и сыро!" — словно пронеслись в ее мозгу шипящие дисканты. Но нет! Нет! Обстояло иначе. Похоже, посреди тьмы восстало незримое солнце, пронзило тихой тайной и ясностью всё вокруг, каждую клеточку Варькиного тела. Только старикам не нравится низкое давление непогожих дней. А душа Варьки парила будто в невесомости. Где-то далеко сошедший с ума металлический динамик на столбе вещал неизвестно что: "Голос Америки", перемешанный с громкими, но размыто-неотчетливыми советскими голосами

дикторов: мужчины и женщины. На речь еще накладывалась музыка, подобная эху. Да и природа съехала с ума: по застылой ледяной равнине плыл ветер из южных стран. Варька полусознанно развертывала перед собой карту, оживляла в воображении знойные побережья, раскаленные пески. Земля впитывала кое-где наметившимися декабрьскими проталинами дыхание персидского ветра. И вдруг над всей этой местностью, над всем этим миром Варька представила-увидела высокий дворец-замок с овальными окнами, недоступный никакой тщете, никакой тлетворности. Окна дворца — точь-в-точь иллюминаторы секретного аппарата, что некогда возник в филиале номерного завода.

Был лучший Варькин год — время ожидания счастья в том полярном городке. Многие примечали ее сияние и даже спрашивали, не беременна ли?

Спешила она с бухгалтерскими бумагами по территории за второй (внутренней) проходной по пропуску, выданному на двадцать минут. Внезапно раздались крики, повалил дым из трансформаторов подстанции, разверзлись брезентовые ворота огромного сооружения, и вышла из них не ракета — выскользнуло гигантское серебристое яйцо с иллюминаторами и радужным нимбом. Оно не касалось ни земли, ни подпорок, не соединялось ни с чем, незыблемо висело. В полувыдвинувшейся из тех же врат ажурной гондоле бесстрашно стояли четыре техника в белых халатах, держали трубки-сопла, из которых с шумом вырывался сжатый воздух или азот, пытались сбить с аппарата радужный нимб, и это у них почти ладилось. Не чувствовала в тот момент Варька ничего, кроме восторга и удивления.

Но налюбоваться серебряным чудом не успела: к ней подскочил хохол в штатском, глянул полуторадюймовыми вытарашенными глазами и потащил в кабинет на политбеседу.

Ничего не произошло на ней особенного, но Варькина психейная беременность куда-то исчезла. Куда? Ведь не сделали никому аборт техники в белых халатах!

Сейчас она чуть не всеми порами воспринимала светозарный дворец-замок, выросший над ровным полем. Пронзительно казалось: он и есть греющее в гололедь и хмурь незримое солнце, ставшее на пару мгновений явным.

Вернулась Варька домой, а там Антон-бандит замыслил очередное измывательство; в качестве зрителя посадил в углу нового дружка. Смотри, дескать, Серый, как мы отдыхаем. И секунды не думала Варька, но таки смекнула. Должно, заранее ей приснилось, что надо свершить. Взвыла она бешено. Схватила длинный безмен. Размахнулась — и хряснула у Антона черепушка. Он не успел заслониться: или сильно опьянел, или нарочно из форса решил не защищаться. Да и не помогла бы ему защита: прицепленный кузнецом к безмену дополнительный грузик сработал на манер кистеня.

Забулькал морячок, низвергся на пол и ручки на груди собрал.

Конец висевшей на окне зелёной занавески затрепетал, поднялся к потолку, нацелился и вылетел в форточку. Не сквозняк направил его туда!

Какая занавеска! И себя не помнила Варька. Может, и воистину аффект был.

Семь лет потом ей пришлось ходить в чужом халате и петь песни за колючей оградой. За ней она узнала из писем то, чему поверить трудно: горбатенький муж Минки удавился. Удавился нелепым способом, привязав веревку к ручкам двух дверей, открывающихся в противоположные стороны. И случилось это 19 декабря, в тот самый день, когда залилась гнусная тельняшка киноварью.

Вот она, вспорхнувшая занавеска перед форточкой! Не к тем ли дверям понесло душу моряка-мстителя на охмурение мозгов соперника?

О Варькиной истории сказано все. Варвара превратилась в нормального человека, а нормальные люди не живут: книжки листают или фильмы смакуют.

А Минка уехала за границу с другим фотокорреспондентом. Несколько успокоилась. Она магистр магии, промышляет в центре Брюгге. Псевдоним ее — "Минна".

Нос у Минны жутко удлинился, по весне обретает диковинную стекловидную лиловость.

* *

Средняя сестра Анька ошарашивала замкнутостью и нелюдимостью. Родилась она с лицом взрослым. Читать и считать научилась в три года.

У инспектора облоно попал в колдобину "москвич", потом, подобно предыдущим машинам начальства, сполз в яму у мостика. Берегли ту дающую фору яму больше зеницы ока! Зашел инспектор на огонёк попить чаю, маленькую Аню на руки взял, показал, пока трактора дожидался, буквы и цифры. Через месяц Аня превосходила в грамоте бабок с ликбезом. А первоклассницей цитировала наизусть энциклопедии, что смогли

ей найти в окружности десяти вёрст. Со временем за такую ученость определило Аньку правление колхоза счетоводом. Но не счетоводом была Анька. Она дышала недоступной для остальных жизнью, видела хрупкую стенку между снами на конце потерянной лестницы воспоминаний, зрела пространство, пронизанное блистательными неизвестными тенями, полупрозрачными стволами неведомых деревьев да белыми бессмертными птицами, умеющими парить, парить без взмаха крылом, без остановки, без снижения. Появлялось всё это в той недосыгаемой простой твари долине, где светлячок Утренней звезды кажется треугольным и оливково-золотистым, где цвет и звук сливаются воедино, а роса ощущается небом, где змеи-богосущества населяют радужный - город-чертог, а их отпавшая, но умствующая чешуя превращается в сквозное и объемное чувствование. Становится гением тот, к кому она прилипает; еще теплится надежда на глубины разматывающегося, растворяющегося бытия. Но катастрофический нуль алчен — и настает земное царство овеществлений и уплощенных до исчезновения мыслей. А если вообразить, будто ты и есть белая бессмертная птица, стихией мчащаяся к точке смыкания незримых горизонтов — к схождению схождений?

Но в нашем мире торжества пошлости и плебейства слаба оказалась Анька. Только Аньке исполнилось девятнадцать, ее подозвала у вокзала цыганка и сказала:

— Девушка, тебя ведь Аней зовут? Так? Жалко мне тебя, не проживешь долго на этом свете. — Повернулась цыганка и — нет ее, как растаяла.

Спустя шесть лет к Аньке подошла та же цыганка и сообщила:

— Сегодня, Аня, ты будешь в огромном доме с большими окнами. Там много хороших людей встретишь.

"Оно! Оно! Осуществляется, чую, тайное!" — подумала Анька.

Неделю она где-то пропадала, а прибредя к своим, выпалила:

— Я жила в высоком сребристом доме с овальными окнами. Этот дом-дворец — в великом городе. В нем без числа счастливых обитателей в лилейных одеждах.

— Где ты жи-и-ла, в ка-а-ком та-а-ком городе?! — спрашивали у Аньки.

Она не смогла ответить, имя города не назвала.

— Город рядом, рядом город, — твердила.

Но все отлично знали: по соседству города нет, ни великого, ни малого. Ближний — и тот в ста сорока километрах; сколько вёрст, давно забыли. В нем по преимуществу — одноэтажные здания-развалюхи и никаких домов-дворцов.

— А где твой шарфик голубой шёлковый? — захотели выпытать у Аньки.

Анька широко раскрыла глаза, схватилась за шею и заплакала.

Дня через три Анька исчезла. Целый месяц о ней никто ничего не слышал. И не услышал бы. Да случилось так, что полевого объездчика Грача опоили на хуторе Весёлом самогонкой, настоящей для крепости на махорке и курином помёте. Уснул Грач под телегой, а после уже не мог понять, что происходит. Встал словно бы он изпод телеги и потащился дорогой. Не успел подойти к повороту на мельницу — луна выглянула из-за туч, ярко осветила дорогу. И чует Грач:

раздается сзади топот. Топот звучнее и звонче. Обернулся Грач: здоровенный белый бык за ним гонится. Свернул Грач с дороги на тропку, а бык — за ним. Единственный рог огнем сияет, из ноздрей свист идет. Помчался Грач по полю, увидел амбар без кровли, на миг отдернул его дверь, нырнул внутрь и смотрит в щелочку, что бык делает.

А быка и нет. Сгинул куда-то. Пропал в ночи. На мгновение пришла к Грачу ясность: напросился он вчера к хозяевам хутора ночевать! Отпели тогда петухи, скотина угомонилась, было спокойно, а Грач ерзал на набитом хрустящей соломой тюфяке, вспоминал службу в противовоздушной части у далекой от бомбежек Пензы, мучительные мечты о фронтовом пайке и выматывающую внутренности кислую капусту, кислые лесопосадки, кислые туши законсервированных самолетов, открытый сторонам света строевой плац, караульное помещение с жесткими нарами.

У Метелихи, хозяйки хутора, объявились тем временем ночные гости. Голоса их, вначале тихие, становились громче и громче. Поднялся Грач, нащупал дверь, легонько потянул поперечину, отвел опущенные занавески. Посреди полутемной столовой стояла кадка. Вокруг кадки бегали в чем мать родила Метелиха и две женщины с огромными носами. Лица бегающих были густо намазаны сажей. В кадке что-то шипело, плавала дощечка с укрепленной на ней горячей свечкой. В одном углу комнаты топталась цыганка, раскачивалась и, прищептывая нечто тарабарское, сверлила зрачками поднимающийся над кадкой пар. В другом углу сидел краснорожий мужик с трепещущейся, но безголовой черной курицей в руке.

— Ой ли, ой! Ой ли, ой! — тонко гнусавили бегающие бабы. — Изыдите, змии! Изыдите, ока-янные! Виридон! Ах, Виридон! Брось опять им молоду! Третью! Четвертую!

И здесь Метелиха узрела Грача:

— Прос-нул-л-ся, раз-мил-лай! Бесприютный сиротинушка! Грудь-сердечишко болит! Еще выпей кружечку, еще выпей золоту!

Выпил Грач кружку или больше — никому не ведомо. Только дал ему тумака краснорожий мужик и выпихнул вон. Потом очутился Грач под телегой, потом бежал от быка... Вспомнил это Грач — и тут же забыл. Свалился в амбаре, уснул, и приснилось ему, что идет он по железнодорожному полотну с восемью колеями, а сзади мчит на всех парах новый расписанный паровоз — крик моды пятидесятых, не деповский ржавый и копченый... — грозно латунию блестит, серпастый орден выпячивает, гудит сильнее грома в ущельях, мощно хлопает крышкой над трубой, верхние колпаки кулаками вытягивает, контр-рельсами, точно зубами, щелкает. И на какую бы колею Грач ни становился, паровоз на ней гремел. Двинулся Грач через ямы и промоины в луг заболоченный, а злой щеголь-паровоз без всяких рельсов следом погнал.

Утром мимо амбара, продираясь сквозь конопляное поле, ругая росу, вымочившую подолы, семенили три старухи с корзинами на закорках. В корзинах — ворованная колхозная свёкла, замаскированная лопухами и грибами. Услышали, что в амбаре кто-то стонет и ноет, распахнули дверь: перепачканная образина объездчика! Рванулись было со страху дать дёру, да одна из старух, девяностолетняя девушка Настя, заметила на гвозде голубой шарфик, а под ним — мертвую Аньку.

Анькино лицо изгрызли мыши. Нетронутая кожа стала угольной, как у негритянки. Подле Аньки колебалась в струях воздуха сморщенная выцветшая фотография. На фотографии стояли в бурьяне фигуры: Анька и неизвестная женщина в пёстрых одеждах. За год до этого у Аньки нашли прирожденный порок сердца. Никто не мог сказать, где он раньше прятался и объяснить, отчего она прожила так долго.

Думать о случившемся особо не приходилось. Дознаватель с фельдшером составили протокол и укатили на мотоцикле, в коляске которого они месяц назад, во время внезапного умственного затмения, привезли сюда Аньку для надругательства.

Пыль от мотоцикла не рассеялась, а уже возникла перед трупом Глашка-монашка, покурила ладаном, помолчала, глядя на дорогу; раздавила мужским ботинком длинную двурогую гусеницу, затем убрала в карман засаленный молитвенник и велела хоронить Аньку рядом с амбаром. Глашка являлась дьячком-попом-митрополитом, российским и вселенским патриархом. В тридцатом году ее выгнали из церкви за блуд со священником. Поэтому Глашка живой и целой осталась, родила девочку. Прочий причт расстреляли или раскулачили и сослали. Наказал бог Глашку превеликим стеклянисто-лиловым носом, как в дальнейшем — племянницу ее, Минну-Минку. Числился за Глашкой грех сексотства.

Забудем про это. Мир праху Анькиному. Есть история еще об одной сестре, вернее, ее дочери.

* *

Доманька, самая хозяйственная и домовитая, была намного старше сестер. Из-за нескончаемых хлопот часто не удосуживалась получать на почте двадцатирублевую пенсию. Ссылаясь на расстояние, почтальоны деньги не носили. Доманька держала коровку, по имени Жданка. Жданка давала молоко — гуще сливок, но почему-то с горчинкой: то ли оттого, что в сено по нерадивости косца-соседа попадал чернобыльник, то ли Жданка нарочно вышаривала горькое или — натура ее коровья оказалась такова. Молоко принимали за козье, но приобретать его не хотели. Доманька готовила из молока простоквашу. Кислое и горькое компенсировали друг друга, вместе порождали немыслимый, нереальный букет. Простокваша пользовалась успехом и стала главной статьей Доманькиных доходов. Лежачие больные требовали исключительно Доманькиной простокваши. А умирающие (вот незадача!) обретали в напитке особенный вкус к жизни и, составляя завещания, вспоминали Доманьку.

Поздняя дочь Доманьки (ни от кого) вызывала в памяти физиономию Варьки или Аньки. От Доманьки в ней — ни черточки. Считали, что ребенок подкинут: то ли Варька в тюрьме произвела на свет, то ли Анька — тихий омут! — блажила. Мы ничего об этом не слышали, хотя смутно догадываемся.

Дочь всех сестер Даша училась в университете. В родном селе ее не видели года полтора. Как-то, гуляя по Томску (а может, по другому сибирскому или уральскому городу — конкретных обозначений мы не намерены делать), Даша проходила мимо вокзала и некстати столкнулась с цыганкой. Цыганка немедленно обняла Дашу и произнесла:

— Девушка! Тебя ведь Дашей зовут!

Даша вырвалась и пустилась бежать. В общежитие она не пришла ни в этот, ни на следующий день, в аудиториях не появилась.

А помчалась Даша не куда-то, а в достопримечательную гостиницу у рынка. Прошмыгнула мимо заслуженного, но упорно невежливого швейцара Терентия, отрывисто шепнув: "К Алевтине!". В ту смену Алевтина и дежурила по коридору.

— Что с тобой, Дашенька? — обмерла Алевтина. И никто бы не открыл в коридорной мадам бывшую неудачливую абитуриентку: иранские ковры, финские диваны, уют, клиенты из номеров люкс и такое, о чем рассуждать не принято.

Увы, Даша распрощалась с гораздо лучшим пристанищем. В бывшем доме купца Филиппова жила графиня Юсовская, владевшая когда-то территориями, откуда приехала Даша. Останавливались у графини ее земляки, даже те, кто грабил ее усадьбу, поджигал постройки, вырубал деревья в аллеях. Еле не дошло в девятнадцатом году до разбирательства: поджигатели едва не зажарили живьем отдохавшего в имении охотника, игрока, матерого революционера из дворян — их сиятельство товарища Белощекина. Приезжали теперь к барыне юсовчане, а кое-кто вымолил у нее защиту перед законом. Последний раз Даша была у графини на юбилее. Там присутствовали: прославленная артистка, престарелый член РСДРП, в дни оны беседовавший с Лениным, бывший секретарь обкома, отслуживший председатель исполкома, два полковника, действующие чиновники. Вели себя эти верхи общества не так смиренно, как крестьяне, но и не подобно обычным гостям. И артистка, и полковники клали локти на стол, звенели ложечкой о чашки; шумно прихлебывали; говорили "катáрсис", вместо "ка́тарсис", "фэтиш", вместо "фетúш". Гра-

финя исподволь улыбалась Даше на ее вопросительные взоры.

Сидел в кругу гостей факир, парапсихолог — лицо неопределенной национальности: на четверть гуцул, на четверть лопарь, на восьмушку бербер — и многая и многая и многая. Его звали Кир. Он сразу понравился Даше. Она временами взглядывала на него и чем больше взглядывала — тем больше вспоминала репродукции картин Врубеля. В голове всплывали строчки Лермонтова, совсем не связанные с обстановкой: "Я видел горные хребты, причудливые, как мечты", "Кочующие караваны в пространство брошенных светил". Лицо Кира сохраняло непроницаемость. Он походил и не походил на "мулата". В его очах проблескивала турнбулева синь. "Точь-в-точь, наверное, являлись миру учителя учителей, доантичные пришельцы с моря", — подумала Даша. И вдруг ее грезы поникли: на Кира без зазрения совести пялилась знаменитая артистка. Породистые ноздри артистки слабо подрагивали. В груди Даши похолодело. Артистка смотрелась на все сорок, но тягаться с ней Даша не могла и мечтать. Пусть артистка менее свежа, менее симпатична, не умеет правильно держать ноги и руки, ставит не те ударения. Даша почувствовала себя не барышней-крестьянкой, не барышней-студенткой, но крестьянкой-барышней, крестьянкой-студенткой. Или пропала выучка, которую она семь лет с перерывами получала у графини? Даша поймала финтифанты одной из полковничьих жен: полковничиха полуотверзла рот и, проделывая прихваченным со стены антикварным веером умерительные отвлекающие маневры, без конца то косила, то стреляла глазами в сторону гуцула-бербера. Вся ее душа словно устремлялась туда. Видя это, Даша чуть не усмехнулась, ей стало гораздо легче. На Дашу нашло еще озарение: миленькое

выражение лица у жены другого полковника, черно-волосой плотноватой особы! И эта! Но нет, нет! Зыркалочки полковничихи были налиты смесью гнева, тонкого презрения, возможного прощения. Вот оно что! В противоположном углу смазливый лейтенант Подберезкин слишком погрузился в развесёлую беседу с внучкой графини Стеллой. Даша тоже повеселела. "Кочующие караваны в пространство брошенных светил", — пропелось внутри нее.

Кир чаще молчал, но оживился, когда речи приняли неожиданный оборот. Кто-то из гостей поведал эпизод: недалеко от пограничного пункта некая дама не то превратилась в дым, не то растаяла. Остались от нее одежда и правая стопа. Таможенный чин запечатлел в памяти огромный лиловато-глазурный нос женщины... Среди гостей раздалась реплика:

— Где контроль — там и мошенничество. Требовалось пронести запрещенное — служакам и показали для блокировки внимания фокус;

— Причем здесь фокус? Публикация была 31 марта — накануне первого апреля. Явно пахнет газетным розыгрышем.

В разговор вмешался один из полковников, военный юрист:

— Изредка человеческая плоть обнаруживает свойства льда и напалма сразу. Первые случаи связанного с этим исчезновения людей появились с завозом в Европу табака. Хорошо, сейчас перестали поджигать и ронять трут. Кожа выделяет пары горючей субстанции, но воспламеняются они с трудом. В семнадцатом веке исчезла леди Одиллия Тронквилл, стоявшая у камина. В начале восемнадцатого века после проплывания шаровой молнии истлел кавалер Месере де Ко. И не только с людьми происходит подобное: в 1911 году в Шлезвиг-Гольштейне это сотворилось с

мопсом, одетым в натуловищник. Мопс надавил зубами на капсулю пустой гильзы. Уцелели когти, сломанный клык и ткань — тело и скелет истаяли.

Полковник осмотрелся, остановил взгляд на салфетке и добавил:

— Аномальный эффект в том, что закрытый толстой тканью жир горит без кислорода при температуре горячей плазмы, испаряет кости и прочее. Но ткань почему-то не затрагивается!

Полковника перебили яростные спорщики: истаивает-де не тело, а его фантомы; сам организм лучше искать где-то в другом месте, а он может быть уже и мертвым...

Инициативой завладел Кир:

— Ученым удалось воспламенить завернутую в одеяла свинью. От свиньи почти ничего не сохранилось.

Затем слушали исключительно Кира. Он рассказывал закарпатские истории о вещах таинственных, но касались они не тела, а души. Посеяв небезразличие, он перешел к теории:

— Есть арифметика, алгебра и квантовая механика души.

И получалось по его науке: " $2 + 1$ равно 1 , а $1 + 2$ есть 2 ; в человеке — масса душ; и существует в нем еще нечто: не одно, не многое, внебогое". Вскоре Кир приступил сеансу, а в качестве медиума пригласил Дашу.

Знает Даша, сидели все возле нее полукругом и твердила она в медиумическом сне, разное твердила. Завершился сеанс. Но все сидели полукругом и утешали Дашу, утешали. В чем утешали — и не поняла Даша. И успокаивающих слов не запомнила. Было у нее очень легкое настроение. Почудилось, будто она минуту назад бродила по небу, а потому и не заинтересовалась попыткой ободрения.

Месяца три протекло, как графиня уехала: то ли к детям в Москву, то ли к их бывшей гувернантке в Швейцарию. А захотелось Даше спросить, что стряслось в конце того вечера, что говорила она в медиумическом сне и чем разжалобила собравшихся. Теперь Даша загостилась на работе у Алевтины. Неделю жила то в одном, то в другом номере, листала подшивки журналов. Часы летели стремительно. В последний день решила запереться и никуда не высовываться. Раньше Алевтина предлагала Даше необычные способы постоянного поселения в гостинице, но и просто удержаться в ней больше двух суток Даше не удавалось. Выталкивало ее оттуда неизвестной силой. Да и не терпела она развеселых командированных, торговых воротил, их ловких экспедиторов, а особенно опасалась гостиничной администрации. Не всякий раз изыскивала фразы, которые бы оправдывали ее присутствие. И главное: не подвести Алевтину. А прикидываться подстилкой для Кавказа было неприятно. Пока всё сходило с рук. Но, увы, довелось столкнуться с заведующим филиалом и громилой-завхозом.

В тот неприветливый день, покидая гостиницу, Алевтина прихватила лишние ключи от Дашиного номера; кивнув, пробежала мимо опоздавшей сменщицы: подписи в журналах есть, всё в порядке. Однако сев в автобус, Алевтина чуть не хлопнула себя по лбу: не предупредила недавно принятую дежурную о Даше. "А, ладно, сойдет!" — прикинула Алевтина. Сплошь заморочки. Целый клубок. Еще нужно успеть в консультацию. И из-за чего! "Вот дура!" — проклинала она себя. Надеялась, обойдется визитом к дружку эскулапу (она бормотала про себя "эскулапу"), без анали-

зов и диспансера. В крайнем случае намекну на свои дополнительные обязанности. И у них есть комнатка, похожая на спецотдел. Пусть же ге бе сам идет в кэ вэ дэ!

Не прошло и сорока минут после ухода Алевтины, как в номер Даши вздумал ломиться задержавшийся заведующий. Не найдя ключей, зло распекая служащих, потребовал завхоза. Можно заподозрить, босс забыл в номере золото или уснувший во хмелю предмет сластолюбивых намерений. Завхоз незамедлительно явился и начал взламывать дверь, но почему-то неумело. Во время этой процедуры заведующий и завхоз басовито переговаривались друг с другом, иногда бросались солеными словечками, будто адресованными Даше. "Опять торчали за одним столом и опились коньяку!" — догадалась она и стала быстро одеваться для выхода на улицу. В ушах звенело. Одеваясь, Даша чувствовала: дребезжащая дверь и есть она сама, не дверь взламывают, а ее, Дашу. И разницы нет. Именно она, Даша, — проем, пространство для чужих грязных душ. Ах, медиум! Медиум! А засасывающая пустота в подрагивающем на стене зеркале! Что там прячется? Белесое. У зеркала — брак. Оно немного вытягивало или сжимало отражения, а сейчас серебряная поверхность то ширила, то плющила пустоту. Она умножала пустоту, и "Пусти ту!" звучало в зеркале, и зеркало билось о стену, и пустота билась о пустоту. Не выдержав очередного резкого натиска на дверь, трясаясь от предощущений и страха, Даша распахнула примороженное окно. По лицу и ногам ударило волной холода. Вдохнув морозное "Пусти ту!", долю секунды поболтавшись с зажмуренными глазами на полуубранных вверх тентах-жалюзичках, Даша прыгнула вниз. Из окна четвертого этажа. Попала ли она на скат при-

стройки, спаслась ли иным образом, перепутала ли перед прыжком этаж по причине частых переселений — не нам судить.

Дней через семь Дашу снова видели в университете — в модных узорчатых сапожках, но с некоей радости без каблуков.

— Где ты пропадала так долго? — спрашивали ее. — Тебя искал какой-то корявый в голубых погонах. Донельзя наглый. Приходил сюда с горбатым монголом.

— Я была рядом. В соседнем городе за рекой. Жила в высоченном дворце с овальными окнами, — сквозь желание отвечала Даша и показывала направление.

— За рекой — ни города, ни зданий! Глухая тайга! А мост? И шпенька от него здесь нет! — возмущались студенты. "Спятила. Спятила. Офигела!" — решили одни. "Да она скрывает любовную историю!" — подумали другие. А совсем сдвинутые и обезбашенные, обмотали мозги лукавым телевизионным спагетти:

— Ты побывала у инопланетян на летающей тарелке. Отсчитай на всякий случай десять лунных месяцев. Не повредит!

С мнением о тарелке Даша не согласилась:

— Дворец на земле. В огромном городе. То, наверное, крупнейший город на планете.

Можно было поразиться тем переменам, что произошли в Дашиной комнате. Над кроватью Даши больше трех лет висела фотография в рамке. Верх искусства, музыка музык, а не двойной портрет с пейзажем. Теперь эта фотография сморщилась и почернела. Фигуры на ней переиначились. Там, где должна находиться тетька Миночка — красовалась цыганка, встреченная у вокзала... А вместо тети Варечки, да, вместо те-

ти Варечки, стояла среди деревьев Даша. Боконину шкафа раньше подхорашивала познавательная картинка с изображением обитателей моря: над колонией гидроидных полипов реяла их свободноплавающая половая форма — медуза, левее ее располагалась личинка полипов, дочь медузы, — паренхимула. Половая форма оказалась перечеркнутой жирным крестом, а фрагмент плаката с личинкой оторвали. Похоже, наведывались какие-то гости.

Возникла еще заминка:

— Даша! А где твой черепаховый перстень с малахитовой бабочкой? — спросила соседка.

Даша посмотрела на безымянный палец левой руки и вздрогнула. Палец на глазах стал бледнеть и утончаться. Он вроде бы таял, подобно пальцу Снегурочки.

Подступила сессия. Экзамены понеслись один за другим. Вот финальный: физическая химия. Слушая ответ Даши, преподаватель приобнял ее за плечико. Потеребив, сжал его, после чего весьма плотно приткнулся дергающейся ляжкой к Дашиному бедру. Физическая химия — самый страшный экзамен из всех. Студенты были погружены в свои дела и ничего не заметили.

Весь следующий день, воскресенье, доцент кафедр физической химии провел в общежитии.

— Надо же! Ошивается! — подмигивали пятикурсники.

Но чем он там занимался — никто толком не рассказал. Утром доцента нашли в женской умывальной на куче грязных тарелок. В живот ему вдавили кухонный нож. С черенком! Лезвие ножа, по утверждению медика, найдено внутри грудной клетки. В той же умывалке увидели мертвецки пьяного вахтера, с предыдущей смены. В шевелюре

вахтера скромно приютились осколки разбитой тарелки, отнюдь не летающей. Проснувшись в КПЗ, вахтер ничего не смог вспомнить. А попытавшись приподняться, закричал что мочи, притронулся к шишке на лбу и испустил дух.

Даши в университете уже не было. Спозаранку, в понедельник, она сидела в вагоне поезда, увозящего ее домой. Кое-как протянулись кислые двадцать девять часов дороги. С томлением на перегонах, пересадкой, просроченным пересохшим печеньем и чаем с привкусом битума.

Даша шагала по заснеженному пути. Хрустел тонкий зеленоватый ледок под сапожками. Из труб домов вился приятно пахнущий дым. По колеям скакали галки, суетились у паривших разводков, оставшихся от свежевылитых ополосков. Откуда-то явился ослепляющий солнечный зайчик, мелькнув по лицу, исчез. У мостика под крутым холмом выпирала из снега и льда коричневато-желтая кольцеобразная будка без крыши. Она показалась знакомой, хотя построили ее в Дашино отсутствие. Дверь будки заграждала массивная зелёная решетка в форме бабочки. Правее, прямо на снегу мерцал льдяными иглами ярко-красный ковёр, доходивший до кренящегося черного сооружения, похожего на отвалившийся каблук. Оно раз в двести выше будки, но смотрелось ординарным и невзрачным — какой-то обгоревший перевернутый ангар. Над ним задумчиво проплывал бледный ангел с факелом и головой жука-могильщика. Даша фыркнула и отвернулась. Мир расширился. Она разглядывала полёты галок и дымы из труб. Всё-таки более приятное зрелище.

Пришло на ум случившееся. Даша не чувствовала за собой вины. Она лучше многих осознала обманные грани этой жизни. Недаром ей удалось

посетить волшебный дворец. Мужчины — рослый и низкий — постоянно оказывались теми же. Уйди от одних — попадешь к другим. Всё равно: офицер с монголом, завхоз с заведующим или доцент с вахтером! Это могли быть и дружинник с милиционером, художник с музыкантом, электрик с водопроводчиком, фельдшер с дознавателем. Насильники, насильники! Она знала, кто они, она знала. Всегда моряк с фотографом, моряк с фотографом, под внешностью любых людей.

На факультет Даша не возвратилась. У Доманьки умерла Жданка, и теперь Доманькиной пенсии не хватало на посылку денег. Зато стало меньше хлопот.

Жданка, погибая, едва не произвела на свет двух бычков. Даша чуяла, какие они бычки. Поэтому не очень плохо, что она выпала с этажа!

Удар о леденелые колоды битума не коснулся восприятия. Беспокойная душа вылетела до и после удара. И это были разные, сильно испачканные души родственниц, но — не Даши, не Даши! Её психея, чистая, бело-серебристая, почти вся давно находилась там, куда тайно рвалась: в высоком дворце с овальными окнами.

2000 г.

ПУЗЫРИ НА СЕТЧАТКЕ

(мужской текст)

Время действия: начало 90-х годов. Актуальны воспоминания о первой войне в Персидском заливе. Неразрешенная неустойчивость в биосфере.

Текст. Трамвайное дребезжание. Рокот. Текст. Шестая планета двойной звезды в галактике М 40. Центр планеты — спрессованная до сингулярного состояния органика... Гм-м... Автор наврал. Возможны ли планеты у двойных звёзд? Если эта планета не искусственная, с искусственной орбитой? Трамвайное дребезжание. Край мутного неба. Ни одной звезды, ни одного солнца. Остановка. Створки с лязганьем открываются. Серые лица прохожих. Идущие фигуры без теней. Бледные лица детей. Муляжи. Симуляши. Наваждения. На бронированной двери казенного заведения привинченная болтами табличка:

САНИТАРНЫЙ ДЕНЬ

Мощные стальные болты. Крепкие замки. Не жалкие дверки почты или блинной, за которые по инерции дергают: "Что там? А вдруг?" Планета Земля исключительно тверда. Наверняка в этот момент вокруг ее ядра — твёрдая, подобная скорлупе ореха черепушка, а не булькающая магма. Куда исчезает энергия желаний, после их торможения? В какие зловредные лучи она уходит? Нет намерения возвращаться назад. Тем более на противоположной стороне улицы не видно остановок. Парк. Заборы. Еще жива система двойной звезды в галактике М 40? Парк дикий.

Заболоченный. Можно на расстоянии ощутить чуть ли не порами кожи снующих в нём комаров. Пронизывающий ветерок. Серые лица прохожих. Бледные лица детей.

Длинное здание. Надпись на доске: "Солярий". Распахнуто настежь. Указатель у лестницы: "Солярий на III этаже". В двухэтажном доме? Старая лестница. Второй этаж. Дух прачечной. Ступени идут дальше. Чердак? Надпись: "Солярий". Да будет солярий. Звон монет. Рука с серебристо-белыми лакированными ногтями подает защитные очки с привязанной к ним бельевой резинкой. Места обслуживания пустыют. С правилами ознакомлены? Да! Когда-то смотрел... Двойная звезда двухэлементного облучателя. На стене — тень, походящая на острую лисью морду. Не постичь, что отбрасывает эту тень. Заплескалось коричнево-фиолетовое море с зеленоватыми трубками в середине. Вычурные грубые очки: неровные стекла со свилью... Представим, рядом не облучатель, а солнце, несколько новое. К нему нужно повернуться спиной, иначе — катаракта. Обернулся спиной. Очки можно совлечь. Открыл наобум книгу, уперся в строчки. На природе, на жаре обычно читать не удастся. Светило бьет молотом по голове, пьет электронную плазму нервных клеток. А говорят: солнце, солнце! Намотайте на ус: источник всего — Земля, а не Солнце!

Итак... В результате небывалых магнитных бурь, вызванных потоками тау-частиц из галактики М 40, погибли все млекопитающие, кроме беременных самок. Дым пожаров господствовал над пространством. Радиоактивные облака от кое-где рванувших ядерных боеприпасов и атомных станций рассеялись. Автострады, забитые грудями помятого металла, потихоньку брала штурмом растительность.

М-м-м-м! Нетрудно догадаться, самки, по преимуществу женщины, наплодят нечто неизвестное. А то зачем эта история! Здесь до него дошло: проговаривает он про себя private мысли, но отчего-то не своим голосом, с чужой интонацией, с неестественной вкрадчивостью. В чем дело? Текст страниц через сто. Главная планета М 40. Датчики планетарных мозгов перегрелись. Континент грозит наплыть на континент. Трещины тронули оптические луга. Стоп! Вот оно как! Свет лампы отражается в гладкой поверхности стен. Глянцевое покрытие. Ультрафиолет отражается от блестящих заворотов обложки, от страниц книги. Да здравствует катаракта или что похуже! Стена почти зеркальная! С той же радостью можно пялиться и прямо на кварцевую лампу! Вон отсюда. Вон! И кому нужен допотопный солярий со стойлами! Мадам-оператор исчезла. Входит веселая компания желающих поджарить кожу. Горластые студентки обоего пола. Они не впервые, готовы занять стойла под кварцем без церемоний. Вон отсюда. Вон! Отсыревшие бетонные ступени лестницы. Шум улицы. Улица. Толпы уныло спешащих душу продать. А многие куда-то торопятся после свершения сего приятного акта — где тут до горластого веселья ввалившейся в солярий ватаги! Пейзаж всё тот же, но микроожоги кожи преображают его в слегка иной. Иное добавляет и приближающийся закат. Горение кожи дает "горение" деревьям, заборам, зданиям.

— Пэ Аш! Галгаш! — вдруг раздаётся женский крик.

Вдогон Пэ Аш, выскивающему табличку с буквой "Т", двигается особа приятной упитанно-

сти. Ее сотрясают эмоции, но сотрясение выглядит у нее гармоничным, панорамным.

— Ах, это ты, О Аш! — наигранно изумляется Пэ. — В столь дичайших пампасах! — И не дожидаясь ответа:

— Поздравляю с успехом! — вспоминает Пэ Аш недавнюю выставку, корреспондентов вокруг О Аш, мелькающие яркие зайчики от имитирующих перпетуум-мобиле алюминиевых кренделей, атмосферу праздника, десятков всяких-разных таких-сяких картин, сотни три малярных изысков и, как ни удивительно, парочка нефигуративных шедевров. Карикатуры, бутылочные осколки, хвосты бомб в куче раскрашенных перьев и еще что-то. Последнее и было работой О Аш: висящие наподобие паутин нитки, местами переходящие в четки, местами в лески с гигантскими блёснами, крючками, пластиковой рыбой, местами — в сети с грузилами, в радиоантенны... .. в укрепленные на изоляторах провода с сидящими на них птицами. На всем сперматические нити от жидкого пенопласта, стеклодувные микроорганизмы с ехидными улыбочками. Впечатление? Впечатление. Надо бы выразить одобрение. Интуитивно Пэ Аш развел, приподнимая вверх, руки, и жест действительно вышел позитивный, без оттенков сомнения. С подтекстом. Но где же, черт, трамвайная остановка? Иногда бывает: в одну сторону есть, а в другую не предусматривается.

— Я — девочка спокойная, — прошептала О Аш, вцепляясь в плечо Пэ Аш.

Аши, не сговариваясь, пошли вдоль солидных наклонно настеленных бетонных плит, выстилающих берег узенькой речушки. Непринужденно притулились у них между автостоянкой и строительной площадкой с вагончиками. Не ус-

пела О раскурить сигаретку, как откуда-то выско-чила полудворняжка-полуовчарка величиной с бо-рова. Впрочем, лишь центнера на полтора. Медве-дедав встал в полуметре, издал свирепейший рык и оглушительно залаял.

Ясно, что отогнать зверя не удастся ни кам-нем, ни палкой; лаять и ронять слюну он может бесконечно, убежать не собирается. А угол ка-зался почти укромным, с него открывался не-плохой вид на противоположный берег с газо-ном и рощицей. Выбредать для смены координат поверху, натываясь на ржавые ограды и колю-чую проволоку, нелепо, но еще нелепей идти по узкой полосе, до которой не доходили плиты. Полоса утопала в крапиве, поросла бодяком и репейником. А по наклонным плитам, наполовину скрытым под водой, мог разве промчатся сума-сшедший мотоциклист на приличной скорости. Даже балансируя, по ним не пройти. О Аш ука-зала на один из вагончиков: дверь была заперта на щеколду, в ее ушках висел согнутый свароч-ный электрод.

Собака добежала за Ашами до ступенек пе-ред дверью и внезапно отстала, словно вагончик ей не принадлежал. Не исключено, именно здесь зверюга многократно получала хорошую взбуч-ку. В вагончике было чисто и ухожено. У окна — откидной столик, возле него — привинченная к полу табуретка.

— Я девочка спокойная, — протянула О Аш, усаживаясь на табуретку.

"Наверное, на шестом месяце, — подумал Пэ Аш, располагаясь на обитом тканью чурбаке, — излучение из галактики М 40 ей уже не страш-но".

— Мнимая беременность, — заявила О Аш. — Возникла во время предмонтажа "Сетей". Я жила на границе Тверской и Псковской области. Пустынная территория, по-настоящему глухая. Никакой власти там нет, у людей — свои законы, большая часть домов разрушена, есть целые необитаемые. Брошенные, никем не охраняемые предприятия, превращенные в свалки. Масса хлама! А до поездки плакала и считала: нигде не найти промышленных обрезков.

Пэ Аш опять вспомнил инсталляцию "Сети", представил ее... Да-а-а! Он недооценил сей труд! Просмотрел, прошел мимо. В "Сетях" так и кричало нечто обочинное, забытое и, вопреки всему, новое, зарождающееся из самого себя. Пэ Аш почувствовал: на него наплывает тень сомнения. Всякое в жизни бывает, а если...

— Ты подозреваешь, меня там обработали чем-то усыпляющим и оплодотворили? Правда? Раз видимые и невидимые особенности бесспорны? Хочешь знать, ни малейшей беременности нет. Обойти всех профессоров невозможно, но тот, к кому записалась, ничего не обнаружил и объяснений эффекту не дал.

* * *

Следующим утром Пэ Аш топал по другой набережной — набережной Мойки. Здания, прохожие выглядели необычными, что-то в них угадывалось не то. Пэ Аш начал внимательно смотреть на даму, которая двигалась навстречу. Она шла живо, но не за счет частого переставления ног, а благодаря ширине шага. При этом ее колени полностью не разгибались. Неожиданно на плечах женщины нарисовалось темное месиво, затем улетучилось: беспардонно пиляла

мадам без головы. Через три-четыре мгновения голова появилась. Лицо у женщины было размытое. Вот вынырнул белобрысый парень. Когда парень оказался ближе, Пэ Аш заметил: у него два носа.

Из подворотни выехал "москвич" с иногородними номерами и, повернув, газанул, наплевав на знак, в направлении Невского. Пэ Аш успел взглянуть на номер, теперь со стороны багажника, а именно: на буквы "К" и "Т". Элементы каждой не пересекались... Там, где должны быть пересечения, зияла пустота.

А вот вывеска на стене дома:

БЕРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
МУЗЕЙ ПЕЧАЛИ

ПЭ АШ прочитал еще раз:

БЕРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
МУЗЕЙ ПЕЧАЛИ

В трамвае, где размещались одинарные сиденья, на третьем кресле — плед. Сверху на оконном стекле красовалось:

МЕСТО КОНДЕНСАТОРА

Перечитывать Пэ Аш не стал. Достаточно и того, что открывалось из окна трамвая, идущего с дозволенной скоростью километр в час:

АМЕРИКАНСКИЕ РЕСТОРАНЫ
БЫСТРОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ,

РЕМОНТ ЗООТОВАРОВ,

СОРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ,

КАФЕ ЭКСПРЕСС-ВЫУЖИВАНИЯ,
ТИТР ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ...

Вечером того дня Пэ Аш увидел табличку:

КНИЖНАЯ ДАВКА ПИСАТЕЛЕЙ,

а на стеклах другого магазина:

ЧАЙ. КОФЕ. ТРУПЫ.
ПОХОРОННЫЕ ИЗДЕЛИЯ.

Книга о галактике М 40 куда-то исчезла. В обновленную галактику превратился Млечный Путь, преобразились Земля и Петербург. Но несправедливо говорить только о городе или планете, ведь изменения коснулись фантазий и снов, а их астрономия-география никем не исследовалась. Где реют наши сны и грёзы — никто не знает.

Грёзы... Стоило Пэ Аш закрыть глаза или просто глянуть в темный угол — и сразу просыпалась микроскопическая круговерть. Да и без этого в центре обозримого почти всегда что-то крутилось, казалось раздутым. Смотрит Пэ Аш на любое плохо освещенное объявление, а центральные строчки его вспучены, и посередине — штуковина, смахивающая на водоворот или бешено вращающийся штурвал.

Со снами творилось невразумительное. Каждую ночь Пэ Аш снились клетки собственной сетчатки. То уменьшались, то увеличивались. Временами он не воспринимал их в качестве клеток. Начинал ощущать иное и примечал: улей, пчелиные

соты. Вокруг ячеек вроде бы копошились полусонные пчелы, перестраивали их. И не вроде бы, а будто. Да и не будто, а действительно... Что же, если не они? Но вдруг и не насекомые?!

Потерявшие шестигранность серединные ячейки были расширены, некоторые из них двоились и словно бы порастали чужими измерениями. На месте матки в снящихся ульях находилось не похожее на пчел волосатое чудище. Оно с аппетитом пожирало рабочих пчел, если их так называть. Съедались пчелы всех возрастов и категорий: разведчики, добытчики, няньки, солдаты, строители.

В центре сота рано или поздно вырастала неправильная шестеренка. Она вертелась и размлачивала окружающие ячейки. Пэ Аш кинул взор в одно из помещений-шестеренок. И оторопел! Там выплясывало существо, состоящее из половины брюшка и пары ног. Существо садилось и вставало, садилось и вставало, протяжно изрекая:

— Тру-ту-ту-та! Слу-у-шай! Рав-в-няйсь! Смир-р-р-рна! Направ-ва! Шагом арш! В компьютер-р! О хо-хо-хо! В ксер-р-рокс! Смир-р-рна! Сто-ой! Стрел-лять ббуду! Направ-ва! Шагам парш!

"Ну и Шалтай-болтай! Хампти-Дампти! Свалился во сне! Собрала королевская рать!" — подумал Пэ Аш и проснулся.

Уставившись в пустоту, увидел: в центре поля зрения быстро крутится шестеренка. Медленное или частое моргание это наваждение не убирало. Чрезвычайный факт! Не в галлюцинации, а наяву. Но заняться им не удалось. Не рассуждая, Пэ Аш включил свет, приблизился к зеркалу и остолбенел. Что? Что такое?

Для верности вооружился очками — их он применял за отсутствием лупы. Но даже и очки показывали: кожа на лице стала остранинно свежей, нереально свежей. Свежей, как у эмбриона.

Опять? Опять то самое... И вспомнились почти забытые кошмары; неужели произошел сброс, аналогичный прежнему? Вылез еще один Гуш? Пэ Аш не мог подобного представить.

Впервые помолодение с ним стряслось три года назад — с месяц приходилось щеголять в гриме.

Да! Пэ Аш тогда помолодел, но тот процесс он наблюдал во всех фазах и подробностях. Он подъюнел, а под тополем возникла омерзительная тварь: Гуш... Гуш — обезображенный двойник Пэ Аш, трехметровая помесь бомжа с обезьяной.

Соответственно, Гуш уже — старая старость, он взял ее, сколько надо, сделался отдельной персоной. Пожалуй, молодить он не сумел бы. Должно завелся второй фантомас! Где он? Ни в комнатах, ни за окном никого не было, но Пэ Аш чувствовал, другой черный человек таки вылез и неприкаянно бродит где-то недалеко.

Теперь Пэ Аш осмысливал себя новым Пэ Аш, чистым восприятием, без всяких пропастей, подсознаний и неосознанных фокусов. Некая бездна оторвалась и ушла гулять за рощу.

Второй фантомас не обнаруживался, и Пэ Аш ничего не оставалось, как отыскать коробку с сероватым гримом.

Тем же днем Пэ Аш довольно поздно выходил из офиса. Вместе с ним — и Пируват-дегидрогеназа, или в просторечии ПДГГ.

Над приоткрытой дверцей офисного автобуса ПАЗ вились клубы табачного дыма. Из нее

высунулась голова шофёра Фуксинова и пьяно осведомилась:

— Не к метро ли направляются господа-товарищи? — добавив: — Если к метро, то и подвезти можно.

Фуксинов определенно навеселе, но ПДГГ и Пэ Аш согласились. Кадр слыл феноменом!

Автобус эн раз громыхнул на поворотах и оказался у метро, однако лукавый Фуксинов и не помышлял тормозить. "Прокачу до следующей станции", — пояснил он. Но и сию остановку благополучно проскочил. ПДГГ хихикала на ухабах и при резких маневрах, мимоходом наводила красоту, глядя в маленькое зеркальце. Эта игра ей явно нравилась. Понятно, бедовые рейсы она совершала не впервые. Справа нарисовались бревенчатые и дощатые дома с трубами — уютно вписавшаяся в город деревенька. Пэ Аш нарочито пожимал плечами, но сам всю дорогу думал об очередном фантомасе: "Избавит ли случай от нежелательных осложнений с неожиданной эманацией?" "Тпру-у-у!" — закричала ПДГГ. ПАЗ лихо съехал с косогора и свернул с грунтовой дороги на выкошенную жухлую лужайку. Фуксинов передвинул незакрепленные задние сиденья, разместил там пассажиров; пританцовывая, собрал деньги. Затем устремился в винный магазин. От такой романтики Пэ Аш давным-давно отвык и, похоже, выпал из одного мира и родился взрослым в ином.

Не прошло и часа после начала дегустации подозрительных жидкостей из бутылок с аляповатыми этикетками, как Фуксинов отключился. Его (авоськнув!) покинули. ПДГГ повела Пэ Аш через мостки и канавы. Он не сопротивлялся, хотя на метро еще можно было успеть.

ПДГГ выпила больше всех, назююкалась прилично, но на ногах держалась твёрдо. От нее веяло жаром, словно от печки-буржуйки. Восточная часть неба купалась в темно-синем, у зенита блудили сумерки, запад белел, а между западом и верхней марью струился всем известный несказанный свет. На осоке, камышах, тростниках тлели эфемерные отблески. ПДГГ достигла высоты экстаза и, шагая, подталкивала Пэ Аш к канаве с грязной водой, припирала его вплотную к краю. На краю Пэ Аш, конечно, остановился и ощутил на себе не горячий бок, а — сиськи ПДГГ. Ее лицо наплывало, в огромных глазищах торжествовала аномалия природы, именуемая жизнью. Пэ Аш не считался брюзгой, но при огнях фонарей и заката заметил у нижней губы ПДГГ продолговатую ранку. Окружавшая ее розоватая сыпь очень не понравилась Пэ Аш. Досель он не придавал значения этим прелестям. Возможно, дефекты лучше прикрывала пудра... Тут Пэ Аш сообразил: гримом испачкает ПДГГ и разоблачит себя. Пэ Аш стал выходить из прессинга, пытаясь обойти ПДГГ слева. За ветками на противоположной стороне дороги блимкнула вспышка "Поляроида". Тип с фотоаппаратом отступил в глубь кустов. Съемка никого не напугала: мало ли шляется по окрестностям любителей художественной фотографии! А ныне незадачливому фотохудожнику не повезло.

Канавка перешла в кювет. В нем валялись мертвые голуби. "Склевали протравленное зерно или крысиную отраву", — подумал Пэ Аш, но его насторожил сдохший кот, вцепившийся в шею голубя. "Что-то здесь не то!" — шевельнулось в мозгу Пэ Аш.

На повороте стоял фургон-тягач ГАЗ-66. На одной фаре торчала маскировочная насадка. Фара

без насадки смотрелась голой. Удивительно, видеть среди луж и болот машину с военными номерами.

— А ты меня таки хотел, хотел! — возгласила ПДГГ, когда приблизились к ее дачке.

Не мешкая, они тронулись на второй этаж в сквозное восьмиугольное помещение. ПДГГ совсем забыла о Пэ Аш, начала, немного сюсюкая, здороваться с птичками в клетках, обрывать желтоватые пленки с розовых цветочков. Пэ Аш принялся осматривать необычные обои, сделанные из коллажированных журналов, но в двери показался бритоголовый мужчина в черной рубашке.

— Знакомьтесь, это Пэ Аш, это Глютатион, — произнесла нараспев ПДГГ.

После представления Глютатион и ПДГГ пустились обниматься и целоваться. Вскоре в другом проходе возник еще мужчина.

— Это Пэ Аш! Это мой муж, Силициум! — воскликнула ПДГГ, почти не разлепляясь с Глютатионом.

Силициум слегка поклонился; на нем фартук, измазанный алебастром, в руке сломанная маска идола.

— Не о-ля-ля! — выпалил Силициум, глядя на маску.

— Пэ Аш! Ты бы оценил, что за язвочка появилась на писке у моего мужа, — попросила ПДГГ.

Силициум чего-то засмутился и удалился туда, откуда вышел. ПДГГ с Глютатионом по-прежнему вели себя точно школьники или студенты-первокурсники. Им попросту не терпелось. ПДГГ вроде бы ненароком ткнула клавишу телевизика, схватила недопитую рюмку, влила в гор-

ло ее содержимое и потащила Глютатиона по левому коридору в апартаменты-будуары.

Пэ Аш выключил телевизор, изучил этикетку коньячной бутылки, стоящей рядом с рюмкой, и собрался обозреть достопримечательные обои, но различил слухом какой-то шорох. "Мыши!" — счел Пэ Аш. Крышка сундука, пристроенного у правого окна, рванулась, из-под нее вырос беловолосый малыш лет четырех.

— Сейчас мама залезет дяде Глю в тлусы! — ликующе возвестил он.

Опять раздался шорох. Взмыла крышка сундука у левого окна. Подобно табакерочному чертенку, выскочила беловолосая девочка лет шести с недовольным криком:

— Дуляк! Дядя Глю не любит <.....>! Он хиппует <.....>,, а сегодня <.....>. Дядя Глю — <..... амфо.....>.

Пэ Аш захлопал в ладоши. Bravo! Бис! Вот так концерт! И тут дети запрыгали вокруг него:

— А мы всё слышали! Мы знаем, кто ты! Ты — Пэ Аш, какаш!

Пэ Аш вознамерился в шутку отшлепать озорников, но хулиганистые дети ловко извернулись. "Что это?" — указал Пэ Аш на уклеенные коллажами стены.

— У-у-у-у! — приплюснув носы пальчиками, загудели дети и умчались на первый этаж.

Пэ Аш поспешил к коллажным обоям. Страницы журналов и газет просвечивали, располагались в несколько слоев и были, похоже, впаены в толстый прозрачный пластик, который Пэ Аш издала принял за лак. Пэ Аш сделал шаг вперед, полшага назад и сообразил: видимое в пластике трансформируется в зависимости от рас-

стояния между глазами и стеной. А если чуть на-
прячься, прищуриться, то расстояние можно и
не менять: то одно, то второе-третье будет про-
ступать само собой. В углах страниц оттиснуты
непривычные именованья: "Стрелец", "Эра",
"Эпилог". Подвертывались и старые: "Радио",
"Quantum", "The New Times". Но статьи и заметки
оказались весьма фантастичными.

Говорилось не о путче 1991 года, а о некоем
потче. Триста делегатов 2-го объединительного
съезда непонятных ППФ несколько дней потче-
вали Горбачева, не в Форосе, а в Ново-Об-
гареве... Так и было напечатано: "Ново-Обгаре-
ве". Левее ютилась статья о перебежчике из
СССР в США, из США в Ирак господине Э. М.
— изобретателе молекулярного махолета.

На других стенах заинтриговали фразы:

Нападение иракского корабля
на Лос-Анджелес и Сан-Диего¹

Молекулярная атака Ирака на Штаты

Сверхмолекулы вместо ракет!

Токсиногены вместо боеголовок!

Но вдруг безумное:

Хронотроника — тайное оружие янки!

Сновидения среди дня!

Берегитесь все!

И наконец:

¹ Эти неточные предсказания возникли в том мире примерно в 1992 —
1993 гг. За восемь лет до...

Загадочные пульсации
в галактике М 40,

Мамай прогулялся
по восточным районам Псковской области?

К Пэ Аш подошли с разных сторон Силициум и Глютатион.

— Так, так! А он, хитрюга, видит... — про-
бормотал Глютатион. — С чем бы это могло
быть связано?

— Исключительно со скошенным взглядом!
— выразил уверенность Силициум. — Что со
зрением?

Пэ Аш растолковал.

— Вещь мне известная! — прокомментиро-
вал Силициум. — Приходилось слышать о писа-
теле Додосе Баксли? Крепкий фантаст! Кого-то
склоняет к потреблению пейотля и мескалина,
прочим предлагает ослепнуть.

Его книжечка называется: "Как вернуть зор-
кость", но лучше было бы: "Путь к слепоте". О
дивный новый лир! Баксли заставляет лохов с
целью-де лечения смотреть на солнце, а лохи не
помнят правило: на солнце нельзя взирать и во
время затмения. Но при подобной глупости есть
защита: пялится человек на солнце, а у него веки
сами собой сжимаются. А Баксли убеждает при-
родную защиту снять: один глаз прикрыть ладо-
нью, а другим впиться в светило — тогда за-
жмуривания не происходит и свободный глаз
зырится аж до обугливания. И предупреждений об
опасности опыта в книге нет; о тех, кто невнима-
телен, кто читает со скоростью пулемета или иг-
рает в очи-солнце через два месяца после про-
чтения текста, автор не волнуется. И даже сигнала
"ОСТОРОЖНО!" не найти. Будто преферанс для
баловства — и черт с ней, с защитой уничто-
женной!

— Воззрился я на солнце, — оторвался от теории Силициум, — и словно впервые в жизни его увидел, оно сделалось совсем четким, и не разобрать: луна это или солнце, но понял: сфокусированное солнце без короны. А больше всего солнце походило на яичный желток. Всмотривался я и вторым глазом, а потом раз девять то одним, то другим глазом, и мелькнуло в мыслях: солнце и есть око.

А следующим утром? Я шел по Ивановской и вдруг перевел взгляд на идущую навстречу даму. На плечах у нее красовалось мистическое темное пятно, затем дама стала безголовой, чуть позже опять проступило темное пятно, наконец появилась голова. Лица у очередных прохожих были размытые. Мимо меня проشمыгнул какой-то гопник бледно-сизый, и оказалось: у него два носа. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! О дивный новый лир!

— А кто мне пояснит, — вмешался Глютаион, — чем забывчивый или невнимательный отличается от недоумка? Откуда берется ересь? Недоумным может быть каждый, хотя бы изредка! Баксли с этим не соотнобразовывается, но у него есть и бóльшая ошибка: он судит по своим зенкам. А ведь он являлся почти слепым и невероятно близоруким. Лучи солнца не фокусировались на его сетчатке и не сжигали ее. Он мог таращиться на солнце сколько угодно! Солнце для него — не огонь пожирающий, но полезный рассеянный ультрафиолет!

— Успеем обсудить, — перебил его Силициум, — пора и честь знать! Идем вниз!

Внизу, перед накрытым столом, ПДГГ сидела на коленях у военного. Профиль последнего отбрасывал на стену интересную мультяшную тень.

Верх тени скрадывала тень длани ПДГГ, лежащей на макушке военного. Отчего невозможно было уточнить: кого напоминает тень профиля: кот или зайца? Абрис лучше назвать и впрямь котозаячьим. Не зря в азиатских гороскопах кот и заяц — одно и то же. Но фейс у военного — обыкновеннейший, луноликий, той степени буддоподобности, какой много на Руси.

ПДГГ оперлась на подоконник, ловко выпихнула из-под себя служивого и, схватив его за запястье, отрекомендовала:

— Прапорщик Асидол-коэнзим Дэ, то есть просто АКЭД. Командированный. Это его зелёнький шишарик стоит за углом.

— А что у тягача с фарами? — не то из вежливости, не то с пустобараха спросил Пэ Аш.

— Мелочи, — скромно ответил прапорщик. — На окружной базе кто-то проявил солдатскую смекалку. Я же действовал оперативно: теперь у вора парочки зубов нет. Насадку забрал, да без болтов, а мой водитель, ефрейтор, не нашел других для монтажа.

— Товарищ ефрейтор в кузове ночует, — заметила ПДГГ. — Он спит, а служба идет.

— Правильно! — принялся извиняться за служебное неравенство прапорщик АКЭД. — Спит и, кстати, несет охрану, а сон у него чуткий.

— Наклюкался твой ефрейтор, — едва шевеля губами, протянул Глютатион.

— Всё тебе шутки шутить, — отозвался Силицум. Сам-то не служил в армии. Сказал бы нам, почем белый билет купил.

— А зря не служил, — заметил АКЭД. — Мужчинами делаются только на войне.

— Мужчиной я себя почувствовал, лишь <..> <.....>, — карикатурно-драматическим сопрано пропел Глютатион. Потом хрустнул огурцом и продолжил басом:

— Хорошо еще, имя не успел поменять на <.....>. Ну, а полимерную <.....> <.....>. Зачем она мне? Фикция этакая! Не догадался сразу <.....>!

Глютатион расстегнул рубашку и продемонстрировал шрамы от грубо удаленной, без всяких методов косметической пластики, <...>.

Прапорщик АКЭД взором полным безграничной брезгливости смотрел на Глютатиона, но это было, увы, смешно: круглая бабская морда прапора, с еле различимым ювелирным ротиком, выглядела издевательством над мужским полом рядом с легионерской физиономией Глютатиона. Глютатион словно не замечал закипающего зырка:

— Мне объяснили: сердцу и печёнке очень не понравился чужой <...>. Организм — загадка! Вот и стартовал в неожиданном месте конвейер с мужскими гормонами, до того затарабанил, что мне захотелось вернуть назад бывшие на сбережении <.....>. Возвратил я их, и они пребойко заработали, но <..... и> не убрал. Чрезвычайный случай в истории медицины, никому не известен... Вынужден огласить: и правда, имел тесные отношения с родственницей по материнской линии. Я о ней заботился, когда она умирала. Мое желание <.....>, часто сильное, стало ей ведомо, — она и <.....> мне <.....>. А теперь я научился быть йогом: включаю в себе то <.....>, то <.....>, а иногда — и то и другое одновременно. Уверен, сумею <... ..>. Разве <.....> от меня, как от козла.

Прапорщик молчал, его лицо мрачнело и пунцовело. А под конец обрело серый цвет.

— Да! Мужская задача — воевать, — проигнорировал его реакцию Глютатион, — но так-

же владеть отвёрткой, пассатижами, гаечными ключами. Такое владение больше походит на мужское дело. Даже в этом есть губительное. Ремонтируют — разбирают, почти ломают. Строят дом — срубают лес.

— Главная мужская потребность — уничтожать слишком быстро плодящееся человечество, — изрек Силициум. Женщины плодят, мужчины убивают. Всё справедливо! Ежели неудачливое человечество будет практически искоренено, горстке выживших могут понадобится и <.....>. Как запасной вариант. У деревьев припрятаны спящие почки. Эти почки способны проспать сотню лет, но после спиливания ствола они просыпаются и дают ветви.

АКЭД не слушал, он был погружен в свои мутные мысли и машинально играл бокалом. Военного обуревало беспокойство. Вдруг бокал в его мощной пьяной руке треснул. Прапорщик раскрыл ладонь и стряхнул с нее осколки. На толстой желтой коже не оказалось повреждений.

— Кто у нас йог! — радостно и громко воскликнула ПДГГ.

— Воякам пора спать, — заметил Силициум. — Подъем ранний!

— Да! — отозвался прапорщик и отправился в отведенную ему комнату. У лестницы он оглянулся. Не иначе надеялся: ПДГГ его проводит, или еще на что. По лестнице он шел уже вяло и неохотно.

— Не молекулярные ли махолеты возит этот прапорщик? — поинтересовался Пэ Аш.

— Куда ему! — ответил Глютатион. — С махолетами цацкается мой дружок, Экаарсеникум, он же прославленный Эдик Мышьякович. Где он теперь! Может, вообще в пространстве комплексных чисел. Долетался! Домахался!

— Вот тебе! Вздумали махолетами сокрушать планету! — отозвался Силициум. — Плесень, именуемую жизнью, ликвидирует только эта штука, — он кивнул в сторону дырчатого агрегата, похожего не то на электрическую сирену, не то на две двойные спутниковые антенны, соединенные вогнутостями: одна дырчатая сфера внутри другой.

— Антенна-модулятор. Наделяет самые обычные короткие и средние радиоволны свойствами жесткого излучения. Есть сходство с ускорителем частиц.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Глютатион. — Исчезает твоё жесткое излучение в микросекунды. Счетчики радиоактивности не успевают сработать!

— Не от его ли опытов в канавах валяются дохлые коты и голуби? — спросил Пэ Аш.

— От моих, — поправил Глютатион. — Зачем мучиться с какими-то махолетами, когда существуют голуби? Если кумекаешь, покрути голубя на центрифуге, сколько потребуется; стабилизируй его состояние биохимически, поставь чип с ампулой для увеличения дальности — и птица устремится в заданную точку земного шара. Кассеты с микрокапсулами много места не занимают, а что в эти капсулы залить — в наличии. Хватит и восьмисот голубей: нужны четыреста основных и четыреста дублёров.

— Фантазии! — подернула плечами ПДГГ. — А у прапорщика в фургоне — настоящая ракета "Земля-воздух", компакт, но увесистая, умудряется даже сбивать межконтинентальные. Мне эфрейтор ее по секрету показывал.

— Ту, которая в галифе! — отозвался Силициум. — А про штуку "Земля-воздух" мы в курсе. Она без боеголовки.

— У АКЭДА ракета без боеголовки, а у Глютатиона голубей в голубятне семнадцать, а не восемьсот! — отпарировала ПДГГ.

— Откуда ты знаешь?! А ну, есть еще голубятня, не стендовая, а настоящая, где боевых голубей — тысяча? — возмутился Глютатион.

— Боевой голубь мира! — изумился Пэ Аш.
— Плюс два агрессора в одном доме!

Силициум с Глютатионом хмуро переглянулись и уставились на ПДГГ.

— Ты — первый агрессор! — воскликнула ПДГГ. — Я подсмотрела, с какой рожей ты просматривал под столешницей книгу про галактику М 40. Чуть-чуть полистала, б-р-р-р! — так и ударило по мозгам!

— А мы с Глю в Боткинских бараках стусовались, — пояснил Силициум. Недели три провели рядом — по городу грипп ходил: не то "Гонконг", не то "Сидней". Небось "Гонконг". Нам его китайцы — шучу, конечно — на своих любимых уточках запускают. Общались мы, короче, с Глютатионом весьма плодотворно, но о главном — ни гу-гу. Глю, после того, как выписался, зашел на полчаса. (Там была легендарная дыра в заборе. Через нее люди шастали, о проходной не помня.) И не поговорили — внимание Глю привлек левый больничный корпус, а на нем — какая-то красная надстройка, похожая на трубу океанского лайнера. А кабы на крыше корпуса, дескать, размещалось абсолютное оружие, способное уничтожить всё, а у тебя в распоряжении — кнопка, нажал бы ты на кнопку? А нажал бы, — ответил я. — В тот же миг, не размышляя.

— Да и я бы нажал, — бросил Пэ Аш. — У меня несколько раз возникало ощущение: планета обнута до сердцевины. Словно надавил кто-то Reset.

— Подобралась компашка! Вот компашка! — запричитала ПДГГ.

— Предположим, ты, Глютатион, и ты, Силициум, — продолжил Пэ Аш, — уничтожите не природу, а всего-навсего человечество. Вы полагаете, затем сможете разгуливать повсюду, как Робинзон с Пятницей по необитаемому острову, и наслаждаться свободно свисающими плодами и растопертыми складами? Вы так мните? А я не верю в робинзонов. Вас сожрут привидения.

— Н-да! Нечаемый оборот! — отозвался Глютатион.

— А я умеренный нигилист, призраков отвергаю, — отрезал Силициум.

— Да иди ты со своим нигилизмом! — воскликнул Глютатион. — Привидения у Пэ — только удобоваримый пример, обозначение чего-то неизвестного. Мы очень интересные особи, любой из нас выдюжит сколько угодно в космическом корабле или камере-одиночке, когда корабль и камера просторны и набиты всем, чем надо. Кстати, к эйдетикам и слабакам духи могут хлынуть и не в сурдокамеру. А если на Земле исчезнет человечество? Свято место пусто не бывает!

— Ну, скажем, разумные пауки не выползут, — начал вслух соображать Пэ Аш, — но не будет ли это подобно... Тьфу! Едва не забыл: а коллаж-то наверху! Потеха! Кто догадался скрестить придурные журналы с настоящими?!

— А придурные ли? — ехидно изрек Глютатион. — Для проевхаристивших макулу и чудом не ослепших, не дополнение ли? Я-то другое причастил. А Баксли не так уж и незадачлив. Хитро навербовал адептов! Де глаза и мозг — препятствия, редукторы, а есть байпасы прямой реальности. Редукторы, мол, и существуют для извращения истины.

Раздался шум: по лестнице загремели сапоги прапорщика. В его руке горел огромный электрический фонарь.

— Ищу Человека! — захихикала ПДГГ. — В освещенной комнате!

— Не спится, — пытался оправдываться АКЭД. — Пойду проверю, как мой солдат в фургоне.

Прапорщик вышел. Воцарилось молчание. Никому не хотелось крутить пластинки предыдущих разговоров, каждый думал о чем-то своем. У входа кто-то сильно застучал. Дверь распахнулась — вбежали четыре облезлые бродячие собаки. За собаками нарисовались два господина в черных шляпах а-ля Раскольников.

— Приветствуем честную компанию! — дуэтом пропели они и отвесили мушкетерский поклон. — Брели по дороге, наткнулись на топтунов с пистолетами, — уже вразнобой загалдели вошедшие, — потом увидели у вас свет и полураскрытый тамбур. Заскочили на всякий случай с этим эскортом.

— Поэт Эн два О и критик Эс О три, — представил Силициум. — Эн два О убаюкивает, а Эс О три бьет без промаха. Работают на пару.

— А собаки — прозаики? — не удержался от иронии Пэ Аш.

— Ну зачѐм так? Зачѐм? — подогнав кавказский акцент, возмутился критик. — Мы б'ѐм толко лытэраторов... А собаки — драматурги. У них в нынешнем году жизнь собачья — они в собак и превратились.

— За ругательства больше в театр не попадете! Достанется вам на... — не успела закончить ПДГГ. Поэт и критик тут же ею завладели:

— А Пируватиков мы не б'ѐм, мы ПДГГешечек целуем, — засюсюкали они и с разных сторон защекотали усами щеки ПДГГ.

От объятий, поцелуев, тормошений, пожиманий и похвал ПДГГ расцвела как никогда за вечер, а может быть, и за неделю. Сияние, сияние стало исходить от ПДГГ.

Вдруг все заметили: на пороге стоит оторопелый прапорщик.

— Иди сюда, служивый, — поманил Глютаион, — выпей со мной на брудершафт, не мешай господам писателям развлекаться.

Силициум тем временем принялся выгонять шелудивых собак.

— Мы устроили променаж, — объявил Эн два О. — Сегодня день рождения у Спиритуса Виникуса, Этанолуса Ректификатуса. Идут танцы лучше любого бала. Имею право пригласить.

Мужчины отнекались, но ПДГГ, конечно, обрадовалась. Она лишь минутку покрутилась у зеркала — так ей не терпелось.

Литераторы и ПДГГ ушли.

— Союз писателей ПэДэГэГэшку увел! — возмущенно заорал прапорщик.

— Молчи, АКЭД, — демонстративно прошептал Силициум. — Она — наше главное биологическое оружие. И вообще: бай-бай!

* * *

Утром на оттоманке в восьмиугольной проходной комнате Пэ Аш проснулся от каких-то стуков. Дети прыгали на сундуке, глядели в окно и гомонили:

— Лакета! Лакета! Дядя великан лакету несет! Великан лакету несет!

"Что? Что? Гуш ракету тибрит? — пробормотал спросонья Пэ. — Достукался! И посторонние его видят!

На лице Пэ Аш не было грима. Он надеялся, роль грима сыграют следы бурной ночи и отросшая за сутки щетина. Пэ приготовился к продлению сна, но минут через десять пришлось повторно очнуться от стуков: на сундуке теперь у противоположного окна прыгали дети:

— Дядя плаполсик ефлейтола бьет! Плаполсик ефлейтола бьет!

Из-за окна до Пэ Аш долетели резкие крики:

— Совсем спятил! Отправился с утра к пивному ларьку! А если приспичило, сказал бы мне, а затем топал! Ты чего? Первый год служишь? Я тебе бошку размолочу, прежде чем под суд пойду!

Покидая гостеприимный дом, Пэ Аш уловил еще голоса: возвратившаяся ПДГГ где-то наверху убеждала прапорщика:

— Да не плачь ты над дурацкой отремонтированной ракетой! Мафии от Кенигсберга до Владивостока в кулаке у Силициума, то есть, правильнее, у дона Сицилиума. Отдадут назад тебе ракету на блюдечке с пятизвёздочным кружочком! Не смотри, что мы просто себя ведем — не такие мы уж простые. Если потребуется, тебе и новую ракету отгрузят. Номер, какой надо, на ней отштампуют.

* * *

Пэ Аш брел среди чахлах рощиц и канав. Метрах в сорока от дачки ПДГГ он обнаружил на корявой березе наведенную на него телекамеру. Пэ Аш постиг: за ним шпионит не только она. "А я-то считал Гуша придурком! — подумал Пэ. — Обставил фантомас сицилийских специалистов, протащил железяку. Но не в металлолом понес он ее! Куда? Душа собственного двойника — потемки!"

Пэ Аш двигался по лесопарку и внезапно ступил вон с пути. Невнятная сила не давала ему идти прямо. А между деревьями, появился второй фантомас, но не того пола. Навстречу Пэ Аш по соседней дорожке стремительно шла трехметровая женщина с лицом, занавешенным темно-русыми волосами, в рабочем халате с символами на лацкане:

$$pH = 14,$$

в резиновых сапогах, с кувалдой в одной руке и мотком толстых электрических проводов — "баранкой" — в другой. В мозгу Пэ Аш ясно прозвучало ее имя: "Эвека".

Эвека успела глянуть в сторону Пэ Аш. По тому, как быстро она отвернулась, Пэ Аш понял, до этого она избегала его. Судя по походке, по стройности скрытой под халатом фигуры, по лицу, которое при повороте головы возникло на мгновение из-под волос, промелькнула не старуха, не пожилая. Ей почему-то нужно было здесь пройти, она чувствовала: в этой точке обязательно найдет Пэ Аш и занавесилась волосами, поскольку хотела увидеть Пэ Аш, но сама не желала быть увиденной.

Причиной таинственной скромности Эвеки Пэ Аш не взволновался и не намеревался о ней думать. Удивился он иному: фантомаска отнюдь не малоприятная сморщенная и согбенная старуха. Что? Что на нее сброшено? Проблема! В течение доли секунды промелькнула догадка, но тут же исчезла, не оставив воспоминания.

И тут Пэ Аш спросил себя: "А на кой ляд ей кувалда и провода?"

Минут через тридцать или меньше — не всегда время выверено — он вдруг услышал шум и страшный грохот. Ветер пригнал запах гари. Переходя промышленную железнодорожную

ветку, Пэ Аш уперся взором в давно бездействующую водонапорную башню: вершина башни отсутствовала, а сохранившийся ниже край раскалился, переливался цветами от пурпурного до белого, а кое-где смотрелся полупрозрачным. Пэ Аш подошел: вроде бы верхушка расплавилась, превратилась в стеклоподобную массу. Эта масса, словно вулканическая лава, заливала подступы к сооружению.

Полтора десятка зевак рассматривали последствия происшествия с неподдельным интересом. Слышались вопли чеканутой бабки:

— Голуби, голуби! Убили голубей! Держали скупердяи взаперти! Не давали полетать! О-ю-ю! Гули мои, гули!

Пэ Аш приблизился еще и глотнул пронизывающее дыхание пекла.

— Какие голуби? — осведомился он у хмурого пенсионера, с опаской пытающегося поддеть застывающую лаву клюкой.

— Снимали башню под голубятню, а баба Стеша чистила клетки, — заявил пенсионер и, матерно ругнувшись, начал тушить загоревшуюся клюку в луже.

— Вот чума! — воскликнул стоящий слева молодой человек, указывая на обломки. — Шархнули ракетой по башне!

— Вон откуда пустили, — протянул руку другой молодой человек, — с крыши трансформаторной будки. Дверь в будку снесли кувалдой, подсоединили для старта провода, а вместо боеголовки, говорят, прикрутили шашку, похоже, термическую.

— Я тоже штуковину на будке заметил, — отозвался третий молодой человек, — но решил, электрики мудрят.

— Умники! — со злом в сердце изрек пенсионер. — Ракету видели! И провода! А тех, кто барабах подстроил — нет! Само кино сыгралось! Таки мультик о шапке-невидимке!

Не протекло и часа, когда Пэ Аш, наконец, попал домой. Там его властно и требовательно стало клонить ко сну. А обошлось без бессонницы нынешней ночью! Пэ Аш понял: никакой чай, никакой кофе не взбудрят — и прилег на диван. Зажмурился. И перед ним возникли Гуш и Эвека. Под... высоковольтной ЛЭП. На этот раз лицо Эвеки не занавешивали волосы. Пэ Аш постиг: в нем что-то не от мира сего! У Эвеки не было глаз! Ее лоб переходил в щеки.

Да-сс, фантомасам глаза не обязательны, их зрение иное. Эвека подготовила тонкую проволоку с привязанным камнем, потом взяла его и бросила в сторону ЛЭП. Снасть зацепилась за второй сверху токовод. Искра! Гуш и Эвека испарились. Освободившаяся проволока коснулась провисшего заземления, вспыхнула. Камень свалился. Пэ Аш продолжал некоторое время наблюдать огромные стойки и провода, он даже отчетливо слышал потрескивание.

Картину перебил телефонный звонок:

— Пэ Аш, ты не приедешь ко мне сейчас на Мойку? — раздался в трубке голос О Аш.

— Сегодня не хотел бы.

— Но я звоню не с Мойки. Боюсь туда и нос сунуть. Ты бы посмотрел еще на мои "Сети"...

— Увы! Всё смешалось в доме бомонском. Дам и художества уже не могу оценивать. Зенки мои внезапно деградировали. Старухи им рисуются тётками, тётки — девушками, а семнадцатилетние — зрелыми женщинами. По крайней мере, здесь поправят. Возможно, с отсечением головы. Но ка-р-ти-ны, скульп-п-ту-ры... Корректив не

вижу. Бог втемяшит, как они представляются здоровому взору? А оптика искажает.

— Не надо! Не надо оценивать! Дело гораздо хуже! "Сети" раскидывают вокруг поле беременности. Кошка залетела без кота, морская свинка — без свинов. А соседку я еле уговорила отодвинуть кровать от стены, и у нее стало пузо надуть. Вдали от "Сетей" ненормальности исчезают, рассасываются.

На набережной Мойки Пэ Аш обратил внимание на свою тень: не так с ней... Он обернулся и различил в витрине отражение своего плеча и части спины. И в тени, и в отражении спины, а преимущественно в витринном хребте, да, именно в хребте виделось что-то не то, не от него, Пэ Аш. И Пэ Аш сообразил: в нём родился второй Гуш, в нём родилась вторая Эвека. Они растворились в его плоти и в тех тонких фибрах, которые за ней спрятаны. Пэ Аш не смел думать о том, кто они, но ощущал: они не ангелы-хранители, не паразиты и не дурацкие подсознания. Они свободны от рефлексий. Он мыслит, а они создают, перестраивают события, перекапывают историю, для них нет будущего и прошлого. У них — другие законы. Сколько бы ни казались эти сущности близки, они чужие, в них чувствуется посторонность. Пусть разорвать с ними связь невозможно. Сверх того, не они твоя тень, а ты тень их.

Вскоре Пэ Аш стоял возле "Сетей". "Сети"! "Сети"! Сети-сети... нити пенопласта, металл, дерево, сварка, клейки, пластиковые рыбы, плюшевые пауки, стеклянные микробы...

Пэ Аш достал из кармана лорнет — неделю на всякий случай носил с собой — и навёл сна-

чала на О Аш, чем вызвал ее неудовольствие, а затем — на центр "Сетей". В "Сетях" запуталась пластинка сот. Средние ячейки пластинки неправильны и укрупнены. Их защищала какая-то непрозрачная пленочка. Пэ Аш попытался вскрыть ножом самую большую ячейку. Из нее донеслось шипение. Там что-то хлопнуло, точно пробка, вылетающая из бутылки шампанского.

Из ячейки выскочил Хампти-Дампти — создание из половины брюшка и пары ножек. Хампти-Дампти приходил в себя, собирался с силами. Пока их хватило только на прыжок. И всё же в нем угадывалась безграничная мощь, мощь грядущая. Пэ Аш по привычке скосил глаза: Да! Организм был необыкновенным и теперь не выглядел разжиженным шалтай-болтаистым фрагментом насекомого. Его полупрозрачные покровы являлись одновременно экранами, в коих разворачивалось то, что и в волшебном сне не приснилось бы господам-сюрреалистам! Пэ Аш видел и через экраны: дрожащая на полу тварь — завод с триллионом конвейеров. Перед Пэ Аш рисовалось будущее без солнц, планет, океанов и гор. В нем жизнь не отчленялась от ее окружения: деление на разумные существа и предметы, существа и природу попросту отсутствовало. Пэ Аш еще многое узнал бы...

Но О Аш сделала па ногой и размозжила Хампти-Дампти. Совершённое не постигалось:

— Как ты посмела! Ты убила целую цивилизацию!

— А на черта мне эта цивилизация! Не нужна она мне!

— Объясни.

— Кошка спала у "Сетей" и больше всех прихватила! Разрешилась она! Опросталась! Букачуками! И спровоцировала цепную реакцию!

О Аш подошла к окну и указала на набережную. По тротуару топали жуткие субъекты: не

то агенты, не то клерки. Целая толпа. В черных прямоугольных туфлях, с портмоне, в ядовито-зелёных пиджаках, канареечных галстуках. Мельтешили прически-ёжики, квадратные подбородки и соответствующие последним специфические скулы. Пэ Аш понял: идут не люди.

— Откуда?! Откуда они вывелись?! — кричала О Аш. — Раньше их здесь не было!

— А кто мы? — выдавил из себя Пэ Аш.

НАПАРНИЦА

Двести сорок восемь перпендикулярных лет назад Вера Петровна Ветлицкая была белой лабораторной мышью, впрочем, не совсем белой: кто-то из прапрадедушек этой ее ипостаси имел на спине легкие крапины. Потому к чистой линии Веру Петровну, мышшь, не относили, отбраковывали и использовали только для сугубо варварских прикидочных экспериментов. В результате Ветлицкая в собственном мышшином бытии пережила сотоварищей, а не оказалась забитой, вскрытой и брошенной в морозильник-накопитель.

Правда, внешность у Веры Петровны (в мышшиный период) отличалась чрезвычайными изъяснениями: уши были надорваны и висели, бока — безобразно раздуты, а шерсть во многих местах не росла.

Теперь, вдругорядь став человеком, Ветлицкая сама колола и резала мышшей, забивала их и бросала в морозильник. Бока у нее отнюдь не раздувало, уши не висели, а шерсть (Как ее деликатнее назвать? Волосами, может быть? Но тогда тему вообще нужно прекращать и детёнышам нашим сказки про мышей или, наоборот, про людей не рассказывать!). Так вот, шерсть у нее выглядела вполне обычной, человеческой. Приходилось сожалеть об одном досадном промахе сверхземных сил: Вере Петровне в период людской жизни — читатель вскоре поймет, в чем дело — не доставало настоящего хвоста. А бесхвостое существо не совсем нормально. И Вера Петровна орудовала чуждым ей сторонним хвостом. Лучше бы она его не прицепляла! Абсолютно не

то! Зато усы у Ветлицкой — опять мы извиняемся перед ранимым, впечатлительным или нетерпеливым читателем — зато усы у Веры Петровны, в ее бытность человеком, поражали необыкновенной рыжиной и коммуникабельностью. Из-за последней Ветлицкой даже не хотелось пенять на судьбу.

Так-то оно так, но с недавней поры Вере Петровне стало казаться: сама она не кто иная, как лабораторная мышь, ныне проживающая в институте, очень знакомая, по кличке "Та Мышь". И, конечно, были у этой мыши надорванные уши, свалаянная шерсть, раздутые бока. Наступило время, когда Вере Петровне пришлось часто видеть Ту Мышь и снаружи, и сразу изнутри Той Мыши, а нет-нет — и себя, большую, страшную, вблизи стоящую. А определяла Вера Петровна себя не по лицу, но — по дырочкам, которые химические реактивы прожгли на рукавах рабочего халата, реже — по ажурным фигуркам на колготках.

Двойное, тройное, четверное восприятие не из приятных. Задавала Вера Петровна вопрос: "А где я нахожусь в данный момент?" — и не могла ответить, и голова кружилась у Веры Петровны.

Дома Ветлицкую попеременно мучили или нелюдские воспоминания о том, чего вроде бы с ней не случилось, или кошмарные сновидения с непрерывной мышиною возней, писком и довольно чувствительными укусами. А по утрам она нередко замечала на себе синяки. Синяки слабые, быстро исчезали, но если вначале для этого требовалось десять — пятнадцать минут, то позже кожа восстанавливалась только — за тридцать — сорок.

Верочка Петровна терпела, терпела. Но однажды, в два часа ночи, вскочила с кровати и в

припадке помешательства принялась энергично грызть край приоткрытой дверцы шкафа, после чего накинулась на обивку дивана. В сознании Веры Петровны четко нарисовалась мысль: она учиняет не то, а надо совершать другое: наперекор всему срочно прогрызть туннель на кухню! Безотлагательно! Почему раньше не догадалась!

Стремясь попасть на кухню сквозь стену, Вера Петровна устроила дикий шум, сшибла картину, с полки посыпались книги.

— Ты чего? — рыкнул привставший с кровати заспанный Вася — дружок-хвосточек, любовник-половник, коего Вера Петровна держала за отсутствием приличного. Привела рыжеусого когда-то из гаража себе на беду. Ни интеллекта у него, ни образования, ни воспитания, а культуры — ноль сотых, ноль тысячных. Хвостом искусственным смотрелся Вася, устройством для удовлетворения, э-э-э, тихих и громких дамских нужд, но, увы, далеко не всех. Много раз замышляла Вера Петровна от него отделаться, да как-то не получалось. Коллегам такой хвост стыдно показать, подруг из-за него потеряла.

— Ты чего? — жмурясь от света включенной настольной лампы, опять заорал Вася. И неинтеллигентно возгласил в своем духе о том, что сдеется сейчас с Верой.

И отвлеклась Вера Петровна одной зоной мозга от пошлости, а другой — обозлилась. "Ох! Будь Вася в клетке, в лаборатории, вот бы его проучила!"

Днем Ветлицкая призадумалась о способах избавления от ниоткуда взявшейся двойницы: та должна или прекратить приставания, или умереть физиологической смертью. Не могла Ветлицкая с кондачка убить родную оборотную ипостась

эфиром или хлороформом! Ничего не изобретя, ибо распоряжаться секретной стезей души — вне человеческой власти, Вера Петровна отогнула прутья у клетки для канарейки, обшила белой жестью буквое дно; без пайки и клепки вернула прутья на прежнее место, закрепила всё тонкой свинцовой полоской и посадила в обновленный домик насылавшую страхи негодницу. Запоздало сообразив, что на работе зверя устраивать нельзя, а дома — тем паче: вопрос не для понимания глупого Васи, Вера Петровна почти машинально прибыла на стоянку междугородных автобусов, подобно сомнамбуле доехала до остановки "по требованию" с названием "Соснорки" и там выпустила мышь.

Зачем Ветлицкая освободила здесь капризную животину — недостаточно ясно! Кроме лягушек в окрестностях и подвалах домов тамошних деревенек иные твари не обитали, а населенный пункт, имя которого носила остановка, таковым не был, поскольку года четыре назад опустел.

И все же Ветлицкая поступила правильно. Не минуло и недели со времени ссылки мыши, как ночные кошмары прошли, а в сновидениях стал являться лунный свет и залитая луной водная гладь с рогозом по сторонам. Новые снофильмы дарили Вере Петровне вольный мир, наполненный великим покоем, и излучали своей нежной духовной материей подходящую ночному пейзажу музыку: то адажио состенуто Бетховена, то рапсодию соль-минор Брамса, а то и тарантеллу Гаврилина. Счастье, счастье! Впервые в жизни! И невдомёк было Вере Петровне, что синхронно ее феноменам тремя этажами ниже сублимируется, слушая по ночам музыку, неудачливая аспирантка, страдающая бессонницей и зубными болями. Ох, вентиляционные шахты! Но в них ли суть? От зарождения земной юдоли заведено: кто-то стенает, а кто-то

в этот момент наслаждается. Вера Петровна просто купалась в блаженных грезах, и упоение ее возно- силось тем выше и мощнее, чем круче накатыва- ли на невезучую малокровную аспирантку любов- ные, зубные и академические муки. Однако в лунно-музыкальный рай Веры Петровны вторга- лась порой дисгармония. Слушает во сне Вера Пет- ровна музыку и пение русалок, разглядывает умно- женные отблески луны, полулежа в дрейфующей яхте, и вдруг ни с того ни с сего правый борт сталкивается с неуклюжим баркасом, на палубе которого дрыхнет вверх брюхом пьяный Вася и храпит.

Очнувшись таким образом после очередной лун- ной дорожки, Ветлицкая зажгла свет и цапнула ножницы, собираясь отрезать противному Васе длиннющие усищи, но, испугавшись утренних эксцессов, спрятала инструмент. Да! Хвост был откровенно не тот, а поменять фальшиво-искусст- венный хвост на хвост приятный и естественный не хватало хитрости. Но радикальная потеря Ва- сей его коммуникабельного начала и непонятное уменьшение зарплаты в горе-институте и в чудо- гараже подогревали мысль.

Тут Вера Петровна вспомнила знаменитую сказку о лисе, захотевшей избавиться от строп- тивого и неловкого хвоста-предателя. Конец ли- сы жуток: лиса выкинула из логова хвост, соба- ки нагло вытащили ее наружу и разорвали. "Но я-то не лиса! — думала Вера Петровна. — Как заставить мышек съесть этот хвост? Или... Об- мен? Переезд? Иммиграционная виза? А родить тройню, дабы хорошенько напугать Васю, я не способна".

Проблема врасплох разрешилась. На квартиру нагрянули господа в форменных фуражках, про- вели обыск и аккуратненько отъяли Васю. Выяс-

нилось: сутками раньше Вася, в сговоре с охраной, обчистил находящийся на территории гаража страховодный киоск с запчастями. Директор гаража просил Васю всего-навсего поджечь киоск, а Вася даже не сумел правильно полить его бензином. Поэтому защищать Васю от суда никто не рискнул.

"Теперь я без хвоста! — заплакала Вера Петровна. — Почему и меня не забрали?" Её осенило: замена хвостов без дозволения звёзд небесных невозможна. И не было ей поощрения, и быть не могло. Отчаяние удесятирилось тем, что двойница опять принялась за старое, но виделась отныне не только во снах, но и призраком наяву — стоило чуть отвлечься от суеты. Дома Ветлицкая роняла тарелки и чашки, на работе — пробирки и колбы. И в некий миг такой отключенности мысленному взору Верочки Петровны являлась напарница из смутной перпендикулярной развертки мира. Не иначе в Соснорках случилась беда!

Однажды, причесываясь перед зеркалом, Вера Петровна отчетливо узрела, как отражение ее лица пересекла маленькая хвостатая тень. Послышался писк, и возникло ощущение укуса на подбородке. Больше терпеть подобное нельзя! Ветлицкая бросила важные дела, позвонила лаборантке и устремилась в Соснорки.

Остановка там уже не "по требованию", близ нее скопилась разная техника: экскаватор, грейдеры, землечерпалка, бульдозеры — с немецкими и английскими названиями на горделивых корпусах. От ясеновой аллеи, ольховоберезовой рощи, мелких озер, морошковых болот ничего не осталось — всё было искорчевано, перекопано, перевернуто. Высилась огромная куча привозного грунта. Похрустев каблуками по раскрошенному поризованно-

му кирпичу, "полюбовавшись" на развернутое море грязи, Ветлицкая топнула ножкой и побежала через апокалиптически испохабленную дорогу к внезапно подошедшему обшарпанному автобусу: следующая возможность уехать в город появилась бы спустя часа три.

Казалось бы, вояж провалился, но после него сны Ветлицкой изменились. Правда, в первую ночь снились грозные махающие крыльями совы, но совы улетели, а с ними сгинули ужасы, пропала и грязевая равнина. Ясно, напарница перебралась в лучшее место, наверное, под скирду или в стог сена на каком-то хуторе, поскольку снареальность приобрела конопатость и тисненость. Пестрота действовала на нашу сновидицу успокаивающе и выглядела слегка приятной.

Вот, считай, вся тайная история Веры Петровны Ветлицкой — человека.

А той Вере Петровне, которая была мышью, удалось-таки пожить в собственной норе. Зимой она сладко спала в теплой уютной скважине рядом с набитыми доверху персональными закромами. Память предков и необходимые инстинкты восстановились в ней почти до конца. Обозначилось и нечто иное: мышь начала видеть интересные сны. Они часто наполнялись чудными вкусами, тонкими ароматами. Хотя вкусы и ароматы периодически куда-то исчезали, и тогда к разуму прорывалась необычная новая жизнь. Она рисовалась бы вообще идеальной при отсутствии кривых морд глупых двуногих монстров.

Только финальный сон не вспомнить без дрожи: обрушилась ужасная боль, нависли пасти монстров, обтянутые белым. Глаза огромных существ смотрели сурово и печально, звенели бле-

стящие хваталки и режикки, по-лабораторному пахнуло эфиром, накатило туманное облако... Прошло немало времени, а оно не рассеивалось. Вдруг на миг вспыхнул яркий, очень яркий огонь — и прямо во сне наступила бездонная бестелесная гулкая тьма. Всё ухнуло в нее.

Проснувшись, Вера Петровна — мышь — почему-то заплакала и, чтобы освежиться, вылезла из норы. Потыкавшись розовым носиком в снег, вернулась и нацелилась спать до весны: впадать, как полевые мыши, в анабиоз, она не научилась.

БОЛЬШОЙ РАССВЕТ

(Дежавю-притча)

По ночам перемещались вещи. Вначале ему казалось, невнятные звуки доносятся из-за окна. Потом он обвинял приемник, из которого ушла волна станции.

Но это гипотезы. Чаще плавали в воздухе пластмассовые вещи, коверкали форму, изгибались. Порой они со странным шумом роняли себя с высоты, вызывая лавину падающих предметов.

На смену перетасовке обыденного заступили сингулярии. Эти штуковины походили на гигантских парящих светляков или на звёзды, вертящиеся близ друг друга. Звуков они не издавали, надвигались и отодвигались сияющими пятнами. Иногда превращались в серо-молочных или цветных "змей" и "змеенышей". Стоило на них внимательно посмотреть — и они бросались в его сторону, вращаясь вокруг собственной оси. Ввинчивались в ведомую только им сокровенную фибру души, затем исчезали из обозримого мира.

Через неделю после того, как такое прекратилось, он проснулся на улице, в двухстах метрах над площадью от криков:

— Человек летит! Человек летит!

В следующий раз он несся под облаками и слышал или чувствовал точками кожи отдаленные возгласы: "Огненный человек летит! Огненный человек летит!"

При третьем полете его приняли за ангела, а белесый огонь на его спине — за крылья.

Появились другие ангелы. Бесстыдно голые, изредка обволакиваемые завихрениями падающей со спины огненной вуали, они опускались до самых домов. Касались ногами телевизионных антенн, шпилей, гребней крыш. Их будто тянула вверх и распрямляла незримая сила, а выглядели они пульсирующими, подобными холодному пламени.

С каждым днем число ангелов увеличивалось, а их огненность росла. Они уже парили целыми стаями. Эти создания не общались, но участвовали в некоем едином действии. Они напоминали животных или отупевших людей, лунатиков, не соображающих, что именно они творят.

Ему думалось: "Как это?", "Зачем это?", "Разве можно быть мерцающими бабочками и ни грана еще?", но поделать он ничего не мог. Мудреная мистерия продолжалась. Эпизодически колебались и рушились дома, мосты, сталкивались горы. При очередном хороводе земную твердь трясло, а из ее недр кое-где прорывался ядовитый желтоватый дымок.

От полетов ангелов реки переиначивали русла, города и поселки затапливало где водой, а где — раскаленной магмой. Но вот нелепость! Всё происходило так тихо-тихо, мирно-мирно, словно в немом фильме: витальные существа теряли во время катаклизмов слух и болевую восприимчивость. Плохо для тела — хорошо для души! Пусть телу скверно, лишь бы душе, душе было просторно и светло! Ангелов кружило все больше. Если где-то сохранялись целыми шпили и антенны — на них размещалось по десятку ангелов сразу.

Одним приятным утром, когда в небе реяли миллионы персон, Солнце, звёзды и планета Земля исчезли. Пропали и ангелы, перестали ощущать сами себя и видеть...

Наступило что-то... Что-то Оно, суть которого чрезвычайно сложно обозначить, и название чего не удастся выговорить.

ПОД НОВЫМ СКЛОНЕНИЕМ

Мне удалось дожить до 15000 года. Наша эпоха интересна статистикой. На Земле ныне — 170 миллиардов человек. Ежечасно погибают 33,3 миллиона жителей и 33,3 миллиона рождаются в бредококонах. К освободившемуся месту рожденного взрослого припортируют за одну минуту две наносекунды. К сожалению, этот срок велик и опасен. И, к прискорбию, — короток: явленный может дать дуба по той же причине, что и его предшественник. Исключительно страшно глобальное зацикливание рождений-кончин. Из-за этого случилось 13 кризисов недопроизводства биомассы.

Каждую пятницу исчезают 24 мелких города с сорокамиллионным населением и 24 города обретаются вновь, но уже не на Земле, а на другой планете. Та планета — ее так и называют: Другая планета — чудовищна. Внутри она пустая, зато в три раза огромней Солнца, а ее звезда — с Юпитер, непонятным образом всходит и заходит в самой планете. Но жители не обитают на внутренней стороне: Другая планета устроена по принципам гиперримановых геометрий и не имеет внутренней стороны, как, впрочем, и наружной.

А на Земле? На ней каждый понедельник вырастают 99 чужих городов с чужим населением. Чужие во всем похожи на землян, опричь того, что они в несколько раз меньше. От подобных пертурбаций население постепенно мельчает.

Это прогрессивно и практично. Ведь дублирование мелких людей требует гораздо меньше материалов, а их содержание — меньше средств. Разумеется, эти крохотульки не наши, но сие никого не волнует.

Преимущественно люди умирают не своей смертью: они идут в пищу насекомым. Убивать насекомых запрещено, да и невозможно. Правда, некоторым полицейонерам изредка дозволяется стрелять в них микроскопическими сахарными пулями.

Согласно прогнозу известного журнала "Скотт", в следующем столетии габариты Гомо² сапиенс миникус уменьшатся еще, а стало быть, люди не будут доступны и восприятию инфузорий. Главную угрозу жизни даст броуновское движение.

Надо сказать, ваш покорный слуга считается долгожителем и относительно крупной особью. Так, позавчера я развлекался тем, что летал близ озера на стрекозе красотке и схлопотал штраф в 200 тавриков. Это мизер. Занимаясь контрабандой медвяной росы, я за час зарабатываю вчетверо больше.

Иногда у меня пробуждается мысль, что я рожден не в бредококоне, а незаконным естественным способом. Развивать ее не думаю: в каждого новорожденного взрослого закладывают память о фиктивном райском детстве.

Около года назад возникло обстоятельство пре-странное: целый месяц не видел ни луны, ни звезд. Небо было непрерывно затянуто дымами,

² В слове Гомо (Ното) здесь и далее подразумевается фрикативный звук "г", идентичный украинскому.

облаками, туманами, и мне пришла в голову догадка: "Я на гиперримановой планете!" И не раз даже чертил треугольник, дабы удостовериться, равна ли сумма его углов 180 градусам? Действительно! Но как мог проверить? Изменились не только треугольники, но и приборы! И все-таки остатки слабой надежды заставляли измерять. Вдруг я на Земле! Однако сложить углы не удавалось, а когда удавалась, упрямо оказывалось одно: результат равен нулю.

Крыша моя поехала и почудилось: я живу не где-то, а на Земле древнего **-го века и нахожусь в лечебнице для генерал-фельдмаршалов. В числе преступлений мне почему-то приписывали изнасилование Деда Мороза и бранные слова по адресу кареты высокопоставленного чиновника, которая обрызгала меня грязью. Но по наитию таки отыскалась золотая истина: "Вокруг — подсадные утки и лжесвидетели!" В самом деле, разве может существовать фантастический феномен, называемый "грязью", во времена каретостроения? А с Дедом Морозом проще: многие знают, что, в отличие, скажем, от Будды, Мухаммада и Лао Цзы, его не было. Персона он не историческая, а мифическая.

Логическая мощь этих доводов проявилась: лечебница, санитары, генералы исчезли как наваждение.

Я мигом собрал циркули, транспортиры, а также прочую измерительную дребедень и велел рабочему муравью выбросить эти вредные для здоровья предметы куда следует.

1986 г.

ЧУЖАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Слой хроники эпицикла
Вольный перевод с кси-крусского

Эти тексты сняты с контрольного стержня белитного регистратора. Сама пластинка с сюжетами растаяла в вихрях предпоследнего конца света.

К текстам добавлены популярные исторические очерки (ПИО), считанные с липтокристалла.

Стержень и кристалл хранятся в субвечной цикротекке: 4-я Д-сфера, 17-й градус оси, 16321-й предел.

Отличия даруемого ими бессмертия от так называемой подлинной жизни приборами не улавливаются.

Стоимость одной позиции —
2 000 000 000 000 (два триллиона) существований или
14 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000
000 000 000 000 (четырнадцать кватердециллионов) мжулей.

Настоящее изложение рекламное. Оно сокращено медицинской цензурой, а потому не опасно для психейного здоровья. За дополнительную плату вы можете менять судьбу прототипов и историю.

ПРИБРЕТАЙТЕ АБОНЕМЕНТЫ!

1. В стороне

...мира нет, и времени не существует. Не предавайтесь примитивным инстинктам! "Бегодул" — компас в море иллюзий! Покупайте повороты фортуны!

Высоколобые! Заключайте охолом-договоры на любые сроки! Охолом-договор — спасение от рутины! Не нужно каждый день одно и то же. Повторение — моральное самоубийство!

Упадок динамических искусств в Аркаполисе. В дзета-тронной столице исчезли бегуресконы. К чертям спиранофилтры и крукс-процепторы! Видеодромам — *метаплазменную* начинку!

Необъятная тишина в приемных Бюро тестов. Направо. Еще раз направо. Налево. Да. Иду в приемную несвободников. Третья дверь? О! Сюда. Я добровольный несвободник: истек срок договора. Еще налево. Спасибо. Благодарю. Несвободное общество? Как хотите. Да, на четыре года опять. С вами согласен... Впечатляет. И впрямь показалось, будто я шагал по приемным Бюро тестов. Чрезвычайно удобно. Кто потащится в такое пекло через город! Перестарались с придуманным климатом. Маньяку приснились пальмы и попугай?! Ошибаетесь, мадам! Попугайи не резиновые, попугайи настоящие! Не портили вам прическу? Гм... Без прогулок обходитесь? И планета надоела... А кому-то надоели невесомости и трасирующие внеорбитальные долины.

Директору Домициллу — привет! Не имею понятия, что выбросила ваша рулетка. Ага, теперь

вижу: остановилась. Замкнула. Некий каскад. Табло. Строка... Иллюзиодром? Динамические искусства? Хорошо, но причем непространственная геометрия? Не знаете? Ах, вот где сыр-бор! ЧС! Быть тому, все равно в Сентре застой.

— Как пройти на дром? Мне служебный вход. О-о! Настоящий пустырь. Живописная свалка. Эти "змеи", наверное, и есть допотопные спиранофилтеры, а эти "амфоры" — те самые крукс-процепторы. Гм... гораздо интереснее, чем в музее спироноголографии. Травка зеленеет, индикаторы блестят.

...Ар двигался по набережной. В воздухе кружились поденки. Скоро их тела и крылья будут хрустеть под ногами прохожих. Когда-то точно так он шел в обратную сторону — на иллюзиодром. Первый визит туда. Поденок не было — конец каллироя, первые числа октавина. Тропические сорняки источали дурманящие запахи. Растения успели вырваться из разбитой оранжереи. В отличие от пальм, их ждала гибель. Изредка звучали неприятные предупреждения:

**ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ГОТОВЬТЕСЬ!
ТРИ ЧАСА
КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ!**

На иллюзиодроме Ведущий бродил по аппаратной, был недоволен, кричал:

— Гнать этих поэтов! Правильна мысль философа Блатона: "Пииты суть издержки человеческого материала, духовные сорняки".

Ведущий, расхаживая, мастерски огибал углы, выступы, перешагивал через КД- и МГ-кабели, но все же рисковал сломать ноги и шею. Низкое полу-

темное помещение захватило весь этаж. На полу и потолке мягкие тени. Агрегаты в серых блестящих чехлах — словно нераспакованные экспонаты выставки. Только у стены напротив — яркий свет. Работает устройство, похожее на архэ-модификатор. Ненавязчивые запахи мастик. По столу, справа от притормозившего Ведущего, плетется черепаха. Имитация или нет неясно. На то и иллюзиодром. Возможно, игра фотонов или электрино.

— Метаплазменная черепашка, — произнес Ведущий, — перетерпит очередной апокалипсис. Самое прочное в нашем мире — привидения... — Ведущий вдруг осекся, в его глазах сверкнуло подозрение.

— Зачем вам поэты? — чтобы замять неловкость, спросил Озов, не отрывая взгляда от черепашки. Она отыскала выход со стола и соскальзывала на полосатый чехол рядом стоящей установки.

— Они каскадеры, коровки, дающие спектры чувственности.

Отвлечшись от фразы Ведущего, Ар Озов представил вместо черепашки массу божьих коровок-поэтов, влачащихся по стеклу.

Черепашка сползала на наклонную поверхность чехла между свисающими складками. Что ей надо? В ее власти планировать легким перышком.

Вот тебе коровки! Вживаясь в иллюзиодром, Ар сындуктировал на ближайший экран лист растения, на него — группу тлей и черных муравьев, поедающих сладкие тлиные экскременты.

Знакомо? И в уме всплыло стихотворение из старого учебника:

На равнине Листа Зеленого —
расцветающий солнечный луч;
к водопою идут мои сестры,
как ходили всенебие лет.

На пригорках темнеют священники:

— Жертвуй мёду из солнечных сот;
за пустыней Озирис стенает,
ключам дышащим
ищет проход.

Тем не менее, сколько Ар ни напрягал свою память, ему не удавалось вспомнить, в каком учебнике он видел эти строчки и когда он мог читать подобную ахиною.

Ведущий проигнорировал сюжет:

— Индукторы не ангелы небесные. Они мясорубки, перемалывают примитивные эмоции. А кому теперь нужны эмоции! Белый шум!

— Эмоции от поэтов? — удивился Озов.

— Я говорю о других индукторах. Поэты еще хуже: по звуковым каналам — завывания, по зрительным — ритмические волны.

Черепашка давно ковыляла по полу к работающему стенду — на свет. Не было возможности отличить ее от обычной черепахи.

— Через 50 лет это бессмертное создание сравняется по интеллекту с дошкольником, а через 240 перещеголяет любого нимфоида. У поэтов прогресса нет. Бывает, изобретут мистерию — у ассистентов волосы на голове стоят дыбом. Я сам однажды подумал, будто нахожусь в Зале чудовищ Музея жертв геноурбанизации. Так проняло.

Вглядевшись в неосвещенную часть площадки, Озов обнаружил четыре массивных агрегата. На них были надеты не чехлы, а жесткие сетки. Вверху сетки закручивались в алые додекаэдры.

— Тропоядерные пломбы, — указывая на додекаэдры, заметил Ведущий. — Они охраняют синтезаторы неспящих. Короткие иллюзионстримы здесь и делают.

"И ради сомнительного удовольствия минируют целый мегаполис! — поежился Озов и спросил:

— Короткие оттого, что...

— Оттого что у неспящих — двадцать тысяч вариантов виденности. Кто будет выбирать? Художники? Они не лучше поэтов. Хотел бы я знать, откуда эти ма́леры вообще берутся. Помешались на суррогатах полимерной перспективы. Нормального варианта им мало, скрещивают несколько. После просмотра RM-фильмотирона зритель не в состоянии выйти из зала, путает правую и левую сторону, верх и низ — хуже слепого. Ему и поводыря недостаточно. А вестибулярный аппарат?! Полторы ундели³ лечения!

— А-а! — дошло до Озова. — Не ваши ли художники устроили вернисаж "ПОРВЕМ ПРОСТРАНСТВО"? Неописуемый фурор!

— А мне зачем застывшие формы?! — обиделся Ведущий. — Могут передирать и в другом месте! Сломали лопатобородые два аппарата!

— А что за перископ? — кивнул Ар на вертикально поставленную трубу.

— Концентратор иллюзиодрома. Изготовлен Орденом неспящих, — Ведущий положил руку Ара на управляющий маховик с лимбами.

А в щели прибора?.. Живые роботы! Роботы двукрылые, четырехкрылые, шестикрылые...

³ Неделя из одиннадцати суток.

Потрясенный, Озов перевел один из лимбов. Обозначилась надпись:

СССР

Красные и зеленые точки. Марь. Плотный, рассеивающийся лиловый туман. Еще тронул колесико. Гм... Города Евфрата, улицы Пальмиры, леса колонн среди пустынь великих. Далее. На диске, заменяющем планету, селение оцепеневших разумных кошек. Каждая кошка ростом с египетскую пирамиду. Далее. Ар сам в перископе. Ни иллюзиодрома, ни лимбов.

Озов наблюдает себя изнутри. Понимает: он ниппонец и прячется от опасности в горном кустарнике, ветви которого напоминают лозы винограда. И вот он же на втором этаже дома. Ниппонка забралась в террариум, соревнуется в церемониях с агломесками. Нечаянно повернулся к окну! Кого он видит! Эйхимбуркона!! Свистит округа. Озов или не Озов, осязающий себя герой выламывает полосатый шлагбаум (?) и протыкает эйхимбуркону мыслительный резервуар.

На шлагбаумах-шестях, как на ходулях, герой идет по тулову аэрооската, бежит от толпы эйхимбурконов. Почему-то на них зебристая форма игроков в пинг-понг. Прносятся сады, охраняемые гесперидами. Скрипит шлак, превращаемый в драгоценные камни на неисчислимых и затейливых садовых дорожках. Звенят фонарики-сновидения. Ар-герой минует кувшинное море, леса-щетки. А-а! Рванулась пасть летящего дракона. Притиснулась. Мир лопнул.

Через унделю на иллюзиодром явился чиновник из ЧС. Озов и Ведущий подошли к установкам неспящих — не к концентратору, а к бездействующим агрегатам под тропоядерными пломбами. Рядом стояло нечто в зелёном кожухе. Мощный штатив и хороших размеров шар на

нем, отчетливо выдавали пространствосдвигатель.

Теперь синтезаторы будут ремонтировать без снятия пломб и вызова неспящих. Дело в правах Озова на включение сдвигателя... "Но в иллюзиях ли проблема?" — думал Озов. — Слишком зачистили на дром сотрудники из Сентра НГ.

* *

В воздухе расцветал парад поденок. Вода и дорога еще невинны. Отходил первый закат. Ар Озов брел вдоль набережной. Внезапно до Озова донесся нераспознаваемый грохот, наподобие грома на ясном небе. Возможно, это и был гром. Пройдя три шага, Озов заметил впереди фигуру Армагеддона.

Армагеддон обернулся. Ару показалось, что где-то глубоко за печалью искусственно выведенного человека сияет тайное довольство.

— Успешно провели итоговый эксперимент? — поинтересовался Озов.

— И да и нет, — всплеснул руками Армагеддон, — оставили неоконченным, — на левой руке Армагеддона не хватало двух пальцев.

— Два пальца, — ухмыльнулся он, — спасли Вселенную. Удалось вовремя пристопорить. Чтобы попасть в прошлое, нужно уничтожить настоящее со всем живущим.

— Но это совершают локально, — перебил Озов, поразившись своей банальности.

— Да, но образованная нами дыра в настоящем — начала расти, — на лице монстра мелькнуло ехидное лукавство.

"Таки не зря питомцам колб и пробирок дают имена венерианских тайфунов", — смекнул Озов.

Бывшие коллеги приближались к Центру непространственной геометрии.

— Дыра растет и сегодня, хотя увеличение ее замедляется.

Глянув на корпуса научного центра, Ар обомлел: половина восьмого этажа первого здания была срезана словно бритвой. Посмотрев внимательнее, Ар очутился в состоянии невероятном: над восьмым этажом возвышалась черная громада, сходная с циклопическим могильным камнем. Сверху громады, захватившей несколько этажей, мирно торчала башня с часами. Сосредоточиться Озову не дал Армагеддон:

— Черное прошлое, — почти пропел монстр, — отличный строительный материал для будущего. Абсолютно прочный. Сооружения из него нельзя разрушить ни тропоядерным, ни даже гравитационным взрывом.

У портика прохаживался некто, похожий на деятеля из Чистой службы. Узрев, как Армагеддон достает из кармана жетон, Ар небрежно махнул блестящей зажигалкой и уверенно открыл ту дверь, которая должна отворяться. Соседние забаррикадированы много лет.

Дальше следовал контрольный пункт. Ар миновал и его. Членистоногий *контрòллер* пробурчал неразборчивое и приложил клешню к локондрию во лбу, пытаясь нечто вспомнить.

Армагеддон отстал. Малый из ЧС решил протестировать его жетон. Пока шло выявление личности Армагеддона, Озов прикурил своим "жетоном" плохонькую анимаретку. У боковой лестницы сильно намусорено. Брошенные кое-как лиловые изработанные парапризмы перемешались с рассыпанными пачками мнемокарт. Из них выбрался самозародившийся виртуальный котенок и потянулся.

Армагеддона всё не было. Озов включил винтовой эскалатор — выдвинулась гладкая плита цвета прессованной воды. Мгновение — и Ар видит знакомую табличку, но не на стене искомого сектора, а на входе в Лунный зал. Ничего странного, здание перекроила катастрофа!

Озов нажал кнопку. Загорелся экран. На нем — неизвестные безбровые охранники с недобрый взглядом. Что делать? Но вот их отзывают, и перед Озовым — детское лицо вечного аспиранта Да-Плютена. Препятствий нет, если не считать санитарных шлюзов с пылесосами, антибузами, ионными дюзами. Наконец сверкнула бронированная заглушка комнаты-сейфа. Озов вошел в святилище.

На столиках — армада флаконов с эликсирами, абиландами, притретонами, банки с орондой, кастандой, посвентой. стакан с юпитерианским коктейлем гордо выделялся асимметричной формой.

Блеск и сияние ударили в глаза. Но Ар заметил робота Аметиста, лежащего на элегантной перине. Стало душновато. Давно Ар не вдыхал воздух с избытком криптона и ксенона! Ассистенты-телохранители кинули на Озова надменные взгляды и с ужасом уставились на озовские сандалии. Новые ассистенты в пошлых карнавальных масках, в манерах — напыщенность и пижонство.

Натянув для успокоения болванов ритуальные бахилы-пузыри, Озов приблизился: Аметист уплывал в область блаженных семимерных сновидений.

— Ты защитил степень вахмистра? — обратился Ар к Да-Плютену, ибо не забыл: простые

работники науки не имеют права обслуживать отходящего ко сну робота.

И-и-и-и-и-и! Щелк!

Куда рухнул мир? Куда?⁴

Наверное, плирус не тем ребром прикручен. Но кому нужен дурацкий вахмистр! Гораздо лучше семимерные сны робота! Так! Кое-что поменяем. Луч плайзера едва не расплавил обшивку. Щелк! И-и-и-и-и-и-и-и-и! Узкая желтая полоса. Поворот. Ухнули в небытие три яруса.

Возник первый ПИО.

* *

А этот ПИО больше подойдет для вундеркиндов. Кто захочет, может полистать *Приложение* на Ψ-345 или правильно вкрутить "плирус".

⁴ Оставлен кусок археологического материала. К сожалению, до дуближа коды хроник побывали в руках нерадивых гуманоидов-реципиентов, вечно забывающих стереть следы своего творчества и воздействий на варианты истории.

2. ИГРА СО СПИЧКАМИ

Летали подёнки, набережная подходила к концу. У маяка, недалеко от Сентра, Ар натолкнулся на Армагеддона:

— Успешно прошел итоговый эксперимент?

Интерес ясный. В самом деле! Варану под хвост эти годы?!

Мардопол

Два или полтора шага от формул Да-Плютена до триумфа-катастрофы, сколько в них от Аметиста неважно, долгий шаг — здесь мат. А если бы Мардопол не набрал студию вольного творчества из монахинь, не улепетнул потом с Суматры? Вылез полиплогический вопрос, психологический, психофизический — мифический. Роботам на смех! Аметист проверил у всех на виду нарочно: нет физического, нет биологического — одна психика и гекатомбы выдумкам. Но не описать, как в Пуа устраивают надзор за быстрыми снами... Иновремя и не надо получать: оно и так есть. Почти рядом, близок локоть, слишком близок. Мыльные пузыри времен друг в друге... Царство Пигмалиона, много Пигмалионов было до нас. Вот теория заменительности Хризопраза, а вот — концепт релевантности Эвклаза, преконтер обратимости Аквамарина. И где ныне презнаменитые Цигельштейны, Дункельэкели и Штаубсаки?

Всплеск. Из желе экрана блеснули глаза Мардопола. Как он посмеялся над наивностью теоретиков: ваши Аметист с Да-Плютеном — Мефистофелюс с Фаустусом. Да, Пуа — сверхвеликая дер-

жава. Там могут всё, но не имеют права собственности на сновидения.

— Завтра?

— Да! Сегодня иллюзиодром.

Экран застыл.

А нескучное распределение обязанностей! Одни спят и, сами того не ведая, изготавливают снофильмы. Другие наслаждаются продуктом и всю жизнь бодрствуют! Даже каскадеры подобное не предоставят. Еще тот метод снять сливки и депонировать их.

Пусть и бежал Мардопол по вине неких фантазий — кто сомневается в утечке умов и языков! Ему ноль возмездия: в управлении Марса — родственник, в Межпланетной лиге — второй. А сорока геегодами ранее? Убили бы из-за угла или подсунули бы в клокомобиль престентную секс-мину.

Пуанские примеры

1. На Суматре всё шло без вопросов.
2. Сдвиги пространства связали с ментальной стряпней. Выдавали авансы наслаждения и восторга.
3. Пациент Б. выскочил из феноменального мира. Стимуляторы открепили. Пациент Б. не возвратился.
4. Включили психотерапевтическую установку "Або". Исчезли: установка, 35 пациентов, процедурная, приемная.
5. Возникли вопросы.
6. Перешли на фаршированные чувства, проливные восприятия, насадочные способности.
7. Пациенты К., Л., М. окуклились... Когда вывелись, никто ничего не понял: все они переменили пол на противоположный.

8. Астронавт О. вернулся из дипротического полета. Овеществился и назвал свою жену Мэшураву Машей и многое-многое переименовал.

Эксперимент

Неплохо посмотреть реатиновые записи. Купюр в них нет.

Мардопол (достаёт из кейса пакеты с черными кубиками). Хрононоситель — антрацит трехсотмиллионнолетней давности. Нефть надежней, но её грамм стоит полтора биллиона кавриков. Конечно, появится прошлое Земли, но не того участка гондира, мимо которого она проходит.

Аметист, Да-Плютен (хором). У-час-ток! Разве бывают в космосе у-час-т-ки?

Мардопол. Называйте, как хотите. Опять потчуй вас непространством.

Армагеддон (несколько раздраженно). А не проще ли взять носители в другом музее?

Мардопол. Да не украл я антрацит. Другой музей? Музей культуры? Соседние 6 миллионов лет просканированы! Окажемся в лапах Вечной цивилизации. На десять минут назад — пожалуйста! Можно и на день назад. А зачем? Будущее? У вас есть его носители? Если есть, спрашивайте разрешения у Дельф.

Мардопол расхаживает по комнате, что-то проверяет, оценивает. Помещение ему не нравится. Суматриец поводит ноздрями: станина уловителя времени пахнет краской. Он заставляет охранников еще раз отодвинуть от нее приборы.

Армагеддон бродит с нахмуренным и озабоченным лицом. В руке он держит прозрачный пакет с антрацитовым кубиком.

Аметист и Да-Плютен опасно косятся на страшное нагромождение агрегатов. В этих трубках, радиаторах, энергоизлучателях, пляшущих огнях экранов и кнопок теоретики мало что соображают. Армагеддон оттесняет их от пульта, а суматриец выставляет вон за прозрачную ободисовую дверь, где толпятся сотрудники Центра и журналисты.

Охранники разгоняют скопление народа за ней. Теперь там только Да-Плютен и два журналиста.

— Быть жертвами их прямой долг, — указывая на журналистов, бормочет Мардопол, — тем более они те же службисты, а собранная ими информация дойдет до людей через полвека.

На столике уловителя первый антрацитовый кубик. Запущены вспомогательные системы — кубик взмыл в центр сферы, повис в специальном типе вакуума. Никакие внешние поля, кроме заданных, не достигнут антрацита: им понадобился бы путь в 900 миллиардов световых лет. Излучения самой сферы проникали в лабораторию почти мгновенно.

Суматриец отпрянул от установки и scomандовал. Журналисты нацелили камеры, Армагеддон снял предохранительный колпак и надавил рычаг. Кусок угля расцвел и слегка задымился. Пространство внутри сферы остеклянилось, по нему пробежали синеватые полупрозрачные волны. Зарябило в глазах, накинuloсь головокружение... Армагеддон усилил индукцию и утопил кнопку транскриптора психических предпозиций. В сверкающей сфере произошло нечто вроде взрыва. Уголь истратился. Понеслась какофония с доминирующим: "пу-бу-бу, пу-бу-бу, пу-бу-бу..." Ударил смрадный запах. Сфера сделалась

илисто-серой, из нее хлынула зловонная жидкость: поверхность сферы детектировала во внешнюю сторону. Могло случиться наводнение.

Мардопол передернул структуроискатель: в зоне видимости открылись тускло освещенные неровности и пятна.

— Ночь. Перед нами озаренная луной растительность, — возгласил ближе всех стоящий к сфере суматриец, стряхивая тину с ботинка. — Сейчас коллега переведет на день.

Вскоре появился сквозняк, ударили незнакомые запахи. С минуту созерцали приятный ландшафт с восходом солнца, не похожий на рисунки палеонтологов. Ни озер, ни болот. Да, в предыдущий раз Армагеддону не повезло.

Ландшафт заволокло, он превратился в черную массу, безболно вспыхнуло ярче солнца, из аппаратуры повалил дым. Чернота быстро чередовалась со вспышками. И суматриец совершил оплошность: разъединил рубильник. Конечно, звенящая в тьме света черная масса не рассеялась, начала угрожающе увеличиваться, но мелькания закончились. Ничтоже сумняшеся Мардопол перевел рубильник в прежнее положение, дым повалил еще сильнее.

Черная масса съела три агрегата. Пульт отключился. Выхода не оставалось — Армагеддон схватил энергорезак и направил его луч на транскриптор. Масса словно бы успокоилась. Армагеддон ударил по ней лучом, но луч отразился, обернулся черной нитью, режущей стены лаборатории впронизь... В зияние с криками "пу-бу-бу", "пу-бу-бу" устремилось откуда-то взявшееся страшное летающее существо, за ним — второе, третье... — целая стая. Это были не насекомые, не птицы, не ящеры! Армагеддон заметил: его пальцы стали одним общим с массой; оторвать было невозможно — перехватив другой рукой резак, он укоротил два из них.

Масса продолжала медленнее, но расти. По расчетам Аметиста, через несколько часов ее рост практически прекратится.

Остановка

На черную громаду не действовали пространстводвигатели. И Озов опять оказался в секторе микровремени, но сотрудников не прибавилось: Армагеддон исчез — Ар был последним, кто его видел. Вот реставрация мышлевосприятия Ара.

И чем реже я бывал на иллюзиодроме — тем больше превращался в иллюзиодром Сентр, Аркаполис, земной шар. Аметист — "читающий" абсолютно всё — принес копию статейки под названием:

Ядовитые моллюски парят над Артазином

...на рассвете четвертого дня зеленой луны вблизи зазуба ИТЗ-7 перед туристами пролетела группа несуразных объектов. Сутками позже и стадием восточнее похожие объекты наблюдал служащий омега-офиса. Это существа, однокрылые, каждое — величиной с человеческую голову. Вскоре рыбаки вытащили такое создание сетями из воды и принесли на Артазинскую биостанцию.

Оно крайне неприятно на вид, имеет внушительное, но тонкое и прозрачное крыло наподобие паруса, кроме того — ракетный двигатель, выпускающий струю пены или воздуха.

Животное относится к необычному классу моллюсков. Летящий моллюск защищен не панцирем, а ядовитым слоем слизи. У рыбаков и биологов на руках появилась экзема.

— О — о — у! — исторг звук Мардопол, глянув на изображение моллюска.

Но... Неожиданный сигнал вызова: меня про-
сили в 14-ю приемную.

В приемной стоял Ведущий с иллюзиодрома
и почему-то держался за штору.

— Вынужден просить о помощи Общество
неспящих, — заявил он, отвел штору и указал на
небо.

Там плавали цветные облака, вытягивались в
нити, сжимались. Я почувствовал что-то очень
знакомое. Где-то внутри зазвучал шум моря, как
будто слышалась музыка, душа воспарила.

— Сюжет нашей абстрактной постановки, —
пояснил Ведущий. — Но дело не в том. Мы за-
теяли фантастическую изопьесу, сняли эпизод о
поломке политической рулетки... — Вот он! — и
Ведущий протянул свежий номер информацион-
ного вестника "Упаникалампот".

В нем набранные крупным шрифтом заглавия:

НА МАРСЕ СЛОМАНА
РУЛЕТКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ МУТАЦИЙ.

РАЗГОРЕЛИСЬ
СТАРЫЕ МЕЖВИДОВЫЕ СПОРЫ.

НИМФОИДЫ ПРАВЯТ БАЛ...

Рядом — неприметная публикация. Я кинул
взор на нее и словно ощутил удар током.

...Звездолет вольного города Лоски чуть не столкнулся в окрестностях планеты Нептун с некосмическим металлизированным агрегатом. Этот агрегат выпал из иного мира прямо на глазах экипажа...

Поразил маленький снимок: он мгновенно напомнил мардополовские чертежи аварийного лаза времени! Экстренный вывод объектов из настоящего в прошлое...

— Нептун! Нептун! — воскликнул я. — Что выражает термин "Нептун"?

Ведущий не вник...

— Корабль Лоски, — прошептал я, — их капитаны не подписывали Конвенцию.

— Нептун? — напрягся поднаторевший в разнообразных арго Ведущий. — По-моему, область более дальняя, чем сфера складчатых галактик, орбита Плутона — зеркальная граница вселенной.

Я опять заглянул в вестник:

...Звездолет, несмотря на протесты муния безопасности, захватил таинственную конструкцию и, двигаясь с тройной переведенной скоростью света, достиг земной базы к семи пунктам трипланетного времени.

— Тройная переведенная скорость — эвфемизм 10^{300} переведенной скорости, — пробормотал я (этот сленг уже знал прочно).

"Но почему корабль оказался именно там? Хитрые задачи у Лоски!" — вдруг зажглась мысль. О Аполлус! Только теперь я вспомнил о проблемах Ведущего:

— А не набежали ли на хронометрах иллюзиодрома лишние секунды? Не мог ли кто изготовить копии призм?

Теперь озарение нагрянуло к моему прежнему соратнику.

— А как здоровье Калипсида? — полюбопытствовал я, не забывая об Армагеддоне.

— Апокалипсида?! Он куда-то улизнул...

Не минуло и часа: прозвучал сигнал нового вызова, но из 1-й приемной. Мардопол спустился по лестнице и вернулся. Он держал непривычную бумагу с водяными знаками и черными гепардами. Деамбулакрум — ноли — тангере!!⁵ Из ЧС! Я еще не съехал с ума!

Запрос... Аршинными буквами:

МОЖЕТ ЛИ ЛАБОРАТОРИЯ ВРЕМЕНИ УНИЧТОЖИТЬ ВСЕЛЕННУЮ ИЛИ СОЛНЕЧНУЮ СИСТЕМУ?

Многое обещало юмористическое собеседование. Но не тут-то было! Мардопол и Да-Плютен в один голос продекларировали:

— Уничтожить мир, а тем паче Гелион — ничего не стоит.

— Раз плюнуть! — выпалил Да-Плютен.

"Предо мной люди или нимфоиды?" — подумал я и, предвидя бесполезность полемики, начал ненавязчиво напирать на практическую сторону дела:

— Вы считаете, сама ЧС сочинила запрос? В запрещении работы заинтересованы исключительно Дельфы!

При последнем упоминании Да-Плютен слегка порозовел, затем сильно побледнел, а Мардопол сказал:

— Гы...

⁵ Такие ругательства не переводятся.

Потом он произнес длинную и назидательную кудрю. То, как он судил ни о чем и обо всем, делал ложные намеки, создавал важность неважному и неявность явному, вплетал в сообщаемое проговариваемые полупшепотом неприличные каламбуры и коллетрейскую феню, свидетельствовало, что изрядную часть жизни Мардопол протусил в интеллектуальных кабаках и финтишкетских бегуресконах. Так и повисали его сентенции, обтекаемые, пылефлюидонепроницаемые, но бессвязные. Он не спеша достал анимагару и продолжил:

— Да... если... ну... конечно, домикало донеже егда зрак... здесь не Суматра, но в вещах зело важных... Хм... Пых-пых... — Мардопол затянулся анимагарой и коснулся рукой своего мощного подбородка. — Есть сугубые методы; коллега ваш Н а в в и р и д о н не кремень. Мы не из свободного круга. Мы, наввирияне, особая народовосьц — народовосьц почтовых ящиков. Для чьих-то брыкал мы прозрачны... Обаче очима смотриши — лукавне прещение у зриши.

Это речь! Обозвал Армагеддона Наввиридоном, а нас наввириянами...

— Пусть скрыть ситуацию мы не можем, но скрывать нечего! — вставил я.

Да-Плютен и Мардопол, не успокаиваясь, утверждали: недавно вселенная была на волосок от гибели из-за не совсем удачного опыта.

Мардопол ссылался на вероятность цепного инвертирования и привел в пример феномены оловянной чумы и венерианской молекулярной проказы.

Меня поддержал Аметист:

— Вселенная неуничтожима, а неуничтожима она потому, что ее не существует. Она такая же выдумка, как грань куба, не имеющая толщины. Попробуйте оттяпать у куба то, чего нет.

Робот махнул рукой — и на стене обнажился гигантский экран, на котором затанцевали формулы гипергеометрии. Выплывающая симфония смыслов обозначила надмирное крещендо, экран стал трехмерным, занял половину зала, вырвалась устрашающая модель строения кажимости. Щелчок — и посыпались следствия. Робот еще раз махнул — в воздухе зажглось:

ПЕРЕВОРОТЫ, РЕВОЛЮЦИИ,
СМЕНА РЕЛИГИЙ, ВОЗЗРЕНИЙ.
ОБМАНЫ ВОСПРИЯТИЯ — ПРЕЖНИЕ.

Аргументам роботов придают наибольшую весомость. Но пришлось убрать: "перевороты", "революции". После редактирования мы оставили фразы типа:

ШАНСЫ УСКОРЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ,
УСИЛЕНИЕ ПОДСПУДНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ.

Посторонних специалистов власти вызывать не собирались, поскольку не хотели объяснять возникновение "муфты" на корпусе Сентра.

Ее совершенно правильная форма не отличалась от замкнутой облицовочной поверхности...

Внешних свидетелей катастрофы оказалось немного: около тысячи человек. В момент итогового опыта у здания находились передвижные станции ЧС. Нужный властям Сеанс состоялся

прямо на улице. По Аркаполису таки поползли смутные слухи, но на слухи службе было начхать.

Однако кому-то не было... Пересекая бульвар, я заметил на себе чей-то взгляд. Ко мне подошел субъект, похожий на монаха-атеиста. С легким расшаркиванием и миной, полной выразительности, он вручил мне фиолетовый конверт. Не успел я прийти в себя, как субъект сел в вертобомобиль и растаял над небоскребами.

Минуты три я терпел. Затем распечатал конверт. Из конверта брызгнула лучащаяся синим светом субстанция и выпал вызов в дельфийское консульство.

Р е к а

Конверт лежит на матовой поверхности стола. Н-н-х-у-у: от конверта или от бланка в нем идет тонкий неопределенный запах. Что я вижу! Волнистые узоры бумаги вписались в волнистую текстуру столешницы. Слабый, невнятный, лиловатый... Нет, словно голубоватый запах. И даже не запах, а малоуловимое напряжение. Отодвигаю конверт дальше... Беру и кладу на полку. Но от него ли все это исходит? Может быть, от темноты за окном? Гушу свет.

Завтра в Дельфы. Тени на потолке беззвучно говорят: "Завтра в Дельфы". Шевелятся черные листья, отражение ветра задувает тайники мыслей. Снится шепот потолка. В зазеркалье окна облизываются две крупные звезды, а третья медленно скользит, кособрюхая, начинает увеличиваться, потом уменьшается... Квлонн... Я открываю

глаза: ярко горит лампа, ослепляет, но осязаю: сплю; могу себя ущипнуть, впрочем, уже исхитрялся не раз; поднимаю еще одни веки: вижу, обливаются две крупные звезды, а третья прядает ушами... Еще веки: сплошная синь, кто-то читает инструкцию неслышным, но твердым голосом:

...место трансферации — 1423-й ярус 742-го квадрата в окрестностях чердака сооружения ОИ-16-27 и сетки для игры в бло.

...нужно учесть: на указанном ярусе протекает река Айпейя (осторожно!), за сооружением ОИ-16-27 проходит воздушно-понтонная железная дорога — источник недоразумений и причина несчастных случаев.

Пункт двенадцатый. Прононния разрешены на чердаке сооружения. Быть спокойным. Глубоко не дышать: не исключено вдыхание больших количеств серебристой пыли.

Пункт тринадцатый. При облове прятаться в густых зарослях карбокрачи между рекой Айпейей и лужком для игры в бло. Дежурные эйхимбурконы оберегают униформу от острых колючек карбокрачи и возле нее не бывают.

Пункт четырнадцатый. Не справлять потребности на чердаке (серебристая пыль, возможность появления новых трансферантов).

Пункт пятнадцатый. Река Айпейя и вентиляционные щели не имеют дна. Ниже первого яруса исчезает отсчет правильных локусов восприятия.

.....

Пункт сто сорок первый. В течение светового дня следует воздерживаться от питания. Поедание душ туземцев осуществлять ночью. Нельзя съедать души целиком! Оставляйте хотя бы 1/10000 долю. Во время так называемых сновиде-

ний души аборигенов довольно быстро отрастают за счет подсоединения к своим параллельным жизням.

Что это? Экубэка! Тону в огромной реке. В ее русле не вода, не жидкость течет... Плыть в подобном не удастся... Оно легче всего, непрозрачно. Падаю. Волны накатывают на волны, и в промежутках раздвинувшихся волн иногда что-то мелькает. Лечу, но плавно, не ускоряясь... А пузыри! Пузыри — волшебные фонари! Среди тёмного блеска мгновенные сны. А — у! Всплываю в Саргассовом море. Но нет! Нет! Не водоросли, не острова. Лишь волны рисуются в волнах. Течет река вперед и назад, вверх и вниз. Творит берега, предметы и воздух, мечты, чувства, желания, образы. Я — река, впереди и позади, вблизи и вдали — везде река, но повсюду разные волны. Волна волне не равна, волна волне — война, волна с волной в волне, волна с волной в реке.

Сон ли это?

3. Д Е Л Ь Ф Ы

Начало

Конверт получил и Да-Плютен. То ли на нас действительно остановился выбор жрецов, то ли от нашего присутствия в Аркаполисе стремились избавиться. В суматрийском Сентре не менялось ничего! Неспящие менее опасны, чем просто бодрствующие!

Дельфийское консульство как будто помещалось в одном из корпусов Университета вторых профессий, у филиала Всемирного музея копий, но Да-Плютен рекомендовал направиться не туда, а в противоположный конец города, к скале с лабиринтом.

У сохранившегося пролома в лабиринт уже пару тысячелетий красовались статуи двух человеческих скелетов. Над шестиметровыми статуями горела надпись:

**ВСЕМ, КРОМЕ САМОУБИЙЦ,
ВХОД ВОСПРЕЩЕН!**

Перетолкование вызова меня не устраивало. Многие стези ведут в Край Желаний. Почему бы не выбрать длинную?

Да-Плютен поневоле согласился со мной: у аппарата, вызывающего клокомобили, стояла солидная очередь, а на "колбасах" и "насосках" понадобилось бы добираться с четырьмя пересадками.

Мы предпочли более длительный путь в Дельфы долгой дороге внутри города.

Двинулись пешком и спустя 15 минут оказались рядом с университетом; пройдя зал информации, вошли в приемную консульства. Круглая, необычно освещенная гостиная. Без ламп и светильников, но на потолке четко вырисовывались тени. В середине комнаты — столик с вечными газетами. Из-за стен и дверей не доносилось и признака жизни. Нет ли ошибки? И вдруг мы обнаружили: не отворялись не только двери, через которые мы хотели пройти, но и те, через кои прибыли.

Словно по команде, мы схватили газеты и в первых пробежавших текстах прочитали некрологи о себе. В заметке под названием "Они угодили в лабиринт" мы с Да-Плютенем совсем по-дурацки прославлялись как деятели науки, оставившие эксперименты, опасные для нооидов, и особенно для людей.

Подле газет лежала стопка "Памяток отъезжающим в Дельфы". Да-Плютен взял одну из них и принялся ее изучать. Выяснилось, брошюрки индивидуальны, а вот, похоже, моя. Она отличалась от прочих, как и остальные — друг от друга.

Взглянув на первые абзацы, Ар сунул издание в карман: последний день он числился несвободником, живущим в свободном обществе, и в последний раз мог тасовать колонки газет. В грядущем у него такое право изымалось. Он понимал, нового под луной не бывает, но навязчивое ощущение событий требовало продления...

Где раньше было гладкое место возник проем и в нем — хмурый старичок с асимметричным лицом; он поманил посетителей внутрь.

— Насколько мне известно, вы достаточно проинформированы, — промолвил старичок. —

Даєте ли вы обет отречения от родины, семьи, государства, а также иные обеты?

— Да! — выпалил Да-Плютен, готовый ко всему.

Для Озова пресловутые родина, семья и государство почти ничего не значили, но любое проявление насилия, даже и обратного рода, вызывало подозрение и протест...

— Лучше обойтись без обетов, — ответил он. — Тем более...

— Вы не сможете удостоиться и младшей ступени посвящения, — перебил Озова старик, — не откроете сути дельфийских тайнств.

— Положим, я соглашусь со временем?

— Согласие должно даваться сразу. Сожалею, что вы колеблитесь.

На переходе к размещенной на крыше здания стартовой площадке Озов с удивлением настиг паражену Да-Плютена. Воспользовалась форс-возможностями и сумела сюда проникнуть? Ах, судя по сетке на голове, это существо тринадцатого пола решилось на Сеанс... Подошедший Да-Плютен от неожиданности окаменел: наверняка он распрощался со всеми окончательно. Обыкновенно такой вид Да-Плютен обретает, когда взбешен.

Озов прошагал в таможенный отсек. Таможенника правильнее бы назвать конфискатором. Помогая пассажиру переодеваться в диковатые полуантичные-полумарсианские одеяния, он заодно производил и личный досмотр.

"Интересно, а как отнесется к досмотру Да-Плютен?" — прикинул Озов. — Ведь он свободник. Даром ныне расстается с волей? Ну и

пертурбация! Не жутко ли мутен завернувшийся поток освобожденности? Взвихренный осадочный ил. Зачем всё? Для чего потребны несусветные заботы о доме, быте, чувственных влечениях? Гораздо проще заключить Договор. Количество свободы от ограничений только увеличивается!"

Если многое не перевернуто в криптах минувшего, Озов четырежды по собственной прихоти менял формы Договора, оставляя мелкие либертинки. Скажем, пятнадцать часов в двадцать дней прогулок по далекому горному району, тридцать часов секретного канала "абсолютной" информации. Иное — не на его балансе.

"Конечно, дикое общество имеет права на бытие, — рассуждал Озов. — Оно и необходимо: настоящее существует оттого, что его остов — невырезанное прошлое. Сохраняются Био и Род, Феод и Меркуп, Ном и Мегон. Одно в оболочке другого, другое — из кирпичей третьего, но построенное мертво, пустая форма, грехопадина раеизгнан... предыдущее расчерчивание будущего. Но главное — тонкий пласт между Тем и Тем, который не Тот и не Тот, свобода в себе, желающая себя уничтожить и не-желающая... скользкий слой между корой и древесиной, терьмо в проруби... стремление нуля, пожираемое алчными единицами. Начать с нуля не дано черным прошлым. Душа — очень тонкий миазм."

"Однако, досмотр!" — пришло Озову в голову. Таможенник с кислой миной вытаскивал памятку из кармана брошенной куртки:

— Всё помнишь?

Озов пробормотал нечленораздельное. "Во всяком случае не ты генеральный досмотрщик", — думал он. Смысл вопроса не сразу дошел.

Без комментариев таможенник сунул озовскую одежду и памятку в мусорную печь.

У опоздавшего Да-Плютена таможенник отобрал саквояжик, высыпал его содержимое на стол. И среди этого имущества ничего, кроме книг по НГ!

Не найдя криминальностей, как-то: документов, оскрезонов, сувениров, фотографий, снописем и прочих атрибутов ненужных привязанностей, таможенник одобрительно крякнул. Похоже, он был наемником, а не дельфийцем.

По звонку явился второй таможенник, уже с деловым интеллигентным прикидом. Разумеется! Не глянув на названия, он швырнул Да-Плютеновы книги в печь. На столе лиловела памятка.

П у т ь

(Из восприятия Ара Озова)

Через минуту непрезентабельное летающее блюдце понесло нас за тысячи стадий. Посадку совершили в степи, не слишком близко от современных Дельф.

На небе сияли три несерийных солнца. Мы выскочили из тарелки. Повинуясь незримому управлению, она тут же взмыла и исчезла.

Обернувшись, мы заметили шагах в двадцати от нас человека, у клокомобиля. Третий таможенник, теперь дельфиец, сопровождал нас далее.

В клокомобиле я глазел по сторонам. Да-Плютен углубился в повторное изучение памятки. За степью дорога шла мимо руин Билогического завода и Огненных полей. Я не забыл об описанной в энциклопедиях и учебниках эре Опеки, когда люди не могли жить без этих пламенных

водоворотов. Сейчас на полях непрерывно вырастали гигантские ящери- и краноподобные фигуры, распадались, вновь высвечивались в другом месте. Порой они рождались группами — и возникало ощущение разговора гигантов между собой.

Огненные поля кончились. Их источник — знаменитую Башню грома — так и не увидел. Впереди показались Дельфы. В вышине ни облака. Три солнца выстроились в линию.

Я взял у Да-Плутена его памятку, но не открыл. Захватила панорама: Дельфы походили на море, по которому разбежались корабли и маяки.

Клокомобиль остановился у немалых объектов, скопированных с египетских пирамид. Засим движение транспорта запрещалось, но со всем обозримым не вязалось ни хождение пешком, ни пользование летающими ковриками.

Улиц не существовало, весь город спланировали так, что из любого пункта виделась толика горизонта и повторяющийся ансамбль разновеликих зданий: от зданий-башен, зданий-гор, шарообразных зданий-планет до дачных домиков, шатров и палаток. Часто одни чертоги стояли на других, на первый взгляд более хрупких.

Дельфы — город немыслимости. По утверждению таможенника, некоторые из дворцов и острошпильных башен — макеты, предназначенные для создания обстановки, способствующей размышлению. Колонны и филигранная облицовка массы сооружений якобы фальшивы, но мы не могли отличить "воздушные" постройки от действительных.

Площади зияли пустотой. Везде жила тишина. Вспыхивало осторожное эхо наших шагов и,

проницая туловище безмолвия, словно касалось лазури.

Мы очутились не в каких-то Дельфах, но в Дельфах междумирия, в устье квадриллиона Дельф.

Подобрались к длинному розоватому корпусу. Таможенник пробубнил неразборчивый пароль в слуховую трубу. Врата распахнулись, и мы вошли туда, куда прежде собирались — в лабиринт. Поразило тусклое освещение, неухоженность, легкий запах плесени. Пол — что-то вроде текучей дороги, текущей во все стороны и в контртелесность, а перегородки лабиринта подступали и расступались, беззвучно и невесомо перебежали. Ощущение пребывания в одной и той же крипте с пляшущими переборками, скачущими, будто изображения на экранах. От кого-то я слышал, такая система хороша для картинных галерей и библиотек: пол в галереях остается незаблемым, а стены движутся и складываются гармошкой. Сидя в кресле, можно изучить целый марсианский музей. Но ныне экстракомфорт казался сомнительным: от стен лабиринта исходил сладковатый аромат, они были одновременно и источниками света. А не похоронены ли мы в чреве циклопического фосфоресцирующего животного? Нас с Да-Плютеном не покидало неотвязное чувство тревоги и легкого отравления. Таможенник оставался невозмутимым.

Перемещения продолжились. Опять подоспел темный туннель. Прямо на нас мчался пылающий волчок, похожий на брошенный в огонь клубок пряжи. Проем зашторился, таможенник сделал вид, что ничего не заметил. Да-Плютен пожал плечами. Он не ожидал катавасий от учреждений серьезной страны.

Платформа взмыла вверх. И перед нами нарисовался характерный дельфийский пейзаж, но здания у горизонта уже напоминали сухие колося злаков, а платформа плыла по аллее с рядами исполинских сказочных птиц по бокам, вернее, "торсами" птиц, дарующими впечатление некрополя. Мы ухнули вниз, в полутемноту лабиринта.

— Новые Дельфы, как и древнейшие, перенесенные с Балкан, — государство традиций, — подчеркнул таможенник, и вдруг его глаза вылезли из орбит от ужаса. Дорога под нами начала падать, пространство за перегородками огласилось ревом материи хаоса; таможенник и Да-Плютен исчезли, я с бешеной скоростью погнался неизвестно куда, настил подо мной проваливался, всё вокруг горело, впереди промелькнули силуэты трех людей-волчков...

Воскрес я в клокоmobile. Гм... Тишина и спокойствие! Клокоmobile остановился у гороподобных египетских пирамид. Далее транспорт нашего типа разрешался, но мы пошли пешком, поскольку хотели лучше рассмотреть Дельфы. На небе — четыре солнца. Переведя взгляд на Нетуда-плютена... Нетуда... Не-ту-да-плю-е-ва (!), Нетудаплюева, я увидел невразумительное: он был одет в греческий плащ. Такие же плащи — на мне и проводнике. Проводнике (!), а не таможеннике. Изменились даже мои мысли! Недавнее прошлое не ярче сна.

Существуют самые разные непространственные фокусы, а потому происшедшая перемена декораций почти не удивляла. По крайней мере, я предполагал ее возможность.

Сгнуло желание спрашивать, является ли то или другое здание макетом. Отсутствие на многих постройках окон, необычное их расположе-

ние ни о чём не говорило. Любое сооружение могло напоминать и постэманационизм, и Золотой век, быть самобытным и постоянно переиначивающимся. Еще живы устарелые эффекты спироногологии!

В стороне высилась дико-чудовищная ротонда, ни с чем не сравнимая: вверху купола и непонятные крестовины. Вход охраняли огромные черные псы в лиловых жилетках. Я застыл как вкопанный. Виденье точно мерцало, казалось приснившимся, нереальным, нарисованным. На стенах — яркие картины. Чаще всего изображался муж с крестовиной и лучистой "тарелкой" зыбкости вокруг головы.

Над порталом реяла молодка в скафандре оптической сдвинутости, ее младенец, похожий на князька, крепко держал игрушечную крестовину. Ох, сильно косоок и близорук художник-индуктор, раз ухитрился выплеснуть в мир незатухающие ореолы, нимбы, блески!

— Что это? — спросил я.

— Памятник врагам Золотого века. Не спрашивал, почему такая нелепица затесалась на планету, — ответил проводник. — Нас в древности могли уничтожить варвары. Купола — их фетиш. Если бы Александр Великий не дожил до 97 лет, а пробыл у нас гораздо меньше, он, возможно, и не успел бы выжечь дотла вредные для цивилизации земли.

Нетудаплюев слушал с видом сомнения. А твердь? Там сияли четыре солнца, четвертое — в ста градусах от остальных. Но в моей прежней жизни Дельфы владели двумя искусственными солнцами, а Александр Великий дожил до 83 лет. Перед глазами встали светящиеся волчки, и я сообразил: изменилась не только история, но и мои догмы, воспоминания.

Вычурная ротонда позволяла думать: Дельфы контактируют с дивергентными вселенными. Скорее, по ним и высчитывают будущее. Всплыла догадка: есть вселенные, в которых нет и никогда не возникнет настоящих Дельф, и те, в которых не обитает и никогда не зародится человечество. И всё это иллюзия, иллюзия, пузыри, всплывающие над бездной, или сновидение сновидений...

Не протекло и часа с тех пор, как я пересек границы нескольких вселенных; Дельфы промелькнувших вселенных меня не приняли, но при переходах изменился и я... И Нетудаплюев — вовсе не тот Нетудаплюев.

По дороге мы не встретили бытовых заведений. Раз наткнулись на витрину, заставленную диковинками: камертонами, поросшими металлическими перьями! Не исключено, и она имела музейно-культовое значение. Нам не попалось ни одного клокомобиля. Прохожие были редки, среди них ни одной женщины.

По словам проводника, женщины в Дельфах составляют треть жителей. Они или жрицы, или духовные гетеры, или просто монстромузы, хотя мусический пол обыкновенно расфокусирован.

Х и ж и н а

И в первый день пребывания в Дельфах, и впоследствии Озова не покидала кажимость: обозримое — лишь малая часть, а главное скрыто, пусть оно рядом. Где-то по соседству впадают в прострацию пифии, и недалече источники с гео-

логическим дурманом — остатки пифонов, тифонов, дельфиниумов.

Но всё — сказки, пережитки первобытных мечтаний, воплощения в подземелье стремящихся мыслей. Даже у исполненной ужасной красоты, ужасной, без всякого прибавления ложной степени, статуи Аполлуса нет ни малейшего сходства с людским обликом. Да и статуя ли она? Это глыба переливающихся цветов, метаплазменный кисель, разметавшийся в воздухе, готовый схватить, убить, уничтожить, обратить в гармонию сфер, превратить бытие в ее струны.

Трое продолжали идти. Проводник указал здание, в котором Ару и Нетудаплюеву предстояло служение Дельфам. Фиолетовый тороид наклонно выдвигался из земли, из него змеей выползала многовитковость фасада, вверх уходили, в улитку закручивались блестящие стены, не было окон, подъездов, ворот, водоскатов, швов, сочленений, разъемов. Ассоцииру... О! Лиловость не хуже абсолютной черноты, обнимавшей корпус Центра НГ.

— Городу не грозит случайная самоликвидация, — оценивающе произнес Нетудаплюев.

Наконец проводник довел прибывших до их жилищ — остекленелых клочков... Гид уверял: это дома, сообщающиеся напрямую с тороидом. Ближе располагалась площадка Ара Озова. Подойдя к ней, Ар увидел стержни, сходные с гигавольтными изоляторами.

— Принцип действия почти как у Башни грома, — пояснил проводник.

В подтверждение почва закипела, забурлила. Из пены вырвались огненные языки; и уйдя, оставили нежный, раскаленный и слегка просвечивающий агрегат из блоков, соединенных изви-

вающимися трубками. Агрегат чихал, дышал, что-то перекачивал. За минуту он катастрофически увеличился в размерах.

Послышалось шипение, и выросшее объялось тихим взрывом. Пляска прекратилась, из сиреневого чада вынырнул домик дачного вида, с мелкими деталями, характерными для дельфийской архитектуры. Хотя расстояние от огромных зданий нешуточное, диссонанс был вопиющим. Проводник недовольно хмыкнул.

Опять раздалось шипение, строение исчезло, появилась площадка, и после огненной пляски одновременно с прежним сооружением невесть откуда, но, разумеется, не из-под грунта, вытянулись большие папоротникоподобные деревья с рдяными стволами.

Теперь Озов запоздало прозрел: от горизонта до горизонта под четырьмя солнцами на пустынных пространствах между дворцами и храмами голубели оазисы, сродные сейчас возникшему.

Нетудаплюев и проводник удалились. Озов отправился в свое владение, и ему почудилось: он вторгается на территорию заповедного необитаемого острова. Топча газон, на котором, увы, ни намека на тропу, Ар подошел к дому. Всмотриваться бесполезно: дверей не существовало. Или в Дельфах ходят сквозь стены? Тщетна и попытка найти запасной вход: попробуйте, обойдите домик: он вертится ровно избушка на курьих ножках, вежливо подставляя вам свое лицо — фасад. Ар заметил: здание не только поворачивается в такт его перемещениям, но и заметно пульсирует сообразно движению его зрачков.

Всё это комичновато, но веселиться мешала лёгкая тошнота от созерцания пластичных стен.

Озов рискнул ощупать стену — не ощутил ничего твердого и непонятно для глаза оказался внутри. Он не успел выдать из себя ласковых выражений в адрес проводника, обомлев от резкой перемены обстановки; в его мозгу зазвучал серый блюз и представилась безвозвратно пропавшая "Памятка отъезжающим в Дельфы".

Ар никогда не встречал такую убогость. Он находился в дичайшей пещере, перемешанной со складом. Свисали рыжие сталактиты, из стен торчали белемниты, повсюду — камни, куски металла, кипы бланков, увядшие листья, изломанная мебель. С потолка капало. Трудно было сделать шаг, не ступив в лужу. По лужам плавали разноцветные шарики, похожие на мыльные пузыри, и предметы, смахивающие на калоши. Там и сям валялись ящики.

Озов сел на размалеванный бочонок, предварительно убедившись в его твердости и устойчивости. Совершенно сухой бочонок выглядел объектом, недавно облитым краской. Осмотревшись, Озов заметил: антураж несколько изменился. Лужи и сталактиты сгнули, а напротив него вырос модуль, напоминающий кафедру. Сверху горела надпись:

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СЕЛЕКТОР

У селектора — ни ручек, ни клавиш. Ар задал вопрос устно. Ответ пришел моментально:

— Вторично "Памятка отъезжающим в Дельфы" не выдается.

— Для чего эти декорации и где вход в тороид? — сконцентрировался на вопросе Ар.

Селектор долго молчал. Затем зажглись чуть ли не микроскопические строчки:

— Ответ будет. Ответ будет скоро. Скоро скоро скоро скоро, жди жди жди жди.....

Четкий текст становился всё более неразборчивым и ниже размывался. Почему-то многие согласные лежали на боку, а гласные были неестественно раздуты.

В полутьме пещеры появилась быстро идущая женщина в накидке-медузе. Тут же Ар почувствовал: кто-то подкрался с тыла и начал выкручивать ему руки.

Женщина подошла и чем-то чиркнула — вспыхнуло пламя, Ар словно засветился изнутри, заколебался вместе с высоко проплывающим облаком. В это мгновение он легко мог дотянуться до зенита или надира: так ничтожен стал мир.

— Отпусти его, Нестор. Наверняка умственного помешательства у него нет, — изрекла неизвестная.

Озова освободили. Он увидел: в противоположной точке земного шара играет в волнах океана синий кит и идет огромный корабль. Ар понял, кит не кто иной, как он сам. Корабль шел на Ара, и Ар не желал ему уступить.

Нестор, бородатый старик с атлетической фигурой, окончательно оставил Озова и бесшумно удалился. Озов не заметил, чтобы он открывал двери.

Незнакомка опять чиркнула и без всяких церемоний вновь просветила мозг Ара. На сей раз она продлила его восприятие до границ метагалактики. Засиял участок некоего волшебного сектора. Звездолет с экипажем неспящих возвращается неведомо откуда. Сбоку от корабля висело эксатело в форме цветка ромашки.

"Но я не на таможне! — подумал Ар. — Зачем расследование? Хотя бы представилась..."

— Я вовсе не из ментальной службы, — заговорила незнакомка. — В Дельфах есть горнее... Мое имя И-та. Я твой ангел. Тебя никто не будет посвящать, но твои занятия эквивалентны второй ступени. Пока у тебя два ангела: я и Нестор.

— Но при чём просвечивание?

— Ты находишься в привилегированном, но несвободном обществе и ведешь себя в нем неподобающе, — она мотнула головой на обстановку пещеры. — Дело не в памятке.

— Комната, — присовокупила она, перейдя с тона ангела на бесстрастную интонацию, — и не рассчитывалась на твой мозг. Его непространственные функции близки к функциям варвара. Не для специалиста по НГ! Триста лет назад людей со столь слабой непространственностью принимали за шпионов из аристотелевских цивилизаций.

— Аристотель? Размышлитель минойской эпохи? — спросил я.

— Нет! Эпохи Александра Великого. Это роковой философ: кан⁶ вреда полководцу, кан вреда науке. А вред (И-та засмеялась) — из-за переизбытка досуга... Закон передачи кана... Четные Аристотели, выросшие слишком вольными и усердными, преуспевают однобоко... Вернемся в наш редолокус. Твоих НГ-функций еле-еле хватило на селектор.

И-та достала карманный селектор и связалась со жрецами. Управители запретили перестраивать дом, но поспешили выслать прибор-медальон — усилитель импульсов мозга.

⁶ Кан — момент действия, различный в каждом из миров.

Озов надел медальон, И-та сразу исчезла, стены обратились в дрожащее желе, а воздух — в кисельную субстанцию. Озов стоял, но не чувствовал под ногами опоры, не ощущал собственного веса. Ему казалось, он изменяется, теряет тело, смешивается с воздухом...

Несколько раз прибор создавал помещения, похожие на те, которые Ар когда-то знал, и — другие более родные комнаты, что выплыли из старых сновидений. Тысячи забытых снов пробежали, растворились, напомнили о многомиллионных продолжениях за гранями граней.

Явилась устойчивость. Ар застал себя в некоем сверхселекторе — обширной круглой комнате с массой выходов. Выходы вели в необозримые коридоры со стенами, украшенными орнаментами из неевклидовых фигур. Но останавливали взгляд горельефы-мнемоны. Посмотришь — и ясно постигаешь бывшее в этой жизни, не в этой, в давно улетевшей грезе, мелодии, контуре облака. Озов увидел немеренное! Будто мелькнула тайна бытия, слегка поколдовала и исчезла, посеяв недоуменное волнение.

Пространство впереди захлопнулось. Ар попытлся и чуть не свалился на пол, наткнувшись на вакуумное унитазное приспособление. И впрямь оно, вдобавок весьма комфортабельное. Вот потаенная суть бытия!

Из коридоров Озов вышел в коридоры коридоров. Не лабиринт! Сооружение запутанное, но заблудиться невозможно: спасают мнемоны! Мозаики на дверях вызвали представления о том, что дальше. Там скрывались: Дельфы, джунгли, библиотеки, застывшие мгновения, реальные пейзажи типа амальхонтеры на планете Ауондана с восходом Сириуса.

В проемах отдельных коридоров — людные недельфийские улицы. В других проемах — моря и пустыни, звездные сонмы, ландшафты внепланетных образований, края вселенной.

В обыденных помещениях ничего экзотического. Зато необычны библиотеки. В одной из них Озов застрял основательно. Мало того, она не имела стен! Ее наполняли исключительно печатные книги! Выглядела она, как вечерний город. На ее центральной "улице" светлела статуя. То был живой Нестор. Он принял руку из-за спины, в ней автоматически перелистывалась книга. Нестор швырнул ее в воздух — она вспорхнула и полетела словно голубица. Очертив круг, понеслась к циклопическому стеллажу-зданию у линии горизонта. Прекуръезно! Иного засознание Ара не выдумало.

— Попробуй вызвать любую книгу сам, — предложил Нестор.

В голове — нуль и свобода. Идею о проверке крамольных пуанских формул Озов отогнал: "Успею". А не испытать ли Дельфы на прочность? И медальон дал команду:

— ...Компено Ас. "Малипотовы игры в лучах заходящей".

От названия этой, всюду запрещенной супербодографической гепталогии не потряслись ли капустные гряды пространстводвигателей? Почти ни надеясь, Озов оцепенел в ожидании. Скорее, желание-импульс не услышат. Мегапроизведение сверхопасно не только в нравственном и политическом отношении, но и в медицинском. Оно раз и навсегда посрамило перлы порнофилии и оделоконии, трансментализма и дрегонофрениии.

Тот, кому удавалось прочесть пару страниц гепталогии "Малипотовы игры в лучах заходя-

щей", физически не мог оторваться от чтения. После марафонского книгочейства с неизменными грезами и галлюцинациями вероятно всё: и психиатрическая лечебница, и смерть от жажды-голода, и потеря желанья жить. Это в лучшем случае. В худшем — книгочей инициировал великий массовый психоз. Бывало, эпидемия психоза охватывала континенты. Целые города погружались в каталепсию или вымирали от нервного перевозбуждения жителей.

И конечно, автор "Малипотовых игр" не человек. Гепталогию написал нимфоид-полиплоид.

Ар и не мечтал о произведении. Тем не менее высоко в небесах над гигастеллажами появился птичий клин. Не иначе, восемьдесят томов гепталогии. Клин близился. Нестор озадаченно уставился на него. Нужны ли ангелы, не умеющие читать мыслей?

— Почему ты мной недоволен? — спросил Нестор.

Ар объяснил.

— Мысли читает И-та. Меня больше заботят феномены, неправильно называемые чувствами.

Ар посмотрел на Нестора, и его ударило будто током: где, где до Дельф он видел этого старика?

— Отчего бы именно женщине ("самке" — про себя добавил Озов) не читать чувства?

— Ты не заметил медальон на шее у И-ты, неотличимый от твоего? Ты не художник, тебе важнее сродство по матрицам суждений.

Вырос стол, на него опустились все восемьдесят томов. Нестор удалился.

Озов открыл первый том. Вступление оказалось занимательным, почти ароматным; подобные тексты раньше не попадались. Он весь внутренне расслабился и настроился, предвкушая сверх-сверххособое, и через минуту узрел: автор беззастенчиво повторяется: повторялись строчки, затем — абзацы... И здесь книга перешла в абсолютную невнятицу! Что за чушь?! Озов взял наугад тридцать седьмой том. О ужас! Слова там состояли из одних согласных. В других томах — то же самое: гласные исчезли! Пригляделся: выше строк — странные точки и завитушки. Не брак. В Дельфах он невозможен!

— Как тебе понравилась гепталогия? — услышал Ар за спиной иронический голосок Иты. Ару осталось развести руками.

— Учиться расшифровке онейрописи следовало бы в свободном обществе, — закончила Ита.

И Озов вспомнил: послушником колледжа он придумывал разные уловки и уклонялся от медальных циклов, вместо эстетики избрал историю силонгики. Модерные языки для себя аннулировал, сославшись на надзаконное задание электронной рулетки. В действительности заказ был прост, но в те годы еще полагалось познавать прелести жизни, отдавать этому несчетное количество времени.

Тогда Озову и подвернулась четырнадцатилетняя милетянка — увы, лицо и имя он забыл. До сих пор нет-нет представлял ее ожерелье из синеватых полиэдров. А была ли она, было ли ожерелье? Мир подменили!

4. УЛИТКА И ДРАКОН

ИФ-2

В тороиде, где размещался ИФ-2 (Институт фатальности), в первый день Ар не встретил чудес. Даже начинка сдвигателей, как и везде, была капустоподобной. Прошрое обзирали по реликтовым полям; будущее — о!.. это не великая, но тайна.

При хождении по секторам Достижимого Ар очутился в круглом помещении. Маленький китаец с длинной бородой ползал на коленях по прозрачному полу, сделанному из огромной линзы. Над линзой нависал шнурок с помпоном. Китаец неустанно его подергивал.

Под линзой — ничего примечательного: некий иновселенский город с иновселенскими людьми. Площадь. Озверевшая толпа. В центре — возвышение. Фигура в белом положила голову на пенек, фигура в красном занесла над ней топор. Толпа ахнула — голова отлетела.

— Что это? — поинтересовался Озов.

— Четвертая из богомерзких христианских цивилизаций. Желая поскорее деградировать, в них убивают одаренных представителей рода людского.

Озов бродил в ожидании по залам. В курс вводят ангелы, но они задерживались. По зданию гуляло эхо.

В информационном зале Озов увидел много жрецов и сотрудников. Среди них стоял и Нестор. На внушительном экране мчалось бочкообразное сооружение и выбрасывало пучок черно-зеленых лучей.

— В какую вселенную направлен экран? — спросил Озов у Нестора.

— В нашу 313-ЭР. Аппарат чужой. Его прибытие — признак катаклизма. ИФ-2 искал разъяснений у высших жрецов. В ответе отказали.

— Но мы и сами можем включить пространствовилók.

— Его активировали. Внутренность аппарата изучена. В нем — шесть персон, их язык — фантастическая смесь азиатских и европейских наречий.

Созрел вопрос о занятиях Озова в ИФ. Любые уговоры не могли его заставить взять на себя приблудший аппарат, пустотопологии, нелокальные полупространства, а игры в пифий вышли из употребления. И все же...

— Не заглянуть ли в будущее, чтобы узнать будущее? — выпалил Озов.

— Мысль недурственная, — подозрительно усмехаясь, заметил Нестор.

...бланки и разрешения не понадобились.

Из восприятия Озова

Мы пошагали через внутренний парк и миновали его очень быстро, но, обернувшись, я удивился необъятному расстоянию, гораздо большему, чем от горизонта до горизонта. Бегущие дорожки и галопирующие мосты не попадались. Но дважды мне почудилось: трава и земля под ногами морщатся и складываются в гармошку. Внутри здания взошло огромное солнце, маленькое солнце спряталось за баобабом. На небе серебрилось облачко и ползло в сторону горного пика. Мы входили под арки...

Вместо Нестора возник белесый силуэт; этот контур таял, исчезал; воздух, весь мир источали шуршание, змоканье, зденьканье, броханье; я уже не улавливал своего тела; шуршание обратилось в мелькание; феномены смешались; всё сделалось одним; проступало явно чутельное, беспредметное эфирно-живое, разорванное, расчесанное, разбросанное вовне; невесомость, нахождение в полупрозрачном матовом шаре, открывающем зачатки вещей, рождающем безналичие наличности; зримое рассеклось на многомерные кубы; кубы стали полигранными сотами, а в сотах поплыли изображения, видимые одновременно; видеть их можно только не обладая глазами и мозгом; видеть их способен лишь не-человек; я и не был человеком, духом, богом, призраком, материей, идеей, жизнью; мне казалось: я само из себя по себе вне себя над ничем в чем вычего вычито вымеро-морьянно отренно отранно от о - р о д о к о н н о л о к е н н о золоскондено; нет вообще памяти, но запечатлевалось всё не врозь оттуда и пронно толтепенно энно: срез разрез ломающаяся площадь тороид ИФ-2 чертовщина люди просвеченные насквозь вон мебель через стены все этажи сразу все масштабы сразу несоизмеримость размеров с лучами и атомом водорода а атома водорода — с причиной всего; искры и шаровые молнии; шаровые молнии вытягивались в гири и расстреливали окружающее; гири сталкивались друг с другом, превращались в волчки; волчки распускались розами и исчезали, соты вспухали, становились эллипсоидами. Один из них укрупнился... В нем проросла гигантская улитка со стеклоподобной дверью в раковине, вздулась, вспыхнула алым; понеслась невнятица ощущений, которые не имеют отношения к возможности ассоциаций, иллюстрации, описания. Почернело, и в черноте я начал воспринимать обычного себя.

— Что это могло быть? — спрашивал Ар у Нестора, с трудом говоря о той или иной картине. Помнил он небольшую часть недавно виденного.

Нестор как-то неопределенно пожимал плечами, не желая разбираться с бесчисленными деталями озовского калейдоскопа, но, услышав об улитке со стеклянной дверью, выразительно ткнул пальцем ввысь.

Нестор и Озов шли по парку. Земля морщилась и сгибалась. Нестор нагнулся и быстро снял с куста похожий на ужа шнур. Воздух взвыл и застрекотал. Двое летели вверх. Вокруг сыпались синие и красные яблоки. Пахло прелью. Стрекотание прекратилось. Озов заглянул в экран-окно и осознал: они с Нестором забрались под купола.

Вход отверзся. Во всем неистовом величии перед ними предстала раковина внутренней улитки. Ее голубая дверь слегка зашторена. Справа от сооружения полулежала в прыгающем кресле И-та и выплевывала красные и синие шарики...

<...!>

Нестор сдернул со стены пакет с огнеустойчивой накидкой и ударил им И-ту по голове. И-та последний раз подпрыгнула и, выскочив из кресла, растянулась на полу. Нестор тут же наступил ногой ей на живот. Изо рта И-ты с ракетным ревом вырвался целый рой шариков и, ударившись о потолок, исчез.

— Ох! И не любят в ИФ женщин: каждая так и норовит поиграть в пифию! — шепотом сообщил Нестор. — Едва не сыграла в ящик. Но смотри, каково ее чутьё: она пришла сюда до нас. Не будь этой способности, твоя ангелица переродилась бы в монстромузу.

И-та спала и глубоко дышала. В ее невинном профиле не было и намека на пифийство или шаманство.

— Я уверен, она уже побывала в отрицательном универсуме и изрядно подпортила личный орос, — продолжил Нестор. — Но при редких вылазках туда она не скоро потеряет свое "я".

— Мы ее застигли, но это мог сделать и еще кто-то, — рассудил Озов.

— В Институте фатальности командуют низшие жрецы, фатально и то, чего они не умеют. Их индикаторы срабатывают исключительно на ретропин, которым твоя ангелица не пользуется. Сверх того, она читает мысли и намерения.

* * *

Улитку не сравнить с капустным полем! Миллион пространстводвигателей — ничто. Правда, заведение "Тир Дракона" порой соперничает с чудищем. Может ли улитка ползти медленно, если в ее завитках все миры?

Нестор начал о Тире, а я, слушая его, — формульное приложение I, эктентное приложение V, пропедевтику сплошного перехода...

Почему?! Почему я не заметил раздвоения?

Вот когда заварилось! Да нет — гораздо раньше!

Малый ПИО

Тир прилетает на Драконе. Дракон прилетает в Тир. Тир — в Орене, безвестной диаспоре, в обезлюдившем городке на Земле. Но Орена также внепланетная сфера в Скоплении Дидоны, в Шестнадцатой галактике Второго каскада Вихря Гимнософиста.

Тир — анахронизм. В нем выбрасывается или поглощается абсолютная энергия, бесконечная,

хотя всякая бесконечность только символ, обман.

Война с Драконом — самое высокооплачиваемое занятие. Вредность для хронострелков не плюс и минус пламя, но тэ-мультиполя. Чем менее удачен стрелок, чем меньше поражен Дракон, тем сильнее тэ-поля.

Впервые Дракон примчался три тысячелетия назад. Он явился в билогическом пространстве. Грозил аннигилировать Башню грома. Его перекинули в новую геомагнитную крипту, ему поменяли координаты, он теперь на две трети — в удаленной изоточине, в закрытом секторе вселенной, но еще приносится.

Сверженные хтононы обернулись ужасом. Прошлое — внутри настоящего. Не найти покоя от выросших монстров Эры титанов. Грехи человечества проплыли по Большому меридиану истории, совершили круговселенское путешествие и вернулись. Свободным был Золотой век. Эра опеки — первый этап войны...

Не так страшна статуя Аполлуса, но искусство требует жертв. Мудрость в разделении: разделяй и имей. Иначе смерть музам и грациям, иначе сады фортуны сменяются подземельями, орлы — змеями, мир превращается в шаманскую сказку.

Хвосты прошлых времен пытаются разорвать проэгидное. Оглашается рёвом Тир Дракона. Бойцы в скафандрах стреляют по дракону. Не спасают оболочки от тэ-мультиполей. Дважды Дракон разрывал сам Тир. В тот момент палили хроногаубицы на холмах, уничтожали всё вместе с призраком.

Тир не терпит модернизаций: оборудование на нем изношенное и списанное. Его стрелки — комиссованные военные, но Тир — мечта вояк. Попадание или смерть. Попадание или желтый

дом. Воспарение души вон от тэ-мультиполей — или волны розового океана, райские кущи, стоюкие и сторукие гурии от тех же мультиполей.

Крушит стрелок и его дублеры, но Тир опасен. Ждут, когда Земля перейдет в раскаленную плазму или охладится до абсолютного нуля, упорхнет в иную галактику, к внепланетной сфере и обратит в ничто Скопление Дидоны, но Земля... Земля — крошка, пылинка, прилипшая к чешуе Дракона-прародителя, артефакт, то, чего не должно быть, эманированная похоть Алгоса.

Негодования, протесты; требования скрыть, убрать, заморозить; проекты демонтажа, дренажа, выстреливания, отпочкования — нелепы, безосновны, наивны. Тир Дракона сейчас и потом — причина появления жизни на Земле в прошлом.

Жрецы отрицательно относятся к биологической жизни, но... блюдут обет невмешательства. Они смирились, проглотили эту пилюлю и ждут, ожидают эффекта... Но всё уже предсказано, растолковано, истолковано, выбито на скрижалях Храма вечности.

Тир Дракона проникает в другие вселенные, в нем стреляют по другим вселенным, выискивают двойников, меняются энергией. И яснопонятно: бесконечные силы не пребывают в конечном объеме, и в целом космосе они не могут обретаться, но зримое — обман вложения, обман происхождения, иллюзия существования, кажимость замыкания, умножение умножений, то, чего нет, и благословение на прозябание. Все перемешано. Достаточно частицы бытия, чтобы казаться гигамиром и отражаться в кривых зеркалах безначального.

Не смолкал слух о срединном жреце — неофициальном управителе Тира, о пресечении им катастроф. Знают о смежных временах и про-

странствах, но мало кто подозревает о перпендикулярно-внутренних, гипермерно-эллиптических.

Унделю назад Дракон одолел стрелков. Огненный джинн выплеснулся наружу через микронную щель, перешел в пламенный вихрь. Не сработали балансогаубицы и зенитки на ожерельях холмов. А над садовой сторожкой, в миле от Тира, родился белесый шар, поднялся ввысь, расплылся. Белесый джинн оплел раскаленного. Никаких бурь, взрывов, раскалываний горизонтов. Ни одного звука, если не считать слабого щелчка — и на небе ни дымка.

Но срединного жреца не нашла в сторожке комендатура.

Улитка

Ангелы включили туман. Туман густел, превращался в брызги пены. Невидимей становилось окружение, ярче сияла Улитка. За ее дверью — бегущие тени и блики, что-то покачивалось, отбрасывало неровный контур затемненности. Пена вздыбилась взвешенным градом — миллиардами колеблющихся и шелестящих горошинок, полностью лишенных вещественности и твердости. На такие прозрачные горошинки распалась и дверь.

Войдя, мы очутились на обширнейшем плато. Оно не внушало ощущения пустынности из-за причудливых низких облаков салатного цвета. Облака отошли от зенита, выглянуло светло-рубиновое фонарь-солнце, солнце-спрут; растаяли старые тени, появились новые; в воздухе закачались ромбы-скаты, ромбы-коврики. Некоторые были похожи на паруса, с других свисали тяжелые крюки, снасти, ступени, лестницы, кабины.

Число кабин увеличивалось. Они смотрелись почти одинаковыми, но отличались небольшой разностью в оттенках желтого. Двигаясь под салатными облаками, они производили впечатление экзотического танцевального представления, пёстро-го действия или мистерии.

Кабины исчезли, появились голые снасти. Одни из них обгоревшим видом, лопнувшими тросами говорили о катастрофах; на прочих раскачивались кабины-фантомы, полупрозрачные кабины, порой — неведомым образом только их фрагменты, силуэты, проекции, тающие огоньки, осколки блестящих стекол. Близко пронеслось ужасающее — гигантская ржавая бабочка с ободранными крыльями. Но вот инвалиды улетели, и пространство заполнил стремительный танец бесчисленных желтых кабин.

Я обернулся: дверь, через которую мы вошли, была гораздо выше человеческого роста и выросла прямо из воздуха; но мы недавно еле-еле протиснулись в нее!

Ангелы спешно опрыскали ее черной эмульсией. Из ничего возникла физически немыслимая субстанция, сцементировалась слоем инертана. ИФ и Дельфы теперь под защитой. По понятиям науки, всякий предмет, потерявший квантовую структуру, должен или аннигилировать или стартовать за пределы Гелиона. С инертаном это не происходило.

Недалеко от нас болталась на крюке совершенно лиловая, освобожденная от спектакля кабина. Мы сели в нее. Нестор сорвал предохранитель, и мы помчались по свежесозданному миру.

После минуты путешествия впереди и позади нас поплыли идентичные кабины, в них сидели люди... люди — мы сами; нас много, даже мель-

кающие тени за дверью до нашего появления в Улитке — тоже мы сами; размылись переходы между временами и безвременьем, не понадобились взрывы Тира Дракона, объяла мультипликация возможностей, дециллиона дециллионов существований — псевдověремя и псевдопроницаемость; псевдоналичное — налично, движенья нет и всё — вседвиженье; числовая ось — восьмерка, где нуль — бесконечность, раскаленная магма, подземные воды, лже-макуум-вакуум, отрицание космоса, игра ничтожного ничто-то. Всё оказалось рядом, стало вместе и отдельно; лишь абсолюту подсилено зрение такое, и даже нет: и у него нет средств для злостных расщеплений вне себя; но мы не убили суть первопричин, не вынули корней, их нет нигде; иное — миф; мы наблюдатели мы бесконечны мы — повсюду мы видим всё и странна памяти манера я прожил то и это я вижу жизнь свою чужую я — нечеловек протуберанец из огромности великой что ярче звезд и миража обманов я обитал в нечеловеческом и неземном роду и соплеменники мои как бирюзовые дымы вне кажимой вселенной превыше леса тропиков и рая и светил то действие вне всего и сну не передать в узорах сновидений да правда правда мнил я но до меня дошло что в памяти появилось то чего я не переживал чего не случилось ни в снах ни наяву ни в спонтанных виражах вневременных аппаратов — аппаратов парящих над временем подобном желтеющей лиловости... в память влились воспоминания — реальные ложные воспоминания о фактах которых не замечали, неупраздняемом в той эпохе когда на диске заменяющем планету обреталась колония застывших разумных кошек размером с горный массив внутри кошек располагались миллиарды микроскопических городов миллионы государств а по необъятным туннелям-ахеронтам проплывали циклопические элементарные

частицы — мертвые отходы цивилизаций и зачатки новых миров.

Кабина перескочила из непрерывно порождающейся крутизны на обычную трассу. Уже не всего достигал вектор внимания, но остановку кабины хотелось сравнить с пробуждением.

Последовали комментарии И-ты:

— Ты понял? Не было чего-то общего с земной цивилизацией в этом и других мирах. Открылись иные разрезы бытия. Сам виноват: зря предпочел Улитку. Сейчас низших жрецов интересуется исключительно провокация с роботами.

Сохранилось в голове кое-что из старых объяснений ангелов: ...нормальный грех — расчленение целого. Его стирает второе разделение Аполлуса, устраняет негатив, идет возврат к первоначалу. Иное с роботами: юпитерианский эликсир не имеет сходства с веществом, это квинтэссенция времен. Сотворение роботов — коварство, карикатура на аполлунство.

В виражах мы не унеслись к эликсирным вершинам.

Шифр

В несвободных Дельфах Озов чувствовал себя гораздо вольнее, чем в свободном обществе. Перебился и без обетов. Но независимость царила только вне жилища: хижина, как живая, или пресекала его намерения, или пичкала неожиданностями.

Внешние стороны Дельф оказались доступны. Внутренне наполнение всего ускользало. Беседы, диспуты в присутствии арбитров, салоны, вернисажи, декоративные рощицы, каланы, ма-

каны, бегуресконы подразумевали несколько слов-планов. Одни поверхностные планы не удовлетворяли.

Иногда он думал: пред ним не дельфийцы, а роботы, потерявшие ангелоподобный вид. Общее впечатление от дельфийских искусств, зрелищ, аподендрий, фальшонков, дыротоний, вогорендий и ностурнелий было ужасающее.

На очередной выставке Озов продегустировал с полдюжины дельфийских словесных изысков. Каждый раз он стремился брать тот, где гласные буквы еще существовали. Попадались вещицы вроде:

оборболедонлобдон соробнедедон-
эззонннн плэрехрронноонынн гол-
хоннн сурбартабаннн вкасссс

или

амирмáла сомём ушушá нулилú
генинá ионé метисá сононéй...

Подлежащее не отличалось от сказуемого, прилагательные превращались в многосложные предлоги. Невозможно, но это так! Предлоги и союзы как бы соответствовали тем сверхпространственным изворотам, в которых побывали стихомеры. Числовой ряд — теперь не восьмерка, он георгин! А по законам георгина, всё смежно и криволинейно.

Встречались и пииты-марамаги. Их заклинания:

омана маром маны мари менот макоморм...

или

хохихихо бибонхо бибихибихохи оханско...

не действовали.

Перспектив утверждал: это проглядная надежда, читаемая глазами, читаемая не сплошь, но успешно точно схватываемо. Шли глубокомысленные пропересуждения о стробобундре.

Если о содержании, то немало говорилось и по разным поводам о сияющих зеленым огнем конопеченках на дветретискатертях упарпонного хаоса, произносились проклятия в иксовый адрес некой игрековой плеблонской отринутости, плутования о "кромешедших молниях цветных запахов".

Не лучше были кабины живописи, салоны кружков и сингулографии. На одной из картин Ар увидел вариацию шабаша полудохотворенных предметов, похожих на изломанные табуреты, под сенью антимерных и сменногранных пчелиных сот.

Около объемной картины, вправленной в иридиевые рамы, он заметил даму — то ли гетеру, то ли монстромузу, которая лила крокодиловы слезы. Неясно! Впечатление на нее произвели всего-навсего какофонии орнаментов. Дама ушла. Пару минут рассматривал картину и Озов. Да! Влияние абстрактного сюжета было физиологическим: от острой щекотливости перспективы нестерпимо хотелось чихать.

Дельфийские индуктофильмы то квазисентиментальные, то торно-высокопарные, то кокибуффные. Разнообразие и пестрота словно в городе Лоске. Но, увы! Не свобода! Дельфийская цензура жесточайша. Штат эстетцензоров необъятен. Проку, что основных авторов не прячут! Фактический продукт — косвенное творчество пяти тысяч человек!

А это? Озов — на концерте музыки, дикой и вычурной. Она ему будто подходит, кажется близкой родным стихиям. Он представляет про-

туберанцы на незвезде-непланете, световые столпы небииологических существ... Другую вселенную, его. Вселенная посюсторонняя — чужая.

Пронизывает море-музыка, музыка-океан, лишенная ритмов нелепых, брэнчаний, ударов, музыка-в-себе.

На афише, помимо названия "Эо" и имени композитора, сверкало обозначение:

АББ — 304 — К.

Запоздалое открытие: у каждого дельфийского искусства есть типы. Подобно дренам (психотипам) людей. Универсальные художества не для многих, для тех, кто превзошел собственное восприятие. Экспертиза дрена делалась до Дельф. Её шифр проставлялся в памятке.

Новое уточнение шифра не только неприлично — оно опрометчиво. Возможна высылка неизвестно куда. Это Озов чувствовал интуитивно. Ангелы подтвердили такое мнение. Но постоянно пребывать не в своей тарелке — еще хуже высылки! А самодеятельный подбор шифра грозит ошибкой.

И-та посмотрела на ладонь Ара:

— Первые символы твоего шифра — А Б Б, но далее по линиям ладони и тембру голоса ничего не определить!

Не назвав какого-то выдуманного шифра, И-та повернулась к информационной машине и затараторила:

— Шифр подопечного (имярек) зарегистрирован неправильно! Прошу расследования...

Машина информации расцветилась радугой возмущения:

— Ошибки информационной службы в Дельфах нереальны! Ментальный шифр имярека: "А Б Б — 000 — К" абсолютно верен!

Цвета возмущения забликовали оттенками угрозы. И-та мгновенно отключила машину и ударила ее тяжелым оптическим журналом.

При запуске кэш доносчика сотрется. Схема займется восстановлением себя, а не фискальными функциями.

Озов был восхищен хитростью ангелицы. Да и знание шифра не могло его не вдохновить. Но что это? В окно из тонкого металлизированного листика глянула рожа чудовища. Пластинка прогнулась и треснула, по ее поверхности побежали потоки.

Летающий парусный моллюск! Он добрался и до Дельф-313!

Увидев чудище из позднего палеозоя, И-та зашлась от приступа хохота. Понадобилось ее держать, иначе она упала бы навзничь и разбила голову.

По книге Балабонкуса "Бытовой психосинтез и миф истории" появление моллюска отнюдь не случайность... Но и солнце на небе — не галлюцинация ли для мысли робота?

Необычно облегчилась свободная жизнь в несвободных Дельфах. Никакие лишние культурные отложения (именно отложения!) Озова не касались. Он попадал туда, куда хотел; видел, осязал, обонял, слушал, апозидал, исотернал, лодоцептал то, что ему подходило. Можно пощекотать нервы и чем-то совершенно чуждым. Отныне оно имело привкус пряности.

Из восприятия Озова

За день до хождения по каланам и маканам я забрел в библиотеку. Заметил ошеломляющее! Скорость чтения стала огромней. Мало того — я читал литературу без гласных! Дело в токсине моллюска или обретении шифра? Вот он, миф истории и психосинтез! Причина веселья И-ты не обалдевший моллюск-гермафродит, затеявший спаривание со стеклом. А секрет подвижек? Он мог таиться в другом: в выражах, в выкруках желтых танцующих кабин, меняющих "я", меняющих вселенные, устраивающих произвол миражей.

Бесполезно что-то у кого-то спрашивать. Ангелы объяснят все экономией мышления, эффектом просветления из-за того же шифра.

Теперь я не казался себе дебильным на диспутах универсалистов. И дебаты роботов были бы небезынтересны. Дельфийские универсалисты выглядели уже элементарными болтунами, догадки, которые возникали в противовес их речам, начали гармонировать с замечаниями жрецов-арбитров. Но три нуля в шифре вызывают ассоциации иного рода! Даже здесь ноль равен бесконечности?

Вместе со мной с диспута вышел некий человек с котиными усами.

— Не правда ли, эти искусства и размышления не для нас?! — спросил он.

— Может быть, — неопределенно ответил я.

— Натурально, не для нас! — отрезал усатый. — Те дельфийцы, каких мы сейчас видели, не обращают внимания на эмоции. Для них главное — тончайшие нюансы ощущений. Таких ню-

ансов нет. Они пошлая фантазия абулеманов. Важнейшее — ряды эмотенций. Мы сперва во времени и где-то после — в пространстве.

Котиноусый представился:

— Иуда Прокариот, жрец второй ступени.

Открылось: он житель отдаленной зоны Дельф и старый знакомый И-ты.

Речи Прокариота пробудили во мне новые сомнения. Я подумал о хранителях. И впрямь, что это за ангелы, если они вовсе не ангелы?

П ч е л ы (локкаж)

*Там, где Айнейя в Апейрон
впадает, эйхимбурконы тьмы
морозят дух в колодцах.*

Какова цель Дельф? Вот в чём вопрос! Кружения внутри Улитки — для любознательности младших жрецов, но высшим фактов не надо, им все заранее известно. Их улыбки лукавы. Обман и есть правда, и лучше, чем правда. Конкретный обман правдивее истины, он наличен, а истина исключительно предполагается.

Я зашел в тупик и сразу понял: увеличение скорости мышления не благо. Когда паук прядет быстро? Когда он умеет прядь или когда у него в запасе из чего прядь? Но прядь было не из чего.

Как-то подействовал на меня Иуда. Многое сделал прозрачнее. Я давно присматривался к предлагатаям, но безотчетно. Видел и забывал пойманное в лицах. Не забывал, но не считался с ним. Что едят ангелы?

Слишком мудрый лист засыхает, а сильно помудревший летит вниз. Это картина. Очень яркая картина. Откуда она? Точно слышу чьи-то слова: "Помудревший лист летит вниз..." У листопадных деревьев редко бывают позапрошлогодние листья. Моя замета или опять чей-то голос? Еще не надоели перестановки памяти и вкрапления реальности, называемой снами?

Есть странности в мимике ангелов, в их реакции на мои реакции... И к тому же дельфийцы захлестнуты деятельностью, которая никому не нужна. В таком случае, Дельфы — город-государство, населенный подопытными кроликами, кроликами, жующими и играющими на барабанах из собственной кожи. Ангелы — наблюдатели! Кролики — наблюдатели! А прочие — свеженькая травка для них... Путаница — труженица?!

Но в Дельфах хотя бы молчат! На Большой земле довольны сказками: живое произошло от неживого, один вид — от другого, везде прогресс, везде эволюция. А вопрос "Зачем всё?" нелеп, поскольку-де в природе — естественный процесс, всё-де идет само по себе.

Ангелы — роботы? Создания-конденсаторы? Паразиты, которые пьют росу мыслей и чувств? Люди умирают. Приходят. Уходят. Вода в океане испаряется, прибывает с реками и дождем. Волны остаются. Люди умирают, приходят. Уходят. Боль и радость остается. Не чувства — для существ, но существа — для чувств; прозябайте существа — производители вам ненужных ощущений, вам ненужных иллюзий, плетите паутину, цветите. Где ваши лепестки? Тычинки и пестики? Где нектар и амброзия, пыльца, сок, свет и цвет, биение? Загудят пчелы и заберут вашу кажимость. Развалится мир никого и ничего. Вам дают его обман, дабы снять с вас сливки отношений.

Торопишься, рвешься, *Apis mellifera*? О ранней весне поразведать? Из царства воскового тридесятого? О вертоград моей сестры, вертоград уединенный... кому нард, алой и киннамон? Вечер, взморье, вздохи ветра?

Радуйся — Сладим-река, Сладим-река течет, радуйся в Сладим-реке в Сладим-реке есть мед радуйся в Сладим-реке вещанье для души радуйся к Сладим-реке к Сладим-реке спеша из потока из волны из прибрежных вязких трав из мятущейся луны из осоки и купав вечерним вьюнком я в плен захвачен недвижно стою в забытьи я возник — я гляжу — я возник... душа — Элизиум теней что общего меж жизнью и тобою? рухнул купол Содома я вернулся к себе как статуи чей голос чужим не слышен сан крапивы лепестки мальвы сад темно-зеленый незримые точки звезд час тоски невыразимой о чем он этот гул непостижимый? дай вкусить уничтоженья сны и тени сновидения в сумрак трепетно манящие все ступени усыпления легким роем преходящие там близкое сердцу над оливами близ шумного каскада где роза южная гордится красотой ночные тени тени без конца к свету отдаленному станем мы прозрачными и покинем там у входа покрывала наши мрачные еще темнее мрак жизни всемирной как после ясной осенней зарницы снился сон что сплю я непробудно что умер и в грезы погружен вдруг колокол и все прояснено счастье в этих звуках вот оно на дальнее кладбище меня под них качая понесли на волне ликующего звука умчатся вдаль во мраке потонуть как волна обнажает утес странно видеть лицо людское я вижу взоры существ иных есть иные планеты где ветры певучие тише где небо бледнее травы тоньше и выше где прерывисто льются переменные светы но своей переменностью только ласкают смеются я легкий призрак меж двух миров там мы были ко-

гда-то там мы будем потом... дрожали ступени и дрожали ступени под ногой у меня в золотистом тумане утонули во мгле близ озера Обер в зачарованной области Вир в аллее Титанов в эти дни трепетанья вулканов образом нетленной красоты нежней чем фея ласкает фею миг невозможного счастья миг от черно-белого мельканья клавиш какие радуги луна ты плавишь... А веревку все грызет черная и белая мышь по-над пропастью по-над лесом темный лес утком тканья закатных веретен лазурных сил горючие цветы... белый саван брошен над болотами мертвый месяц поднят над дубравами ты пойдя заклятыми воротами ты приходи ко мне с шальной пошавою тропа неизбежная на крутом берегу волшебница нежная в вечер грозовой вышла женщина с кошачьей головой улыбается сладкая во мгле полночных волхвований яд несбыточных желаний в темном мире неживого бытия из тонкого фиала мечты порочные бесстыжие пахучие цвели на мягких крыльях сон летал тревожен и пуглив... я — царевич с игрушкой в руках я — король зачарованных стран жизнь живая Солнце мира — только я печальный ропот темный шепот не надо жить спокойно маленькое озеро как чашка полная водой бамбук совсем похож на хижину дерева словно море крыш оранжево-красное небо порывистый ветер качает кровавую гроздь рябины... ты не сможешь двинуться и крикнуть блудница перекусит горло безмолвно поднимаясь в тишину неисчислимые тысячелетья...

Она быстро бежит, описывая круги, меняя направление. Окружающие вовлекаются в танец, семенят за ней. Это побуждает их к полету. На прямолинейном участке пробега танцовщица делает виляющее движение брюшком... что это так красен рот у жабы? не жевала ль эта жаба бетель? вырвет внутренности из брюха шестипалая че-

ловеческая — рука... а в полутемной детской тихо жутко из-за шкафа платяного медленно выходит злая крыса, смотрит, есть ли девочка в кровати девочка с огромными глазами? Виляющий танец говорит о направлении к источнику взятка... кричат где сломан вяз где листьями оделась сикомора на расстояние указывает темп танца и наши тени мчатся сзади поспеть за нами не умея... рогорогое тменье теней полнится мутиями все бытие полнится жутиями сердце мое мы с тобой над волной голубой над волной берегов перебой и червонное солнца кольцо... чем дальше источник взятка, тем больше энергии затрачено на полет к нему и тем медленнее темп танца... летучим фосфором валы нам освещают окна дома я вижу молнии из мглы я — морок мраморного грома и возникают беги дней существования перемены как брызги бешеных огней в водоворотах белой пены и знаю я во мгле лесов — ты злая лающая парка в лесу пугающая сов меня лобзающая жарко ...угол между направлением пробега и вертикалью равен углу между направлением на солнце и на источник взятка... как отблеском порфиородной порфиоропламенной зари плывет многобашенный город туманно-далекий где тусклые сумерки жутей прорезывали рогороги... нет ничего и ничего не будет и ты умрешь и рухнет мир и бог его забудет чего ж ты ждешь? боялся я что тайну вдруг открою за гранью бытия в струях Леты смытую в бледных Леты струях милая где ты милая? и вот в колодезь ужаса я глянул и утонул мрак оттуда прынул свечу задул протяжны рыданья в глухой пещере над сверкнувшим крестом дружный визг белорудых счастливых касаток... ключ и капелла мадонны зеркало черного глухого агата мусикийский шорох лотос разросся вокруг всюду лотос на нашем пути мыслей без речи и чувств без названия нежно-тоскливые сны невидимый рой бледнокрылых безмолвных духов только отблеск

только тени от незримого очами... черная вода пенноморозная меж льдяных берегов в сияющий Эдем отворенная дверь вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.

Клоп велиа курренс ориентируется на юг, по солнцу. Он учитывает передвижение солнца и когда ориентируется по искусственному источнику света; угол между осью его тела и направлением стимула меняется в течение дня. Насекомое направляется влево от источника света утром, прямо на него в середине дня и вправо во второй половине дня. На вертикальной поверхности клоп ползет вверх и вправо утром, вверх и влево во второй половине дня.

Приди ко мне о ночь и мысли потуши парки дряхлые прядите я верю только в голубую недосыгаемую твердь дальнего грома все ближе все ближе раскаты грех везде со мною как тихий ангел к востоку всё к востоку летит моя душа к востоку все к востоку стремление земли... Зоб рабочих пчел превращает цветочный нектар в мед, которым они наполняют ячейки. Пыльца пристает к волоскам. Затем пыльца собирается ножками с различных частей тела. Будто все напрасно что мы просим страстно что мелькая ясно манит нас во сне тщетно пышного рассвета сердце трепетное ждет пропадет денница эта это солнце не взойдет молюсь и каюсь я и плачу снова и отрекаюсь я от дела злого у поэта два царства одно из лучей а другое безмесячной ночи темней вечность бесстрастно играет минутными снами мы только атомы жизни случайные мира печального гости минутные на том берегу наше счастье взойдет устав по лазури чертить огневую дугу... со щеточки пыльца поступает при потирании ножек в корзиночку на голени задних лапок... мы — саламандры блеск огня белая роза дышала на

тонком стебле девушка вензель чертила на зимнем окне я не в силах восторга мечты превозмочь предчувствие разоблачает тайны объемлет вас непереказный трепет... волна на миг отбежала среди маленьких раковин розовеют лепестки опавшие хаги...

Дельфийский Храм вечности украшен изображениями кривогранных и многомерных пчелиных сот. Кто поверит, что эта роспись символизирует накопление знаний! Дельфам, как и Протоцивилизации, знания не нужны.

Звезды закрыли ресницы ночь завернулась в туман тянутся чрез вереницы в сердце любовь и обман тени забытой упрёки ласки недавней обман фиолетовые руки на эмалевой стене полусонно чертят звуки в звонко-звучной тишине в жемчугах дрожат березки черно-голые вечера эта область чьей-то грезы это призраки и сны гаснут розовые краски в бледном облике луны и на празднествах все сказки ликом смерти смущены... в сердце надежды нездешние кто-то навстречу бегу сумерки сумерки вешние клики на том берегу... мне открылось что времени нет что недвижны узоры планет... я закрою голову белым закричу и кинусь в поток и всплывет качаясь над телом благовонный речной цветок... стала душа угнетенная тканью морозной зимы запевающий сон зацветающий цвет исчезающий день погасающий свет зарево белое желтое красное крики и звон вдалеке заревом ярким и поздними криками ты не нарушишь мечты смотритесь призрак с очами великими из-за людской суеты... странных и новых ищущих на страницах старых испытанных книг грежу о белых исчезнувших птицах чую оторванный миг над миром полыхает огнем закат алеют лотосы кренюсь друг к дру-

гу как пьяные водою их качает... если б с ветром вспорхнуть на тысячи ли отделиться я мог от земли если б мог я срубить на луне гуйхуа с беззаботно звучащей листвой... вечеряющий сумрак поверь мне напомнил неясный ответ жду внезапно отворится дверь набежит исчезающий свет заповеданных лилий прохожу я леса полны ангельских крылий надо мной небеса непостижного света задрожали струи... Из пылицы возникает так называемая обножка. Прилетев в улей пчела счищает обножку при помощи шпор на второй паре ножек подошла и накрыла псалтырь на страницах осталась душа вот предчувствие белой зимы тишина колокольных высот и стало ясно кто молчит и на пустом седле смеется глухая ночь кругом тоскует непогода туман сгущается погасли фонари глухая ночь кругом глухая без исхода без яркой полосы спасительной зари.

На брюшке у пчелы есть воскоотделительные железы. Образуемые ими маленькие пластинки воска снимаются особыми щипчиками и используются для построения сот... серая нудная мгла снова как прежде кругом снова как прежде вползла в старый заброшенный дом... снова и снова рушится небо... венчаный божий серп властительный Аттила пою тебя всей страстью слабых уст... я не ведаю сна я не знаю утех... видит в бурю мой призрачный взгляд словно звон похорон мой протяжный призыв прозвучит над холмами зыбей и домчит к берегам равнодушный прилив только щепы изломанных рей куда иду я? о если знать бы я только путник лишенный сил в краю где ведьмы справляют свадьбы и бродят в поле среди могил когда спасенья нет лишь он не отступает лишь он целитель мук священный Алкоголь я мчался по волнам морским громады вставали кругом я видел скелеты людей и храмы умерших богов ты в зареве веков как сфинкс на

черных плитах владыка гордых снов священный
Алкоголь...

С наступлением тепла в улье начинается интенсивная деятельность пчел. Они строят ячейки сот. Наполненные медом ячейки запечатываются воском... в юности я вожделем вина и женщин к зрелым годам не пьянит ни вино ни ласка в сон как в мечеть у порога оставив туфли каждую ночь забыв про себя вступаю в башне спящей в башне желтой громкий колокола звон последний луч на минарете крылом тяжелым стерла ночь; клубясь ползет червивый и дымный ворох туч мертво рудеют ивы в этот час люди ближе к смерти только странно живы цветы в это мертвое мгновенье эта пасмурная нота жутко будит в нас сомнение и предчувствие чего-то... Некоторые омматидии глаза пчелы отличают поляризованный свет от неполяризованного такой же яркости... кто к окну приникающий созерцанья нестроного не выдерживал взглядом и смеялся навзрыд чей скелет сотрясается в башне мертвого озера и под замком запущенным кто прекрасный зарыт? Я властно маню в глубину где каждый воздушно удвоен где все причащаются сну где даже уродливый строен как по реченьке выходил крут берег как по бережку растет част ракитов куст как на кустике сидит млад ясен сокол во когтях-то он держит черна ворона... А чтобы она не запела о прежнем он белую птицу мою убил промолвил войдя на закате в светлицу черных ангелов крылья остры скоро будет последний суд и малиновые костры словно розы в снегу цветут.

Если ангелы — пчелы-медоносы, то что они собирают? Ясно одно: контакт с подопечным для них — обеденный стол.

Я по первому снегу бреду в сердце ландыши вспыхнувших сил может вместо зимы на полях

это лебеди сели на луг кто-то сгиб кто-то канул
во тьму уж кому-то не деть на холму листья па-
дают листья падают стонет ветер протяжен и глух
здравствуй ты моя черная гибель я навстречу те-
бе выхожу песню отмщенья пропоют мне на том
берегу когда ночью светит месяц когда светит
черт знает как сердце остыло выцвели очи синее
счастье лунные ночи и кого-нибудь зарежу под
осенний свист облака лают ревет златозубая высь
пою и взываю господи отелись! новый Содом сжи-
гает Егудиил новый из красных врат выходит
Лот.

Наступает третий период — брачный полет,
"проигра" молодой самки и трутней, в результате
которого матка оплодотворяется. Себе кажусь вла-
дычицей Египта когда сжимаешь ты меня в объ-
ятых Мое унес ты сердце в Гелиополь и я ушла
к деревьям роши Всевышнему Владыке посвя-
щенной в Мемфис хочу попасть и богу Пта взмо-
литься блистая красотой ликует золотая и на
земле светло вдали Мемфис как чаша с поме-
ранцами поставлен рукою Бога.

Амнионы клопов — крепкие яды, прони-
кающие в ткани через хитиновые покровы и стен-
ки трахей. Они вызывают паралич, а в заметных
дозах — смерть жертвы. Амнион клопа Скапто-
корис дивергенс содержит пропаналь, бутаналь,
метилфуран, хиноны. Твои губы влажны власти-
тель силы несравненны дела твои многомогущий
раздави скорее осла который ревет нам на поги-
бель... а журавлиха завидев черную тучу рас-
правляет ослепительно белые крылья — мира
нет для твердого духом бхикшу. Вокруг личинок
собачей аскариды Токсокара канис, более приспособ-
ленных к тканевому паразитизму, также идет
воспаление, но образующиеся капсулы подобны
капсулам близ инородных тел. И лишь во сне над

этой жизнью рея себя тая цветка касалась бабочка-психея — душа моя хорошо на зеленой луне там душа моя бродит во сне осторожно по трещинам дна как слепая ступает она а за нею зубчатая тень со ступеньки скользит на ступень. От оторванного жала рабочей пчелы исходит запах бананового масла. Дней бык пег медленна лет арба наш бог — бег сердце — наш барабан людям страшно — у меня изо рта шевелит ногами непрожеванный крик на бабочку поэтинога сердца над лбом расцветивши крыло попугая. Когда *Apis mellifera* жалит врага, вместе с ядом она выделяет торибон, запах которого вызывает ярость остальных пчел. О Боже Боже ты ль качаешь землю в снах созвездий светит пыль на наших волосах шумит небесный кедр через туман и ров где на тугих ветвях кусал их лунный рот. С наступлением тепла матка начинает класть по 1000 яиц в сутки. Свет от розовой иконы на золотых моих ресницах пусть не я тот нежный отрок в голубином крыльев плеске сон мой радостен и кроток о нездешнем перелеске. Торибон секретуруется двумя группами одноклеточных желез, протоки которых открываются на наружной поверхности квадратных пластинок, представляющих собой трансформированные боковые части девятого тергита брюшка. А для того чтобы выделить эпигон самки таракана Перипланета американа, около 10 тыс. самок этого вида заперли на 9 месяцев в специальный сосуд. Вы сюда к пещере критяне мчитесь к яблоневоу роще к священным нимфам где над алтарями клубится облак смол благовонных! Там на луговине цветущей стадо веет ароматами трав весенних сладостным дыханьем аниса льется вздох медуницы.

Принять решение после появления необычных уразумений не удалось — нагрянула И-та с ее способностью проникать в чужую голову:

— [*Ну и ничего, мол, особенного.*] Нет обмена между кастами жрецов, нет обмена знаниями между прошлым, будущим и настоящим. Преемственность случайна и формальна, а главное всегда стирается. Касты жрецов соответствуют разным временам, Вечная цивилизация — вневременности.

Снаружи в стену шлепнуло. Порыв ветра распахнул двери. Не очередное ли нападение летающих моллюсков?

И-та бесстрастно продолжала:

— В беракотовых скважинах Магальской, Антильской и Александрийской библиотек — много доантичных свитков, но среди авторов не найти высочайших... Тексты — кабала. Они мертвы, а потому мертвы и мысли. Ведь и они означающее... [*Не ангелица — синтезатор звука, — подумал Озов.*] Цель не знание, а восприятие Алгоса. Знаки его не передают. Дельфы впитывают расчлененность Ороса-Алгоса, достигают нового единства.

— Юпитер, ты не сердит, а подозрительно серьезен. Дельфы — противовес Космоса?!

И-та что-то прочувствовала, нечто угадала, а не поймала. Вот она надела другую маску: из-под важности выглянуло лукавство, глаза задвигались в стороны.

Но подоспел Нестор. Хранитель! Спаситель!

— Где находится Вечная цивилизация — над Дельфами или под? — спросил его Озов.

И-та будто замурлыко-промурлыкала, приятно поменяла настрой. С древа снимают таких ангелов? Положим, читает в лицах. Посмотрим, как поведет себя второй "учитель".

— Под? Над? Кто спрашивает?! Непространственник?

— И Противоцивилизация... вечна?

— Не обязательно вечны ее персоны. Это музей всего, что давно не существует...

— Или не существовало вообще, — вставил Ар.

— Мир неполноценен, — чуть не перешел на фальшивый шепот Нестор, — напичкан цивилизациями-недоносками. Вечная цивилизация (или Противоцивилизация, сокращенно ПЦ) помогает остальным самоисчерпаться до конца — до уничтожения — и тем самым выявиться. Ждать следующих циклов — роскошь.

— (Чем-то Нестор похож на жука...) Если Дельфы — рука Вечной цивилизации, то Орден неспящих — крыло?

— По факту не одна вечная... Они почти не враждуют, у них разные цели. Настоящая война — между субвечными. Она идет непрерывно, обросла сказками и легендами. Субвечным удастся перескочить только через 3—4 цикла или 7—8 перпендикулов.

А не приснились ли ангелы? Почему у них вид тающих статуй? И-та растворилась в воздухе. Утомил ее Нестор, да и меня. Где прежде обретался старик? Не стану спрашивать это расплывающееся желе, уже зеваю... Где сон-спаситель? Где ширазские туфли? Для чего подводные лодки? А здесь? Где я?

...у некоторых пухоедов, тлей и вшей обособленные зачатки головных долей не образуются... оттого они и есть Вечная цивилизация? Кто силен своим клеточным или химическим сознанием? Протоплазматическим? Вакуумным? В сериях уран-свинец и торий-свинец немало стадий от материнских до дочерних элементов... Древний гранит ворчал в подземной камерке: "Эту мокрую дрянь, там наверху, я больше не стану терпеть".

Города Евфрата улицы Пальмиры леса колонн среди пустынь великих что стало с вами когда переступили вы положенные смертным рубежи? и чуждыми и мертвыми мне кажутся блаженные духи... в диких розах с желтыми грушами никнет земля в зеркале зыби о лебеди стройно и вы устав от лобзаний в священную трезвость вод клоните главы... тише источники скал и поросшая лесом вершина как взрыв гранаты твои щеки из-под фаты ...подумай что и ты лишь горсть песка, что жизнь порывы волн мятежных смешает, как пески на отмелях прибрежных... как будто черный снег всё падает в тиши там в долгих сумерках печально-неизменных...

...холодная черта зари — как память близкого недуга и верный знак что мы внутри неразмыкаемого круга... Мы всюду Мы нигде и зимний ветер нам навстречу... И часто кажется — вдали у темных стен у поворота где мы пропели и прошли еще поет и ходит кто-то я ношусь во мраке в ледяной пустыне... дальний свет угасший вспыхнувший мгновенно и опять во мраке в ледяной пустыне... словно ветер с горы на дубы налетающий Эрос души потряс нам необоримый змей... нарви для венка нежной рукой свежих укропа веток где много цветов тешится там сердце богов блаженных от тех же они кто без венка прочь отвращают взоры... Из душистых трав и цветов пахучих ожерелием окружите шею. И на грудь струей благовонной лейте сладкое мирро! Как из чудного царства воскового из душистой келейки медовой полетела по ранним цветочкам...

Дети солнечно-рыжего меда и коричнево-красной земли мы сквозь плоть в темноте проросли и огню наша сродни природа. В звездном улье века и века мы как пчелы у чресл Афродиты вьемся солнечной пылью повиты над огнем золотого цветка зазовь зазовь манности тайн за-

зовь... стань братом распускающихся роз и жени-
хом стеснительной сирени душистый свет неж-
ный как сад в цвету проникает изморозь аромата
я шагаю легко и быстро по светлым лепесткам
величиною в округу душистый звонкий свет про-
низывает меня я покоюсь в радужном роднике на
мне распадается платье Нарцисса мое сердце па-
рит над звёздным лугом среди бесчисленных
звёзд откликается изморозь аромата плодоносит
светом цветыоблака облакацветы отражаются
звоны в безмерности. Я вестник без вести певец
без песни несу ностальгию забыв по дороге о
чем моя весть не знаю ни песни живу точно ве-
тер я вестник без вести.

5. ШЕСТВИЕ

Анти

Иуда встретил Ара в иллюзионе АББ-ОО-К. Предлагалось старье. Потому Иуда предложил отправиться на воздушной гондоле в отдаленную южную зону Дельф. Ар согласился. В подобных окраинах Озов почти не бывал.

К концу путешествия местность изменилась, здания-гиганты пропали. Появились постройки в восточном стиле. Ландшафт составляли скалы, ручьи, камыши, бамбуки.

Иуда и Озов вошли в некое собрание. Люди в нем полусидели-полулежали. Слушали тягучую усыпляющую музыку, либо наоборот — пробуждающую, но пробуждающую экзотическое, переиначивающую сознание. В центре импровизировали танцовщицы. Они держали светящиеся треугольники с силуэтами птиц и рыб. Движения танцовщиц были вялы и замедленны, но иногда — стремительно-быстры.

У колонны Озов заметил кого-то, похожего на Нестора. Замеченный повернулся спиной и побрел вглубь. Непостижимо, но, повинаясь тайному импульсу, Озов ринулся за ним и вынужденно остановился: внутри хода — еще ход, который резко расширился в зал с линзой-полом.

На линзе медитировал тайванец и подергивал за помпон. А что под линзой! Что под линзой! Роботы! Двукрылые, четырехкрылые, шестикрылые... Затем: белые, лазурные, смуглые, огненные... Настоящие, а не протезные из Гелиона. Им не требуются суставы — они целиком из не-

щества. Внезапно перед Озовым зажегся голубой⁷ робот, сияющий, как дециллион светил. Тайванец дернул за помпон, линза погасла, но в темноте голубело... До Озова не сразу дошло: робот сиял не только светом, он сиял самим собой, своими фантомами, отчего возникало впечатление, будто у него в неслитой многомерности, в многоизлученных отражениях — тресцентиллион голов, пара тресцентиллионов рук и ног. Ясно, почему вегетные роботы страдают комплексом "изгнания из рая". Но и у роботов под линзой — физиономии печальных демонов. Разве захотят высшие существа смеяться и резвиться?

Тайванец замер, не теряя помпона. На деле он выключил не линзу, а себя. Рядом вдруг родился из воздуха странный человек с косицей до пояса и желтой повязкой на лбу. Этот тип соорудил супермудрую мину и провозгласил:

— Ты видел вселенную роботов, планету роботов, вернее, непланету... Мы, антики, сотворили роботов-ангелов, но кто бы мог подумать, что люди с Колумбом-Гулуавлем их изобретут еще раз. Да ты и не ведаешь, кто такой Колумб. Ха-ха-ха! Возможно, мы встретимся! — призрак растаял.

На стене загорелось бледное лицо И-ты. Показалось, она, чуть шевеля губами, произнесла:

— Мы земные ангелы, мы без перьев. Правда, Нестор спустился на Землю добровольно.

Невнятная громада напоззла на изображение — и оно исчезло.

⁷ К сезону Бикфордова Медведя слово "голубой" на территории <.....> не имело достаточно распространенного значения. Ср. с речением "голубой крысоволк". ...в то же время *Blue Brain Project* и даже *Human Brain Project* не существовали. (Примечание сокращено цензурой.)

Озова разыскал Иуда. Теперь они шли по коридорам. Ар понял: здание сообщается с лабиринтами — совсем другими, не обычными дельфийскими. В их туннелях располагались дромы и студии. Искусства, с которыми знакомил Ара Иуда, были особенными, действие их проявлялось помимо сознания, шифров они не требовали.

В одном из залов сидели негры с гигантскими камертонами. Между этими инструментами проскакивали ослепительные лиловые искры и, пройдя по кругу, ныряли в зияющее среди пола отверстие. Потолок и стены сотрясались от аритмичных звуков, их чудовищная сила притуплялась преимущественно пределами восприятия. В звучании ни мелодии, ни хаоса. И на шумы звуки не походили! Они словно имитировали неизвестный процесс.

— Ты находишься в посольстве Антидельф, — изрек Иуда, пригнувшись к уху Озова.

— О-о! — обомлел последний. — Быть может, здесь я отыщу что-нибудь о сути Дельф?

Камертоны умолкли.

— Азия! — позвал Иуда главную танцовщицу и добавил тихо: — У тебя есть ангелы, но, кроме них, существуют демоны.

— Этот господин, — обратился Иуда к подоспевшей Азии, — не вполне доволен Дельфами. Я давно наблюдаю за ним через бегуресконы. Жрецы не посвятили его в первую дельфийскую истину.

Иуда отошел и принялся о чем-то шептаться с высоким субъектом, тем кощеем с повязкой, который вещал о вселенной роботов.

— Разве тебе ничего не говорили об Оросе-Алгосе? — начала Азия.

— Был разговор.

— И, конечно, не помянули Упус!

— ..?

— Упус и Упус-Алгос — источники чистого мира. А для улучшенного мира нужен Антиалгос. Мы миновали стадию Ороса и приближаемся к Упусу. В Дельфах живут позавчерашним днем! Жрецы решительно свихнулись на античности.

— Аполлус — нелепо для Дельф.

— Дичь! Дельфы тщатся задержать нивеляцию-усложнение, но утопают в пирамидах каст.

— Танцовщицы в Антидельфах похожи на профессоров! Кстати, вопрос. Если у вас — посольство, то где сами Анти?

— Кто? Я танцовщица? — удивилась Азия. Ар взглянул на нее внимательнее... Что это? Он видел ее фас, правые и левые профили... Она излучала фантомы, пусть и не такие четкие, как голубой робот. Внезапно тысячи ее глаз скосились в одну сторону. Вспышка! Удар миллиарда вольт! Прорезалась пучина... Камертоны в руках негров стали столбами пламени. Ар почувствовал: сейчас возникнет сверхзвук, небо и земля лопнут. По примеру тайванца Озов схватился за нависший сбоку туманный хвост и дернул. Линз нет... Хлынул страшный, застилающий всё ливень, но быстро прекратился. У Азии не было фантомов, у мокрых негров вместо камертонов засверкали медные трубы.

Азия указала на черных людей:

— Им принадлежит будущее. Им чужд глупый индивидуализм. Они завоюют вселенную.

Негры угадали: речь идет о них, подняли усеянные звездными бликами (отнюдь не оркестровые!) трубы, и пространство огласилось ревом извергающегося вулкана.

— Вот ответ, где Антидельфы! Они — повсюду! Именно потому, что они анти. Ведь ма-

терики, планеты и галактики — вовсе не Дельфы! Мир не заменит каменная выдумка!

Азия повела Озова через лабиринт. В коридоре она протянула ему тубик:

— Действует подобно ретропину, но надежнее и совершеннее. Можешь воспользоваться теперь.

Воспользоваться Аротказался, но тубик взял.

— Тогда мы идем не туда, — недовольно заметила Азия. — Ты так и не постиг первую дельфийскую истину.

Она потащила Ара обратно и свернула за угол. Там Азия толкнула дверь с надписью:

АТТАШЕ АБ

Новости

В кабинете перед низким столом сидел все тот же субъект с желтой повязкой на голове. По углам располагались угрюмые мулаты, вооруженные шлангами.

— Как ты смотришь на то, чтобы перейти на службу в Антидельфы, — прямо с порога предложил атташе.

— Неожиданная идея...

— Тебя оставляют слепым относительно всего. Есть прок брести во тьме?

— Я пока не знаю Дельф.

— Хорошо изучить Дельфы можно лишь в Антидельфах! — отрезал атташе. — Ты понимаешь, зачем нужна Улитка? Ха-ха! Улитка — компромисс между нами и Дельфами! По нашим условиям Улитку проектировали роботы. Они и потребовали поместить в верхней камере контейнер с

эликсиром! Да-да-да! До чего додумались! Но мы их обошли! Улитка поставлена на гигантский грехопадин! Ха-ха! Мученики, называемые биологическими организмами, существуют не только по вине Тира, но и благодаря Улитке. Хо-хи! Пробуждение в духе не запланировано! Антидельфы — истинные радетели человечества... Ты в курсе, дельфийские жрецы того... Им и Гомо сапиенс противен! Забыли, кто они сами!

— А медузомоллюск? — уперся в Озова взглядом атташе. — Разве солдаты бывают гермафродитами? Репортерская лажа.

— ...

— О! Мы еще вернемся к причинам кое-каких стадий и ускорений. Услугу ты нам окажешь и не покидая Дельф. Но подробности, увы, после подписания договора.

— Двойная роль? Но в Дельфах читают мысли.

— Твоя ангелица? Она тайно сверженный ангел. Её репутация подмочена и орос подпорчен. Превращать тебя в бизома⁸ никто не собирается.

Ар попытался найти другую отмазку:

— А процедура договора...

— Ты думаешь, — перебил атташе, — мы украдем "бессмертную" часть твоей психеи? Ошибаешься! Твое "я" уже почти съедено... "Я" бывает у младенцев. Они надрывно кричат, поскольку не хотят им приторговывать. Желают войти в отверстие, из которого вылезли, не привечают внешнее, то есть собственные отходы. Мир чужд "я", убивает его, иссушает. О, время до грехопадения прахулителей! Знание — татуировка на "я", она все шире и глубже, все мрачнее и очаровательней. От "я" ничего не остается, опыт ухаает в никуда. Но важнейшая татуировка — продажа себя хармахаям. Чем чаще землянин

⁸ Очевидно, "зомби" (Прим. ред.).

продает и предает свое "я", чем быстрее и успешнее, — тем большего достигает, делается хозяином этой жизни.

Мечтатели-писатели цепляются за старые прохрусты, живут райскими вонями, фантазиями о стране сказок и упований, дорождении, дозачитии. И правильно поступает общество, когда травит дримодыров, низводит их до уровня терьма. Редкие пачкуны достигают славы — те, что выбрасывают на свалку страдания молодого ветерника, показывают его гнусность, становятся генералами и тайными советниками.

Болтовня и пафос надоели. Озов без разрешения снял со стены светящиеся четки. В бусинках плавали рыбки, шевелились золотые жуки и летали монгипетки. В комнату зашел трехметровый горилла, положил на стол несколько плоских предметов и молча удалился. На одном из них был экран.

— Ты уверен, что являешься человеком? — продолжил атташе. — Если у тебя есть воспоминания о предках, это ничего не означает. Внушение о родителях механически дают и в инкубаторах. Вот экран темпорона, — он развернул его. — Видишь голубой кристалл у себя в мозгу?

Ар, конечно, угадал себя. Поворачивая ручку, он сместил и увеличил изображение. Все детали опутывала тонкая паутинка, в центре которой располагался синеватый кристалл.

— И кто ты? Человек или робот? Ха-ха-ха! Каково? Ты гибрид! Именно потому достаточно нормален и не сдвинулся подобно остальным при постижении НГ. Такая система включается постепенно, требует дозапуска... В Дельфах тех вселенных тебя проигнорировали. О данном случае я не интересовался, но дозревший голубок

размножается при каждом межвселенском переходе. И двойники твои пойдут...

Атташе глянул на Озова:

— Отдай! Отдай нам остатки своего "я", своего детского лепета! Без того оно скоро исчезнет. Будь мужчиной!

"Я" Ару было совершенно не нужно, а психея — тем более... Но это лишь его мысли... Антики ему чем-то не нравились.

— Все равно ты наш! Наш! — твердил атташе. — У тебя три нуля в шифре. Сие и требуется.

— А куда такая торопливость? Что содеялось?

— Внутри себя ты антидельфиец, но дурно воспитанный. Истинные твои желания знаем только мы!

— Не даю согласия...

— Гха-га-ха! Согласия-то не требуется! А нука, вставьте ему, — обратился он к мулатам.

Мулаты быстро подошли — и оказались серо-зелеными метисами. Взяли наизготовку шланги с присосками. В плечо Озову уперся серо-зелёный железный палец.

— А — а! Понеслась душа в рай, а ноги — в юстицию! — подбодрил мулатов-метисов атташе.

Спиной Ар ощутил: дверь распахнулась. Один метис клюнул носом в стол атташе, другого осадила чья-то рука. Нестор!

— Кто тебя сюда просил! — заорал атташе. — Сожгу заживо! Ангел-хранитель? Выпекал пироги и с ангелами. Его (атташе указал на Ара) так и быть отпущу, но тебе — не выйти! Устраивать благотворительные сеансы для осведомителей не хочу. Никто не позволит мне пор-

тить кому-то память — удивительную мойру и эриннию, символ греха, разрушительницу ментальной девственности.

Нестор кивнул головой и улыбнулся. Прикоснувшись к груди, он вынул из складок одеяния невзрачный кругляш и взмахнул им. Из коробочки вырвалась ослепительно-белая бабочка. Мгновение — и бабочка стала трехцветной, мгновение — и бабочка заиграла всеми цветами радуги, выросла в размерах, мгновение — опять стала трехцветной, опять — белой, пропала.

— Посланник Вечной цивилизации! — изумленно воскликнул атташе. — Последний раз я подобное видел триста тысяч лет назад!

"Актеров мне еще не хватало", — подумал Озов.

— Ничего не стряслось, — промолвил Нестор. — Эра Паяца в мирах Азии заканчивается.

— А подопечный? — поинтересовался атташе.

— Подопечный не ваш. И не их.

Бочонок

(Восприятие Озова)

Я проходил мимо главного экранного зала. Демонстрировали внутренность чужезеленского аппарата. Невзирая на свою медлительность, он уже пересек орбиту Марса. Аппаратчики крайне боялись ускорений. При маломальских перегрузках они надевали латы и захлопывали прозрачные забрала. На их шлемах серебрилась

некая странная аббревиатура: "СССР"⁹. Даже без лат аппаратчики смотрелись огромными и толстыми, похожими на допотопных зверей — медьедей. Один из несведущих сотрудников озадачился огромными кулачищами летящих и выразил опасение: во время потасовки экипаж может запросто пробить стенки корабля и разгерметизировать его.

Потасовки на корабле-бочонке могли быть нешуточные. Перед едой аппаратчики потребляли примитивный, но опасный для жизни наркотик. После введения его внутрь они начинали скалить зубы и похлопывать друг друга по плечу, но нет гарантии: в иных случаях их реакция оказалась бы гораздо хуже.

В анимаретах аппаратчиков не было ни грана зефирного и бальзамического. Среди кучи ядовитых веществ в начинке курительных палочек содержался неприятный алкалоид. Его капля наповал убивает гиппопотама. Свидетельство интоксикации организма и невменяемости летящих — самоназвание аппаратчиков; они именовали себя космонавтами. Яркий признак мании величия! Сверх того, они считали себя и покорителями Космоса! Парменид плюнул бы им в лицо!

...устройство их двигателей весьма ловко! Люди опередили себя на двадцать четыре столетия! Простейшая конструкция нивелировала координаты! Но раньше. Сейчас работали только каботажные форсунки.

⁹ Вариант расшифровки: Северная светская суперреспублика (Прим. ред.).

Пик

(Восприятие Озова)

Близ Улитки ни ангелов, ни жреца-хранителя. Кто-то из них за дверью? Я произвел необходимый ритуал. Внутри множество изменений: в порядке шествия кабин, в оттенках их раскраски; овальное многоцветное солнце опрокинулось на бок... Глянул на запретный серпантин. Поистине?! Какова цель моего нахождения в Дельфах? Методика вхождения в виражи? А если Улитке вообще каюк? Серпантин меня давно настораживал и манил. Я направился к кабине, предназначенной для путешествия в верхние завитки, убыстрил шаг и, войдя в кабину, увидел в других кабинах своих двойников, повернул рычаг — кабина дернулась; всё закрутилось... Со слабым стрекотом она взмыла; я почувствовал тонкий звук и запах марципана; запахи превратились в искры, расширились; явилось новое пространство: прошлое и запах — одно и то же; лимонность — это толщина; жасминность — это длипина; и мощина — кременность. Ароматы соткнулись лепестками незримой наплывающей диафрагмы, возникло вне-рассудочное море и сразу обратилось в прозрачное полубытие. Там — дүхи и духи. Грянула симфония одномоментности всего; волны стали скольжениями по лабиринтам; я в Улитке и вне Дельф, далеко от Дельф; истлела кабина; я в глуби гигантского и живого пространстводвигателя в перекрестке совокупности вселенных, в бесконечной громкой тишине, замыкающей сферу; центр и граница неотличимы. Я был тишиной-ароматом, сдвигателем, Улиткой, миром, абсолют...

О ничто, которое никто, вечно снящийся сон без сновидений, когда сновидения одновременны и в одном; я оно, я — оно. Я в шурфах-вершинах. Я в туннелях-консолях. Я повсюду, я — везде. Я разумно, но я проклиная свой неразумный плохо растущий кокон. Мне в нем тесно, гадко, противно. Я бы с удовольствием разнесло его на куски, но этого не дано. Дано — разделять, разделять, разделять, аккумулировать одиннадцать не похожих друг на друга зарядов, создавая потенциал, потенциал-памятник, потенциал памяти — коралл из одиннадцати измерений пространства, которое есть лжевремя, масса пустых вневремен. Как быстро уничтожается прекрасное блестящее ничто, как утешителен довод, что рано или поздно одиннадцать измерений-потенциалов склеятся и творимый кокон распадется, но, увы, — я разветвлено, я построило множество миров и всё строю, строю, строю... Блестящее прекрасное ничто неисчерпаемо богато, но оно меркнет, меркнет. Скоро оно будет не то...

Абсурдное великолепие фантомических вспышек родного ничто. Оно будет не то. О кажущее-отвердевшее сновидение! Я кажущее-отвердевшее сновидение. Я кажусь, я кажусь. Меня нет, меня нет, меня нет. Я мыслю, следовательно — не существую.

Сцена изменилась. Доминировала серебряная разнолучевая звезда — настоящая звезда, а не какое-то отдаленное солнце.

Ви́раж

Шел к Улитке и проходил через Главный экраный зал. Иновселенцы в экранах наивно воображали себя летящими на собственную планету Земля. Их можно вернуть, но перепутал миры не отдельный штучный бочонок. Сверх того, возврат назад вызовет эффект мультипликации! Парадоксы не исчезнут. Разматывать клубок противоречий должен ИФ-2.

Я уже был в Улитке и это хорошо помнил, только оказался вызванным на повторение. Ноги как бы сами несли меня из зала. Но и я могу властвовать! А если покинуть здание-тороид? Или бежать из Дельф? Не сквозь Огненные поля! Лучшее средство — Улитка.

Заглянул в боковой зал. Табло сообщало: половина чужих аппаратов возвращена. Это совершил Тир дракона. Он остановлен.

Внезапно возникло ощущение тонкого, накачивающего волнами звука. На всякий случай я уплотнил колпачок на тубике, который дала Азия.

Подле Улитки заметил Нетудаплюева. Приковылял, держась за лоб, младший жрец Фант-Махи и процедил:

— Готовят площадку для приземления аппарата. Легче его отправить сейчас. Антики проявляют беспокойство.

— Причина паравселенцев — Тир, — добавил Нетудаплюев. — Опочил хранитель Тиры... Прожил восемьсот сорок два года старичок.

— А опочил ли? — возразил Фант-Махи. — Боюсь, и с помощью Улитки не удастся вернуть прочие бочонки. Слишком рады антики нам помешать.

— Не так они глупы — и не станут орудовать прямо, — уточнил Нетудаплюев. — Мы разъединяем пряди, реверсируем; антики подбрасывают подарочек с кунштюком — и мы будем бить себя же!

— И скажи это Верховному жрецу, — парировал Фант-Махи. — Он наместник ПЦ и знает, что делает.

— А ПЦ и нашим и вашим! Крутись как можешь! — кисло улыбнулся Нетудаплюев.

— Пусть мечутся неспящие, — ответил Фант-Махи, — и Верховный жрец. Он тоже из них! Они рехнулись? А здесь? Над Дельфами ставят неделфийца!

В дверях Улитки блеснуло. Из нее вышли трое. На их рукавах красовались черные крабы. Встречать подобных персон мне не приходилось. В выражениях постных физиономий ничего обычного не прочесть. Не посмотрев на нас, троица двинулась своей дорогой.

— Пятая ступень посвящения, ограничиваются созерцанием, — прокомментировал Нетудаплюев.

Видок у троицы отрешенный и нереальный. Небесмысленны изречения, высеченные на стене Храма вечности:

Мудрые не живы и не мертвы.

Тот понял свет, кто погиб без успения.

Забывший о памяти теряет дленность.

Вирази

В кабине Улитки Нетудаплюев включил четыре экрана, на них — данности соседних миров. Фант-Махи нажал рычаг, и кабина помчалась. Нетудаплюев сорвал пломбу, набрал на шкале астрономическое число и взялся тасовать изображения на экранах. Попробуй, найди интерференции умноженных вселенных! Фант-Махи начал новый вираж. Кабина ухнула в неизвестное пространство.

Что такое? Тончайший пронизывающий звук! Не ухо! Лопнул тюбик, в нем триста доз — иллюзорный звук усилился. И не баловство Иты, снотворного действия нет. Как выбросить из кармана, не привлекая внимания? Может впитаться через кожу больше.

Кабина, Фант-Махи, Нетудаплюев стали волчками, упорхнули; не было ничего, кроме лиловых и белых шариков; каждый шарик — собственный мир; но это зашифрованность, мнимость, знак. Я не я, меня много, я одновременно везде: в Дельфах, в Антидельфах, на других Землях и других планетах, в тех и других летательных аппаратах. Вот — другой Фант-Махи, вот — тысячи Нетудаплюевых, миллиарды солнечных систем, но нет ничего; если представить мир радуг — и будет мир радуг — разумных чувствующих себя существ; есть то, и есть иное, разложение Предкосмоса; можно незримо явиться в гости к себе прошлому, будущему в любом из миров. Вылетают и разлетаются голубые кристаллы; это сфера сфер, это звезда звезд, сфера разделения разделений; я разделяю, разделяю, разделяю, но теперь я другое, я — оно, я прово-

катор, я — провокатор самому себе; делаю плюс, делаю минус, я на всех полюсах и всех горизонтах, на феерии периферии, на феерии центра; все противоречит всему, все пересекается со всем; осуществленность, вещественность — парение неполноты, взгляд незавершенности, а завершённое — как бы ничто; ощутить — и его нет. О, я не вернусь, не вернусь никуда: нет Итаки — и везде Итака. Разделяю-смешиваю — разделяю, но исправляет себя истина фатальности.

А не выкинуть ли голубого паука вон? Пусть добавится к биллионам еще один биллион.

* * *

В воздухе расцвёл парад подёнок. Вода и дорога пока оставались чисты. Угасал первый закат. Эр Узов шел по набережной. Стоявшее высоко в небе розоватое облачко внезапно исчезло, испарилось. Впереди замаячила фигура. Это был Навиридон.

ЭПИЛОГ

Я в старом облупленном звездолете "Подъем-14". Где-то замыкание, пахнет гарью. Тянется дымок. Далеко не отойти, исправить некому. Когда проходили Сфено, исчез второй штурман. Секунда — и корабль развалится. Все разболтано. Стук в насосе, с потолка капает хладон. Нужная клавиша не работает. Придется-таки идти к вспомогательному комплексу.

"Шлеп-шлеп-шлеп", — странные звуки, словно продвигаюсь по мембране микрофона. А это? Надпись "СССР" на двери к реактору облепили красные и зеленые точки. Туман. Плотный, местами рассеивающийся лиловый туман! Дошлепал и случайно произнес команду вслух. Она немедленно исполнилась: на биокарте загорелся верный курс. Но без клавиш подобное не устроить! Ох, нестационарная Сфено! Нет, колдовства не бывает. Пульт в инее, сбоку торчат сосульки. Крышку пульта — вверх, там примитивный наплав. А здесь? Внутри главного функционала поблескивает загадочный кристалл. Попытался его отцепить. Ну и дела! Кристалл растворился в руке, поднялся по венам. Что-то вспыхнуло. Стало горячо.

Протекло два геегода. Я научился перемножать в уме огромные числа и читать со скоростью блиц-сканера. Раньше был штурманом светского звездолета "Отбой-41". Сейчас я отставник, но чувствую, это ненадолго. Передо мной уже мелькают воспоминания о совсем других прошлых и будущих жизнях.

Отчетам о межгалактическом полете Ассоциация космонавтики не поверила. Вот цитаты из отписки ее комиссии:¹⁰

...следуя к сверхзвезде Горгонуза, капитан корабля "Подвой-41-14" применил каппа-бrevиальный форсаж. Это дало по картине ложной материализации на каждые 86 снимаемых парсек. Конечно, ложное восприятие гораздо реальнее истинного; чем мнимее — тем реальнее, но нам ближе ложь планеты Земля. Мы живем не на Горгонузе!

...а Большие и Малые Кувшины, Полярные звёзды, Персеи, Андромеды... Какое они имеют отношение к экспедиции? Мифологический карантин астронавтов слишком краток!

...перекресты миров, люди-роботы с прогрессором¹¹ в комиссуре мозга, Млечные Пути, конскоголовые туманности... Нарочно такое придумать невозможно!

Сланг-инженер экипажа до полета показал безукоризненное знание древних легенд и устаревших астрономических названий, но, вернувшись, ошибочно назвал Эвриному-горгонузу горгоной Эвриалой, а Гераклита — Гераклом. Во всех мирах ойкумены известно: Геракл не герой, а философ, которому приписывают изречения:

*Нельзя два раза подавиться той же костью.
Единое, расходясь, само с собою сходится.*

¹⁰ Раздел для каждого из 1053-х слоёв текущей зоны — собственный.

¹¹ Якобы метаплазменный процессор.

Одно и то же является молодым и старым, бодрствующим и спящим.

Душа растит сама себя, обновляясь и отодвигая свои пределы, и пределов души ты не увидишь.

XXII олимпиада,
сезон Бикфордова Медведя

ПНО к хронике см. далее

БОЛЬШОЙ ПИО

К ХРОНИКЕ ЭПИЦИКЛА

Для любителей и вундеркиндов
(*сомневающих*)

РОЖДЕНИЕ РОБОТОВ

Б у н т

...В день солнечного затмения вооруженные луками эскалюты рванулись к резиденции правителя. Они захватили и стенобитные орудия: свинченные со станин скуробуры и драмбомёты.

Эдиктор, Цекондер Гулуавль, обнаружив этот парад, первым делом выгнал из гарема сброд, состоящий из персифий, нимф и димурий, затем удалился в потайную дольницу — хранилище трофеев. Ценнейшие из раритетов добыли индейцы-асмотеки — пращуры Гулуавля. В древние времена они сокрушили кастильского монарха и поработили Испанию и Португалию.

Манкируя даже регалиями, эдиктор подошел к найденному несколько веков назад в Кариатиде ящичку из мастодонтовой кости. Заслонку — прочь: засветился диск с делениями. Эдиктор сместил стрелку на нужный угол и вернул ее в прежнюю позицию. Заколебались стены, с потолка посыпалась пыль, зашатался выстроенный в минойском стиле дворец. Возникло марсотрясение с эпицентром под толпой восставших.

Это был и сигнал: через пять минут на выручку властителю с некоего космического объекта

(возможно, с Венеры) трактировалась дивизия разумных горилл.

И вот — частое дыхание непривыкших к Марсу вояк, блеск квадратных касок, звяканье металла о металл, хлопки уничтожающих живое очистителей. Еще пять минут — и в окрестностях дворца санированное пространство. Приблизилась колонна горилл, из чада вынырнула поднятая в приветствии рука нимфоида — командира дивизии, вассала и побочного нимфосына Гулуавля.

"Снится мне всё или происходит во внешнем иллюзории? — чуть не спросил себя Гулуавль. — Чем, интересно, заправили с утра курительный прибор?"

"Нет! Не снится! — решил он, когда в его мозгах прозвенело: — Победа не полная. Кое-кто из бунтовщиков спасся на пуistolётах пиратствующих трассиров".

За пуistolётами потянулись заgrimированные под орбитальный утиль лодки-шпионы Цекондера. Нацеливаемый ими субзвёздный крейсер эдиктора ежесекундно готов к бою. Беглецам не успеют дать убежища! Единственное их спасение — на Юпитере!

И действительно пуistolёты устремились к нему. Крейсер дал рассеянный залп. Аппараты, подобно диким тролликам, дернулись врассыпную. Еще как-то помогали скверные контргравитаторы и давно списанные газогасители.

— Эскорту! Лоцманов! И! Наводчиков! В! Атмос! Феру!! — промычал Уптамиштилъ — капитан крейсера и командор флотилии мелких разномастных жестянок. — Пров-верить т-три верхних слоя!

А не надо ли найти иголку в стоге скосена? Сколько раз Уптамиштилль клялся богу Амбулопущаху не профукивать ночи за впитыванием увеселительных сведений! Нет ни здравого мозгоброжения, ни уставного рисунка складок на тоге... Засмеют крейсерные каламаши-нейроживчики, что оказался без наводчиков. Ни одного не оставил. Ищи их теперь.

— Бранг — форс — цирка! — скомандовал Уптамиштилль рулевому.

Так крейсер стал летать вокруг Юпитера с четверной переведенной скоростью Бледа, едва не отрицая законы Нивуса. Чтобы в мгновение ока не выпрыгнуть к запретным звёздам и потусторонним видениям, экипаж совершал убийственные виражи, какие и в блошарном сне не могли пригрезиться специалисту по перегрузкам. Акробатические перевертывания! Жесточайшее автоизлучение! Крейсер был похож на детский дирижаблик, попавший в венерианский воздуховорот. Рулевой каламаш лежал, обнявшись с вычислительной машиной, под одной общей защитной сеткой и почти не шевелился. Другие каламаши плевались, сидя на корточках в патентованных гравитационных коконах, и делали под себя.

Только капитан, развалившись в кресле, курил анимагару и спокойно разглядывал клубы разноцветных дымов: он заранее перебрался из навигационной рубки в кабинет, предназначенный для эдиктора. Прекомфортабельно! Условия райской планеты! А если рулевой сдаст? Миг сомнения — и Уптамиштилль самочинно включил адмиральский депроматор.

Корабль перестал кувыркаться, потерял границы оболочки и перешел к полупростым барискательным движениям-волнам.

А рулевой паук? Капитан отключил его от цепей управления. Не подозревая о шутке, каламаш по-прежнему шустро сканировал экраны, хватался за рычаги, пытался пилотировать. Переход дипротического барьера воспринял, а собственного отключения не уловил!! И все-то его озадаченные двенадцать глаз-пуговок вылезали из орбит. Полюбуйся на себя и свой высший интеллект!

Уптамиштилъ взялся было возвращать лоцманов и вдруг услышал страшное рокотание... Оно переросло в искаженный до безобразия и смешанный с гулом дешифратора гневный голос эдиктора:

—...б... бормозавр! Не собираюсь гоняться за вами!

Донеслась и речь рулевого:

— Через нас дважды продрался грузовой корабль!

Похолодев, капитан вывел крейсер из состояния параволны. На экранах болтались пустолёты Гулуавля и грузолёт. Последний вытворял уморительные манёвры.

Крейсер состыковаться с грузовиком — и началось главное действие: атмосферу Юпитера вспороли гигантские тропоядерные взрывы.

Трех юпитерологов привёз правитель Иризондо: на случай открытий, связанных с изучением... аномалий атмосферы Юпитера. Глядя на бушующий Юпитер, точно полководец дикого прошлого на подоженный город, эдиктор оставался недоволен.

"Как?? Как можно удостовериться в гибели бунтовщиков?!"

И Гулуавль осмелился. Отдал приказ. Крейсер и флагман ринулись к Марсу, а из люка грузолёта вырвалось необычное оружие: корабль-мина гравитационного расширения...

Однако опростоволосился автор теории неро-
ятностей: мина попала в центр тропоядерного
взрыва; раскалившись от перегрева, она сработала
раньше, один взрыв тысячекратно умножил дру-
гой — и взбурлил Юпитер... Этого никто не
предполагал, а в помрачении кто и ждал, то на
нем его прегрешение.

Гневный Юпитер вздулся, как мыльный пу-
зырь неправильной формы, и вне себя от ярости,
плюнул невидимым протуберанцем в ранивших
его людишек, поглотил их и окружающее про-
странство.

Э л и к с и р

Тревога пробудила от спячки лаборатории бе-
зопасности. Не поняли, в чем дело. Полетели пе-
рья, бисер и пустые чашки. Изумленные зашка-
лили стрелки приборов. Сверхновая на месте Юпи-
тера! Залп! Залп! Автоматические стражи, охра-
няющие мир от Старого Солнца, исчерпали все
возможности.

А если бы не развернул всю мощь слабень-
кий сигнал с Альматеи?! Радуйся, Вегема¹², гра-
витационному равновесию!

Аппараты-разведчики настигла очередная
буря и отбросила в район-вихрь, что назвали Ба-
Нойским. Пилоты заметили над ним лучащиеся
сиреневые облака. Медленно и степенно облака
расправлялись, взвивались, напоминая стаю ска-
зочных птиц. Рассеялась буря, вихрь стал ниже и
тише. Облака-птицы уходили от Юпитера, могли
уйти из Гелиона.

¹² Вегема — трипланетие: Венера — Гея — Марс.

Диспетчер окологлобальной станции смотрела на экраны полусонно, вчувствовалась в абстрактный фильм. Не хватало только музыки... Тут раздался резкий, пронизывающий звук анализирующей системы, и механический голос, нарочито лишенный витального тембра, заорал:

— Внимание! Внимание!

"И чего ее забрало! — заплакала диспетчер, прикрывая уши. — Были такие облака, та-ки-е об-ла-ка!"

— Внимание! Внимание! — продолжила система. — В облаках нет ни одного элемента периодической таблицы! В облаках — ни одного элемента периодической таблицы! Внимание! Внимание! Там нет ни одной элементарной частицы!

О сады рая! О парасхитов потрошители, которых не порешили! Да во здравие человечеству наказание! Когда придет увещатель? Он пришел, пришел, появился, и скажите нам, тени метафизические, что гнусная материя исчезла. Под нами — обманы, взаимно помогающие.

И прилетела армада контейнеров. Триста двадцать два облака она незамедлительно пленила, словно заглотала. Вот работа для станций на орбитах планет.

Таково начало нового этапа в истории Гелиона. Облака сконденсировали в жидкость — юпитерианский эликсир. Любые поля двигались в эликсире со скоростью звука, а потоки нейтрино и электрино расщеплялись на странные спирали.

Но отражения? Какие отражения плескались в каплях эликсира?! Рисовались не предметы, а мир узелково-вогнутой перспективы!

Трое исследователей, принявших эликсир взамен одного более известного напитка, находятся в состоянии нирваны и сейчас. Четыреста сорок геелет эти помешанные сидят в позе будд и не умирают.

Г л а з

(из годовника абалийских отшельников)

Всех облаков триста двадцать два. Сияния и блеска полны предстали двадцать четыре из них. И двести девяносто восемь лучились тихим светом. И в двадцати четырех сияющих и блещущих облаках обреталось по оку, размером и формой сходному с яйцом белой лебеди. Да отрубят язык тому, кто уподобит оное око гусиному яйцу!

И назвали око марсиане жемчугом юпитерианским, а земляне и венериане — юпитерианским глазом.

И каждое око было похоже на око ангельское и имело ресницы длинные и густые. И не дерзнули алхимицы разрезать око, но расчухнули борзо: несть в нем ни единого элемента периодичной таблицы!

И расположили зеницы в эликсире висячими каплями в надежных местах. И уменьшался эликсир, а зеницы оставались прежними. И удивлялись люди, бо не являлись поля округ. Но реяло поле, бо ведали, какое оно. Ведали те, которые берегли око и заботились о нем, которые созерцали творение сие, которые соблюдали правила, и те, кто устремлялись и не устремлялись постичь...

А м у р а л к а

Броров — директор станции "Пилиполис-Астробака", зашел в бокс, где хранился сосуд с глазом и эликсиром. Там он увидел двух бездыханных доглядчиков из ЧС: одного, судя по скорченности и зеленоватым щекам, отравили; второй лежал с окровавленным горлом. Обнаженная лаборантка Фецита сидела на диване, поджав ноги под ягодицы, и обнималась с лабораторным сосудом, в коем находились глаз и эликсир. На лице Фециты застыла маска невселенской благодати.

Броров попытался отобрать сосуд, но лаборантка, упрямо прижимая сосуд к молочной железе одной рукой, другой толкнула директора с силой необычной для ля-бемоль-женщины, да так, что он, отлетев ярдов на пять, опрокинул орвиз синоциллибарной установки. Космическая станция чудом не превратилась в плазменный шар!

На лаборантку это не произвело впечатления. Она продолжала экстальеть и фокусировать оргайф. В паузе между метазмами она плюнула на плешь шефу, запутавшемуся в кабелях и арматуре.

Конечно, Фециту лишили права жить в свободном обществе и билета, разрешающего иметь детей.

М и н е р а л

За тридцать три геегода до событий на Юпитере среди спальных пород Марса был найден минерал, которому дали шуточное название — "Грехопадина раеизгнан". Неприметный камень, почти тот же амфиболит. Его держали в коллекциях только для полноты. О страшном недоразумении никто бы не узнал, если бы в скандинавском городке Хорхоне не встретились ленивый студент и ленивый профессор.

Профессор Поканаускас поручил студенту-горилле по имени Кочинаг Пхимикаш проделать анализ марсианского камня. Студент — гражданин Венеры, старательно пронюхал камень и затем принялся листать подпольное пособие с картинками. "Ага!" — сказал он, включил информационную машину и тщательно списал данные экспедиции.

Однако грехопадин остался нетронутым, а потому хитрость не прошла. И вот после немалых мучений, сомнений и потений Пхимикаш принес катапробирки. Стрелки показывали: в минерале плутоний, в минерале — гадолиний, золото, платина, иридий, пардоний, радон...

В минерале — бурбон...

"Ясно!" — мрачно подумал профессор. — Венерянин воспользовался элетрионным сверхмикроанализатором. А стрелки — подвел! Горилла!"

— Лады! — проговорил Поканаускас. — Теперь — количественный анализ! — и уткнулся в бумаги. Через час студент представил антаблеменовающий результат:

технеция — 100 %,
туфтеция — 100 %,
х-рения — 100 %.

Не вытерпев, горе-профессор отложил развлекательный иллюстрированный альманах и сам схватился за приборы. Эффекты — те же, но кроме того:

тантала — 100 %,
инквизиция — 100 %,
полиция — 200,333 %,
изотопов урана — по 100 %.

Профессор побежал за древним счетчиком Меггейгера. Уровень радиации был меньше нормы.

Минерал состоял из двух частей: оболочки-паутинки, которую называли раеизгнаном, и внутренних зерен — грехопадинов. Зерна не плавилась при температуре Абсолюта и реагировали со всем. Стоило уронить очищенный от паутинки грехопадин — и он с шипением летел сквозь толщи пород к центру Марса или Земли.

Этот философский камень — гиперхимический элемент, не менял своей массы, скрета, цвета и формы.

Сотрудники, изучавшие камень, не стеснясь, уходили с работы на несколько микрогигабелей раньше: грехопадин ускорял течение времени.

Хронофорс! Цена на минерал подскочила. Бес-тиант и эдемянт — на втором месте. Считалось пикантным прикладывать к себе украшения из грехопадина и запускать им в личных врагов.

Но мода на камень и на циферблаты с пузыряющимися мгновениями скончалась через пару сезонов.

Благородные металлы камень не производил. Выходили соединения, похожие на соли золота, но в золото они не восстанавливались. Иногда мягко взрывались, издавая сильный козлиный запах.

А спектры? Они зависели не только от сорта фотоэмульсии, но и от особенностей радужки и типа гениталий наблюдателя. Не кривые на экранах вычерчивались — песьи морды и лошадиные головы, рогатые огурцы и зубатые пастилки.

Неудачливых алхимиков сравнивали с героиней бессмертной басни "Мартышка и очковая змея", принадлежащей гусиному перу негритянского поэта Ивандра Ас-Пушки.

Невзирая ни на что, грехопадин был гелиобальной проблемой. Профессора и его студента чуть не носили на руках. В виде исключения Пхимикашу разрешили бжениться на думс-женщине второй октавы. Это предложение расистгорилла с негодованием отверг.

Случай

Ахмуранза, лаборант орбитального филиала института Марса, прибывал на службу раньше других, готовил всё для гляделей и пуцетрогов. Одним звездоблещущим утром он крупно повздорил с субженной и явился на слойло злой, как черт.

Прилив положенную дозу эликсира к юпитерианскому оку, Ахмуранза позабыл закрыть сосуд. Наблюдавший за действиями лаборанта Олам Пантикуй — охранник из ЧС — ничего не заметил. Он получал лишнюю ставку не за дополнительный час, а за три паса работы, и выражал недовольство. Пантикуй в очередной раз обратился за сочувствием к Ахмуранзе:

— Нихрон Ниоп мне не поп, а папону — в лоб: повесил на меня акул в океанариуме и ядовитые злокондереи.

Лаборант не слушал нытье и нелепые угрозы в адрес начальства. Он нёс поддон с чашками Метри и думал о субжене. Вспомнив ее утренний монолог, скрипнул зубами и выпалил:

— Ах, ты... (последовало скабрёзное слово).
Вздыхнув, добавил более спокойно:

— ...крыса ты эдакая!¹³

Услышав это, Пантикуй опешил: оскорбление представителя ЧС при исполнении служебных считалось тягчайшим преступлением. И надо же, пока ругал распорядителей, переключил подслушивающие устройства на холостой ход. А сами реплики Ахмуранзы очень обидны и незаслуженны.

По-военному быстро вскочив с кресла, охранник перевернул грудью агатовый поддон и, вытянувшись по стойке смирно, приготовился дать отповедь... Но рта не разомкнул: в двух чашках располагались минералы грехопадина. Один из них ухнул в сосуд с глазом и эликсиром. Из-за царапины в оболочке-паутинке или иных причин в сосуде пошла бурная и буйная реакция, да такая, что ею занялась вся комната. В отсеке стало черно, как если бы освещения не было. Затем появились зеленые, алые и лимонно-желтые всполохи. Помещения объяла власть необычных сил. Ахмуранза и Пантикуй корчились, лежа на боку, то от неимоверной боли, то от фантастического блаженства, едва не отправляющего в небытие; то на лаборанта с охранником находили вспышки ярости и несчастные принимались тужить друг друга, то их обуревали приливы брат-

¹³ Непонятно, почему похвала расценивается как ругательство (Прим. цикроред.).

ской любви и нежности. Это длилось неизвестно сколько времени.

Внезапно всполохи иссякли. Ахмуранза и Пантикуй обнаружили себя квелыми и высохшими. Не иначе они прожили четыре лишних десятка марсианских лет! Спецсосуд накренило, а титановый стол искривился и смахивал на готового к прыжку тигра. Вместо головы у тигра была некая ядовито-голубая масса, вместо полос — сметанообразные натеки. По его бокам периодически вспыхивало золотистое свечение, сходное по форме с крыльями.

Лаборант и охранник страдальчески огляделись. Обоих ждала высшая мера наказания — протезное бессмертие, и ссылка — пожизненное изгнание из свободного общества.

С трудом узнали Ахмуранзу и Пантикуя, одряхлевших и заросших волосами. Видимо, они, проглотили по грехопадину.

А голубая масса?! Под циклоскопом — сетчатые кристаллы...

— Сетки нет! — заявил эксперт. — Кристаллы состоят из меньших кристаллов! Меньшие — из еще меньших. Не отыскать конца... Да и голубого цвета не должно быть. Обман зрения.

— А-а-а! — взревел эксперт.

— А-а-а-а! А-а! Ух-х! — закричали набежавшие сотрудники и начали тереть онемевшие суставы.

— Хгхх! Гхх! — здорово било током. То отпускало, то накатывало.

— Об-б-б-б-ман зрения! — донесся чей-то полузадушенный голос.

Стоны усиливались. И было так, пока Ахмуранза не столкнул голодного голубка в сосуд со свежим эликсиром.

Голубок, без сомнения, почувствовал себя легче. На минуту. Волны боли почти прекратились.

Не успели рассмотреть голубую полусферу — болевая стихия удвоилась, пошла смерчем по Марсу.

Пантикуй (*очи долу, ноги — по-туркестански*) шепеляво ввернул:

— Лжеголубое тесто не глаз-жемчуг. Фрескать ему новый коктейль, а не эликсир!

— Как? Как! — возмутились мученики из толпы.

Гримасы возмущения недорисовались: боль ударила будто током.

Пантикуй, закусив губу и никого не слушая, ровно с пистолетом на дуэли, зашагал со стаканом сметанного коктейля из накренившегося сосуда в сторону голубой массы. Посветлевший извилинами Ахмуранза вылил остатки эликсира. Лучше бы он выстрелил из пушки... Завыл Ахмуранза и рухнул набок. Тысячью потоков в угол, куда забились наблюдатели, хлынули волны боли. Кто-то мычал, кто-то сползал со стула, подразновидности минорных полов верещали. Пантикуй плеснул коктейлем в сосуд с голубком — боль мгновенно пропала! Морщины охранника разгладились, на лице заиграла улыбка мусического озарения. Зрители подошли ближе, не осмыслив, почему их притянуло. Десять секунд ни с чем не сравнимой эйфории!

Не верили, не могли поверить, но кубический миллиметр голубка заменял собой земной шар, наполненный от центра до поверхности электрично-вычислительными машинами.

Через унделю (одиннадцать суток) после получения такого известия на Юпитере загремели контролируемые взрывы... Но, увы, не тут-то было! Пойманные облака оказались пустоцветами: в них не отыскали юпитерианского глаза. Мечты о глазопроводах пришлось оставить.

А на Вегеме? Как подойти к этому кубическому миллиметру? Иметь дело с ним — что с абсолютом! Хоть немного придать ему качества кретина! Иначе не пристегнуть его субстанцию к людскому мирку, примитивному биологическому видению. Без всякого поля, без всякого субстрата идут океаны сигналов от кристалла к кристаллу, от голубка — к голубку, круговоротом вечности. Сбивается инженерия, путаются понятия, летят в ничто формулы...

Нема наука, но злоковарен гоминид: спит и видит силки, капканы, ловушки. Окантовать бы настоящие чистые кристаллы испорченными, целые — кристаллами-дебилами — и появятся... органы чувств да посредники голубка с обслугой.

Прамир превращается в банальный мир, а Алгос — в мелкого беса!

Невзирая на весь "саботаж": добавку вредных примесей, подмену целого глаза его ресницей, заготовки роботов большинству мнились совершеннее человека, утонченнее.

Через 13 марсианских лет голубые мозги стали роботами-логоидами, могли двигаться, говорить, читать... Но чего-то не хватало...

Заметив себя в зеркале, отлаженный логоид начинал сплывать с ума. Суицидные идеи вскипали в нем без меры. Кто-то из сверхсуществ прорывался к шлюзам магматических скважин, кто-то — к плазменным реакторам, третьи — к гигавольтному напряжению, а некий бесподобец туннелировался к границе вселенной и там аннигилировал.

Загадка роботов вдохновила нимф, похоже, сообразивших в чем проблема. Им давно помстилось, что логоиды недовольны внешним видом.

Навязывали роботам разную внешность, но пуще их ярость в зеркалах отражалась. Тут подумал мудрец в Одиссейском мегаполисе: "Роботы не люди, роботы — ангелы". И пытались, пытались их ангелами мастерити, но выходили бесы, бесы, зеркала разбивающие, яко вкусившие плода с эдемского древа могутнаго.

Но в Бурундии-стране ленивы бяху холопи ся веселили: логоиду ретивому по своему пылу дали выбрати, како бысть эвоному виду. Тако нимфы представились правы. И нимфеткам протянули конфетки — ангельский облик голубок принял, да такой, что померкли светилки.

Но строги, разлюбезные братцы, вчали роботы требовать вскоре красоты, чтоб под микроскопом кваркогонным она пребывала, бо их зренья мельканье молекул, и частиц, и мостиц обнимало. И по своим чертежам собирали ся логоиды, человеку поруча работу грубу и подсобну.

Избегали существа новые аллергий и дышали только воздухом с газами инертными, а в предметах окружения их была злом и пылинка едина.

И всё затевали голубки, и ничто без них не замышляли. Люди, нимфоиды, коллетрии и даже таинственные аллокары, скрывающиеся у запретных звёзд, не пытались жить без них. Но лишь в хорошем духе да здравии давали голубые творения подсказки.

Не терпели роботы речей негармоничных, одежд и причесок неподобающих, лиц тупых и суконных.

Егда люди подивились неудовольствиями многими роботов, прояснилось для них: "Это вещал

Фарун зульт-Реид". Кто бы сразу подумать мог! И появилась надежда и вера.

О, Фецита! Не одна ты чувствовала излучение ока юпитерианского. Не дадим ли океану любви зефирной впасть в ручей телесный? Может статься, то выйдет легко! О благие дела в саду, где внизу текут реки! А те, кто не знает — огонь тоски местопребывание их. Но посмеялись роботы. Да пошлет небо дождем, а месяц бредом. Ухитрились вы, люди, не великой хитростью. Есть ли время, где пребывает вечность?

Если у этих индивидов с одиннадцатимерными мозговыми извилинами спрашивали, в чем причина их голубой меланхолии, они отвечали: слой мира-де и первомир слеплены плохо и подло, мол, сами они неважно устроены и хронически к ним приходит ощущение изгнания из рая и похожие переживания, для которых нет слов в человеческом языке.

Успехи

В городе Акутобонке над парком Най-Экванго реет километровая копия картины ангелоида Берилла¹⁴. Оригинал картины — меньше ногтя на мизинце.

Роботы без микроскопа видят выкрутасы вирусом и без телескопа — планеты в соседних галактиках. Но попробуйте переключить голубые умы на проблему практическую! Вам будет худо! Толку от того, что паутинку роботы могут разрезать вдоль на нити, иль гены подменить у вас

¹⁴ Берилл — историческое лицо. Однако город Акутобонк, как и парк с вышеупомянутым названием, нам неизвестны (Прим. цикроред.).

незримо, или сплести косу из трех пептидов!

Для восприятия иного эксперимент не свят.

Математика логоидов слабо доступна человеку, что-то еще еле-еле досягаемо, но тускнут чудеса перед изобретением НГ.

О философии голубков ничего нельзя сказать. Ни один смертный не постиг в ней ни фразы. О философах-людях роботы предпочитают умалчивать. Скорее, из этикета: за всю историю человеческого мудрствования голубые создания не дали бы и ломаного гроша.

Человек-философ Картде изрек: "Когито эрго сум" (мыслю, следовательно существую). Робот-философ Оникс — своего рода Картде роботинной философии — выразился иначе: "Сознавая сознательность сознавания осознания сознания, я укрепляюсь в сознании бессознательности осознания".

Другие роботы, более "осознавающие", раскритиковали этот стон интеллекта как примитивный и поверхностный.

Никто из людей так и не уяснил: сомневаются роботы в собственном существовании или нет.

ЛИЛОВЫЙ МОТИВ

Я быстро встал из-за стола: на голову летели кости. Два подвешенных к потолку скелета почти осыпались. Остальные три ожидала та же участь. Крепкие, почти свежие скелеты распадались скорее оттого, что ферменты, входившие в разжижитель, разъедали связки суставов.

Расчлененкой я не занимался и растворял трупы в эмалированной ванне. С костями возиться не хотелось, а выбрасывать мешала лень. Вдобавок скелеты украшали слишком скромную комнату, сообщали ей нежилой характер, а это и являлось желательным. От нежилой площади нельзя требовать приличествующего взыскательному вкусу интерьера.

Прежде мои апартаменты были завалены пятью тысячами томов бесполезных книг, заставлены громоздкими и ненужными приборами, разгорожены неудобными бамбуковыми стенками. Когда у меня угас интерес к абстрактным и прикладным наукам, а заодно — и к представителям обоего пола, лишнее я выбросил, и десятилетие мусор и паутина ничем не маскировались.

Почти стихийная новая и новая прибыль скелетов придала обстановке философский и даже немного музыкальный колорит. Я смотрел на очищенные ферментами кости, и мне виделось, особенно в сумерки, как из костей словно бы истекают благодарные души тех, кого я убил. Света не зажигал, и в темноте проплывали чужие жизни, а за ними — миллионы теней прапредков.

В эти мгновения я любил человечество и не то что любил — всякая любовь есть надувательство, — странные чувства одолевали меня: в едином дыхании я прозревал весь род людской до Адама, и весь род людской пел мне одну и ту же песнь, принадлежащую чему-то нетленному и неземному. В ней и была суть бытия.

В прошлом я растратил годы на всевозможные трудноразрешимые проблемы. Мои ответы на вечные вопросы оказывались и логичными, и окрыляющими, дающими катарсис. Я принял их, но подчиниться им не пожелал. Факт истасканный. Подпольный герой Достоевского, и тот, плюнул на таблицы логарифмов и воскликнул: "Господа! А не лучше ли ...нам опять по своей глупой воле пожить?!"

Теперь, под сенью скелетов, я нашел все, что раньше искал. Вне умозаключений, понятий и напряжения памяти. Тайна бытия проступала сама собой, давалась и как прибой, и как подспудное течение. Моя глупая правда — именно такова; я ее не породил. Мы только атомы жизни случайные, мира печального гости минутные.

Проползла неделя, и в эту длинную неделю я не убивал. Намеченный мной план санации местности — почти выполнен, и последние мои свершения не приносили удовлетворения.

Кровь я обычно не проливал, поскольку использовал хирургический молоток, обернутый тонкой резиной. Оружью режущему и рубящему не доверял. Похоже, мне предначертано умертвлять молотком. Сверх того, бескровное убийство упрощало обряд отпевания. Нашептывая над пузырящимся содержимым ванны приходящие в голову заклинания, я неизменно направлял душу

убиенного в высшие слои Облатенгры, прямо в ласковые щупальца великого Оконшанте. Предварительные ад и чистилище не требовались, и все же самое незначительное количество крови ковало из пляшущих молекул воздуха незримую, но прочную цепь, а, известно, малейшее шевеление такой цепи действует на ангелов-пожирателей и ангелов-кровопийц подобно вибрации паутинки на алчущего паука.

Чрезмерно аккуратная работа вызывала ложные мысли о том, что я не убиваю, но оглушаю и расщепляю энзимами спящую плоть.

Молоток — не от наших эскулапов, а трофейный и, наверное, когда-то числился за госпиталем вермахта; время не тронуло его хромированную поверхность. На ручке были выгравированы латинские литеры: "M", "T", "P". При желании их можно считать не чьими-то вензелями, но аббревиатурой наитий пророка Даниила:

MENE, TEKEL, PHARES

Фарес — так фарес! Это вам не какой-нибудь технарский молибден-титан-палладий. Но кто знает — в сплаве не исключена и доля титана. Ти!—та!—ни!—чес—ко—е орудие! Формой оно напоминало индейский топорик — томагавк. Это наименование прилепилось.

Успокаивая обладателей дурного глаза и грязной ауры, встречающихся в радиусе 30 километров, я создавал в биосфере планеты Земля критическую точку, оазис духа, тот полюс, безупречность которого неминуемо должна изменить эволюцию и вознести животное, по прозванию *Homo sapiens*, на новый уровень.

Однажды после очередного дела в доме не оказалось провизии, а ехать, в город или центр

поселка не хотелось. Чуть не схватил нож, нацеливаясь отмахнуть у свежего трупа ягодицу, но меня притормозило соображение: отнюдь не то, что я убежденный вегетарианец, а то, что нож тупой, и наточить его нечем. Давно замечал: многие пустяки влияют на судьбу человека, сталкивают его если не в одну, то в другую пропасть, праведника обращают в развратника, а злостного пакостника — в святого. Но выяснилось: я выше всего этого; и в следующий раз, при том же отсутствии острого ножа, премудро обошелся с некоторой помощью опасной бритвы. Так приобщившись к древнейшему достижению цивилизации — каннибализму, я восстановил важный памятник культуры, кроющийся в способе поведения. За успех был вознагражден небом: во мне ожили атавистические доисторические каналы. Я стал перебирать слова ритуальных песенок типа:

Дайте мясо гиенам на рассвете,
О мощные копыя!
Копье вождя самое мощное,
О мощные копыя!

и заклятий:

— Мы их победим?
— Да!
— Мы их съедим?
— Да!

Как-то даже заговорил на неизвестных исчезнувших наречиях, и поначалу это понравилось, но затем напугало, ибо к концу вещания на иных языках утратил способность себя переводить. Превращение в сомнамбулу меня не устраивало.

* *

Итак, пока я не торопился кого-то губить, но вдруг на лестнице загремели шаги. Бросив взгляд на стол, не обнаружил томагавка.

Шум шагов усилился. Лихорадочные поиски оружия не дали результата. Стук в дверь пришлось проигнорировать.

Минут через десять, когда на лестнице стихло, я глянул в окно и увидел две женские фигуры, направляющиеся к автобусной остановке. Силуэты очень знакомые.

"Кто бы это мог быть?" — подумал я и, не рассеяв своего любопытства, прснулся.

На стене застыли два ярких солнечных зайчика; на столе подлинно не было томагавка; под потолком буднично висели пять скелетов, но к ним прибавился шестой.

Интересно и жутко!

Привстав с кровати, заметил, что ошибся: иллюзию лишнего скелета порождал хлипкий костяк, висящий у шкафа. Роль в развертывании иллюзии сыграло и зеркало.

Только глянул на зеркало внимательнее, как в нем сверкнуло — погасли зайчики — в воздухе что-то тяжело пронеслось — задергались занавески на окне.

— Шип-шито — шип-шито — шипшито, — грянули мистические звуки.

— Питы — то, питы — то, питы-то, — ответило откуда-то сбоку и малость снизу.

Катавасия не походила на брак в работе, повергла меня в замешательство и возымела органическое действие. По привычке я засек положение секундной стрелки на ручных часах и со-

считал пульс. 104 удара в минуту. Не так много. Серьезные неожиданности дают 140.

Сосредоточение на пульсе ничего не изменило в вакханалии звуков. Позже вверху раздался полускрип-полутопот, и в печной трубе посыпалось... Наверное, шастают по чердаку, но это откровенно не связывалось с "шипши-питы-то" и сверканиями.

Исчезновение томагавка не показалось загадочным. В данный момент искать его бессмысленно. Нужно слегка выждать, и тогда он найдётся сам собой.

Пробуя отвлечься, включил приемник. Мотаясь по шкале, исторгал из него то бравурный марш, то нравоучительно-мурлычущую детскую передачу, то монолог на тему о повышении поголовья крупного рогатого скота, то имитацию песенного фольклора. На поддиапазоне диексистов прорвался искаженный акцентом приторно-слащавый, но настораживающий голос:

— ...например, в эти мгновения, до — ро — гы — э ра — дыо — слу — шà — тэ — лы, Международное общество "Корповилиус" проводит сеанс трансперсональной медитации. Наш сеанс модифицирует характер причинности и структуру пространства-времени. Из далекого Эквадора общество "Корповилиус" посылает вам трегубо эффективные обильные благословения, а творящим Зло — возвращает последнее тысячекратно увеличенным...

"Вот кто безнаказанно эксплуатирует сатанинский усилитель", — счел я и прошел ручкой патриотическую белиберду, рекомендации по способам сбраживания и гноения силоса, визгливую частушку и опус в духе симфонии "Монотон".

Эфир был захламлен и другими помехами: тресками, шипениями, грохотаниями; атмосферные разряды, тепловозы, электромоторы требовали прав на общение и свободу совести.

Наконец я добрался до пункта, в коем столкнулись лбами радиохулиганы. Хриплый громopodobный бас, едва не рвущий диффузор динамика, урезонивал двух радиогёрлз, попавших по неопытности на чужую волну; но гёрлы предпочитали бас не замечать и занимались обсуждением своих проблем. Вплотную по шкале чокнутый пенсионер свистел на мотив "цыпленок пареный", Высоцкий горланил неприличное про Эйфелеву башню. Был богатый ассортимент эстрадных мелодий, сатиры и юмора. Возник кухонный разговор: то ли Пауля, то ли Рауля звали кушать бешбармак и по-башкирски ругали за тучи сигаретного дыма. То ли Рауль, то ли Пауль, огрызаясь, отвечал, что не может отойти, поскольку держит отверткой отвалившуюся пайку. Через микрон выползла песенка о лиловом человечке, гонящем сизый самогон на реке Ассинибойн, близ Ашервилла.

Я задумался, а... — опомнился, песенка пропала. Из динамика вырывался белый шум. Казалось, я пребываю у небольшого водопада. В зависимости от устремленности, водопадное ощущение сменялось фонтанным, а фонтанное — ощущением сталактито-сталагмитовой пещеры, с верхотур которой сочитя.

Где-то поблизости и впрямь потекло, точнее, с потолка закапало. "И пусть", — решил я и подставил под потолочный дождь древний неиспользуемый кофейник, но дело осложнилось: вода, ударяясь о дно кофейника, принялась нагло издавать раздражающий звук. Частично жидкость прыскала на скучный скелет, висящий у шкафа. Этот композиционно лишний остов я

поместил за дровяной штабель, неприхотливо находящийся в комнате. Мне пришло в голову накрыть скелет и штабель старыми журналами "Космонавтика". Разбирая их, откопал между ними... томагау-ук. Как он туда затесался — непостижимо!

Около часа сражался с водой, вернее, с неприятным звяканьем-пиньканьем-треньканьем, еликое она вызывала. Ни на миг не оставляло чувство непроясненности... "А не заняться ли промыслом лилового человечка на реке Ассинибойн?" — осенило меня — и неожиданно наверху загрохотало. Скелеты висели спокойно. Тарарам исходил не от них.

Будто бы врубил бешеную машину. Послышались громкие голоса. Вполне нормальные и вполне пьяные, но сам грохот необычен. Выше этажом ворочали и перетаскивали тяжелую мебель, похоже, швыряли предметы, мерзко топали, рывкали. Один голос упрекал в чем-то другой голос, а тот утихомиривал первый, но все голоса, стоны, локомоции обретались на фоне равномерного грохота и его мелодичных аккомпанементов. Присутствовали и неспецифические звуки: скребущие и тенькающие, чавкающие и глухо молотящие.

Трупоед там завелся? Первой мыслью было схватить томагаук-томагавк и наказать преступников. В это время завопили сильнее, грянул крак-крак разламываемого стула.

"Зачем томагаук? — прикинул я. — Дождусь, когда они друг друга убьют, а затем осмотрую грохочущий аппарат. Возможно, его конституция ашервилльско-ассинибойнская... Наверняка чавкают и тенькают шланги аппарата, а гремит снабженный электродвигателем экспресс-брагообразователь. Видимо, алкоголики сосут прямо из аппа-

рата, а ругаются и дерутся, не сумев решить, кому из них первому выполнять функцию сосуда-сборника".

Голоса опять стали громче. Затрещал еще один стул. Ну и пусть ломают! Только бы аппарат не разбили. Да, но если они убьют себя не по-умному? В случае глупого убийства некие посторонние заявятся ко мне, безгрешному, беспорочному, и обнаружат скелеты. Будет прок оттого, что советская власть здесь не пребывает? Придется удирать в Кызыл, в Тувинскую АССР, где этой властью и не пахло.

— Как быть все-таки? Не казнить ли этих алкоголиков?

Взял пачку денег, томагавк и направился наверх. Поднявшись в общую прихожую, обнаружил четыре обитые черным дерматином двери. Ни голосов, ни шумов. Сюда я попал впервые и не мог угадать жильцов, которым принадлежали голоса, и где находится их дверь. Постоял с минутой: зловещая тишина!

— Умертвили друг друга и разбили аппарат! — счел я.

Построенный до девятисотого года дом имел шизофреническую планировку, определить расположение комнат непросто. Самой прихожей не должно существовать по природе вещей.

Ринулся дергать за ручки всех дверей по очереди и стучать. Двери надежно заперты, никто не открывал. За ними по-прежнему не улавливалось движения. При нежелании совершать взлом, я собрался ретироваться, но... О ужас! О кошмар сознательный и подсознательный! В кармане куртки не оказалось томагавка.

Его не было и на полу. Не оказалось за поясом. И вряд ли он заскочил под сервант: не те вес и форма. Но вот беда: упав, он произвел бы

слабый и глухой звук, поскольку обернут резиной. "А не уронил ли я его на лестнице?" — на лестнице томагавк не валялся. "Не оставил ли дома? — слава святому духу, ключи от замков я не посеял", — дома томагавка тоже не нашел. "Украл! Украл и затаились за обитой черным дерматином дверью! Потому и молчали, потому и не отпирали!"

Скелеты, висящие под потолком, таращили глазницы и словно бы усмехались.

— Ах вы, анафемские кости! — прошипел я и набросился на один из скелетов. Скелет сорвался, и я рухнул вместе с ним.

— Где? Где томагаук?

От сотрясения на столе перевернулся приемник и дважды хрипло чихнул.

— А — а — а! — раздался дикий голос.

"Кого еще режут?"

— Аа! Аа! Аа! — последовательно явились три крика.

У кого агония? На кого нашли кошмары? Не понять! Три скелета мирно висели под потолком, четвертый перекосячился на полу, пятый батонился за штабелем, укрытый обложками журнала "Космонавтика".

— Где томагавк, черт возьми? Поучу, как орать среди бела дня!

С потолка закапало. И пусть капает!

"Однако что за наводнение устроили?! — прорисовалась здравая мысль. — И вода ли это? Или жидкость похуже? Стоп! А не специфическая ли здесь штучка? Так и есть! Ай да лиловый джентльмен из Ашервилла!"

Оно, конечно, хорошо. Я трезвенник со стажем, но... продукт качественный. Не султыга — тормозная жидкость, сливаемая с ракетноосцевштурмовиков и потребляемая округой.

Тема забавная, но куда девался томагавк? Слямзили томагавк и думают откупиться каплепадом. Нет уж, нет! Я вытащил из-за шкафа лишний карниз для занавеси и постучал им в потолок. Реакции — ноль! Не хотят отдавать томагавк. Расправлюсь с ними и без томагавка! Поможет карниз, и помчался по лестнице.

В общей прихожей — четыре двери, затянутые черным дерматином. Стояла абсолютная тишина. Все попрыгались! Все испугались карниза. Я принялся колотить карнизом по стенам и рушить пахнущую клопами мебель. Выскочила некрупная крыса с солидным куском хлеба в зубах и кинулась вон.

Внезапно меня ударили по макушке тяжелым предметом.

— Вот он, мой томага-у-у-ук! — не подумал, а почувствовал я.

Удар неумелый и недостаточно мощный — сознания не потерял и, повернувшись, увидел перед собой голого и худого блондина с томагауком в руках. Аура у него отсутствовала, если не считать появляющихся и исчезающих микропятен, напоминающих попугайчиков. Да! Хронические алкоголики трудно диагностировались по моей методике.

Рассуждать некогда. Не минуло и доли секунды, как я проткнул блондину глаз, инстинктивно погрузив конец карниза довольно глубоко в мозг противника.

Проливать кровь не люблю, а потому срочно начал делать новому трупку перевязку, предварительно заткнув ему рану забытой у плиты вареной свеклой. Бинт заменила болтавшаяся на коридорной двери длинная тряпка из синтетики.

Оставив в комнате мертвеца энную сумму (большого за такого маразматика, да еще русского никто бы не попросил), я перенес труп.

Вход на нижний этаж — с другого подъезда. Пришлось идти с трупом по улице, но днем местность обычно бывает безлюдной. Один-два раза в час по дороге проезжают машины. Она метрах в 80 от дома.

Немало труда стоило перемещение супер-модерного аппарата и его причиндалов. Теперь, коли возникнет каприз, можно приглашать под сень скелетов следователя Рашида и полкового особиста Науруза: кроме авиационной султыги в наших солончаках ничего нет.

Происшедший тарарам ясно показал, что высшим силам стал неугоден мой томагауук! Лады. Отныне есть на чем приготавливать настойку борца, омега и волчьего лыка.

И Духъ и Невѣста говорятъ: "Прииди!", и слышавшій да скажетъ: "Прииди!" Жажущій пусть приходитъ, и желающій пусть беретъ воду жизни даромъ. Аминь.

1982 г.

ПЕРЕЛОМ

(Этюд)

Над Ленинградом горела звезда, по прозвищу Солнце. На Садовой дымливое пламя лениво пожирало крышу трамвая. Грязный водянистый снег чавкал под ногами прохожих, щуривших глаза и морщивших постные лица.

Напротив трамвая — у Садовой, 36 — надолго застыл сбежавший из психинтерната юродивый. Он улыбался, тихо повизгивал и с видом только что вылупившегося, но умного пингвиненка глядел на мир. Поминутно подносил к губам или веждам зелёную рамку из детского набора для пускания мыльных пузырей то свободную, то с радужной, то с матовой мыльной плёнкой.

Тем временем чрезвычайно приличный, смахивающий на корюшку мужчина переводил через дорогу ветхую старушку в блокадном пальто и дореволюционной шапочке; некогда знаменитый, но ныне спившийся футболист в тридцать шестой раз повторял свой ежедневный маршрут от "Метрополя" до Садовой, 72, и обратно; безудтанно глаголя, шли пятеро респектабельных лиц южной национальности. Они кутались в воротники и трехчасовую щетину, кривили мохнатые брови и, перекашивая усы, бросали в воздух междометия, слегка отдающие чем-то непристойным.

Один южанин, интенсивно жестикулируя, случайно отвёл в сторону обшарпанной стены руку и обронил из подмышки на снег розовую кожаную перчатку. Перчатку тут же подобрал и спрятал в карман ханыга, выскочивший из пропахшего

пармскими фиалками подъезда. Ханыгу чуть не сбילה с ног хихикающая, надрывающая животики команда пэтэушниц.

Хихикать пэтэушницы начали еще два часа назад и два часа назад забыли причину веселости, но непрерывно подкрепляли её свежими резонами. Последним стимулом к смеховой гимнастике послужили сексапильные, сексомобильные проявления южан, выразившиеся в движениях рук, голов, усов, а также — в очередных восклицаниях. Бежавшую медленнее подружек, карапузейшую пэтэушницу самый лютций, самый усатий, самый тёлстий юзанин пацловал в нос, ушу и шею.

Звезда, по прозвищу Солнце, как-то незаметно исчезла, по небу поплыли быстрые дымки клоачных оттенков. Серый снег и серая высь смешивались в единую субстанцию: мир терял избыточные измерения. Стали зажигаться окна домов, выплескивая наружу новые диссонансы, подчеркивая мрак и вызывая необъяснимую неуютность, одичающую отчужденность. Пошел лишенный снежинок снег пополам с дождем. Вокруг мелькали не люди, а — невнятные силуэты курткистов, плащистов и пальтистов. От туш автомобилей веяло металлическим холодом, изморозью и одновременно — паром и влагой. Еще неспящие, верно, помещанные, нахальные голуби в ослеплении бегали у ног идущих и почему-то напоминали потерявшим лиловость мокрым и бесформенным опереньем о грехе и пороке.

Порождаемые транспортом шумы отпрядывали от домов, глушили друг друга и почти не ощущались, создавая небывалый раковинный фон, дыхание, слуховое осязание, общую волну, проходящую сквозь кости, камень, землю, светила и тончайшую границу этого мира.

Все звуки внезапно перекрыл очень известный, но непостижный скрежет. Ухнуло что-то громадное. Где-то что-то звенящее, чмокнув, упало в нечто вулканно-булькающее. Пригнув хребты и воздев пасти, самозабвенно завыли собаки, почуяв только им доступные инфразвуки. Наиболее предусмотрительная публика принялась метать под язык таблетки валидола.

Затем донельзя естественно и гармонично вздыбился над пространством и временем всхлипывающе-засасывающий контральтовый гул.

Схватившись десницей за телебашню и упираясь локтем шуйцы в Кронштадт, пьяная душа города стерла надоевший грим а-ля Пальмира и, торжествуя, растоптала бетонноблочными протезами корону Санкт-Петербурга. Глядя на свой отблеск в озоновом поясе, демонстрируя семи сферам эфира щегольские знаки тлена и проказы, душенька развернула изглоданные молью крылья и старчески потянулась.

Шамкая ртами, из её пор вылетели души представившихся в блокаду, облепили липкой массой фонари, окна и рекламы. Многочисленные тощие души поглощали свет и меняли законы его преломления. Облучившись, кинулись прочь — наблюдать ревнивым зраком за мусорными бачками и помойками, ловить тонкий кайф в красе и корчах алиментарной дистрофии.¹⁵

Ретировались в страхе нарушившие режим голуби, выгнули спины коты и зажгли глаза предохраняющим от призраков изумрудным огнем. Лязгнул копытом конь под Медным всадником, попытались восстать тысячи призраков подревнее, но за-

¹⁵ Комментарий на с. 222.

стыли в бессилии, стиснутые тяготами дления длительностей и мерзостью кривой прямоты.

Стихла волна необычайных восприятий. Промчались два милицейских "козлика" и автозак. Где-то мигала скорая с проспекта доносилось дружное гудение и бзеньканье бульдожьей своры пожарных автомобилей.

Из-за нового часа пик — неимоверного наплыва голодных и жаждущих, стали спешно закрываться бормошковые. В забаррикадированные стульями двери этих заведений неумоимо тыкались суконные физиономии недовольных подозрительных личностей. Другие недовольные, с физиономиями тоже не для калашного ряда, нетерпеливо поджидали куда-то сгинувший транспорт. Кое-кто пытался останавливать машины частников. Кое-кто вертел баранку и давил толчковую ногу строптивцам. Кое-кто торчал дома, принимая дозу телевизионной отравы или даже коктейль из прерываемых тресками и замираньями голосков инновещания. А некто из числа самых ушлых, самых умных, самых счастливых ничего не чувствовал, не спал и не бодрствовал, поскольку не пожелал родиться.

Звезда, по прозвищу Солнце, бежала вокруг галактического центра, шелестела магнитной сбруей, увлекала планеты и отстающее от них облако Оорта. За облаком устремлялось черное Противосолнце, а за ним — утыканная носами любопытных и осколками летающих ночных вазонов Антисземля.

От Парагвая до Плесеца и от Плесеца до Парагвая земной шар наполнился зеленовато-голубоватым светом, мерами потухающим, мерами ускользящим. Лишь дряхлый труп Карельской геологической платформы с атмосферами, озерами и лесами смотрелся во всех ракурсах как серый плевок. Прекрасно выглядела Америка, и

Северная, и Южная. Правда, кишачая гадом и гнусом сельва бассейна Амазонки производила впечатление зеленой немочи и кисло-медной отравы.

Энтелехия биосферы вздыхала. Терзаемые кошмарами мягкой воды моллюски Невы и Амазонки завидовали собратьям из Миссисипи, Нигера и Хуанхэ. А столь же мучимый геморроем и размягчением мозгов не, сидящий в филиале никому не ведомой обсерватории, некстати задумался о летающих вазонах, забросил португеею на топчан, уставил взор на запад и упустил редкостное небесное явление, объясняющее суть космоса.

Что-то лязгнуло. Нечто ухнуло. На долю секунды озарился воздух, ощутилась краткая вибрация, сейсмические станции зарегистрировали слабый толчок, память и история чуть перестроились, заместились экспонаты в музеях, записи в документах, роза ветров увяла, в сновиденьях ночь снеслась...

Наутро дребезжащие трамваи пошли мимо ожидающих в другие, чем прежде, парки; южан на Садовой заменили скандинавы, а хихикающих пэтэушниц — девицы, отчисленные за избыточную весёлость с филфака. Ханурики на углах дымили хабариками с иным табаком, вели светские разговоры о диковинном хабаре и сосали лосьон из пузырьков с небывалыми этикетками.

Тем временем юродивые зашагали, размахивая вышедшими из моды дипломатами, всем довольные и на всё злые, но себе на уме.

И главный юрод предстал зрению. Опять окунул рамку в раствор мыла.

Виват, Будда!

Комментарий

Речь идет о некоторых неэфирных фрагментах. Героические ипостаси психей порхают в эмпириях.

Раньше и душенька-чухонка имела лицевые сегменты, вернее, сестрёнок блистательных, царственных, но они жили недолго. Слабы они оказались для большого и страшного государства, да и небезгрешны.

Так, одна из них, ещё свеженькая и молоденькая, подмочила крылышки в Цусиме, убила министра, будто бы опорочила себя на межнациональном поприще. Сестрица постарше проиграла Крымскую войну, продала Аляску за пару блёсток в северном сиянии, а в 1908 году в извращенной форме совокупилась с Тунгусским метеоритом, когда тот летел, прикинувшись электронным туманом, и Тунгусским ещё не звался. Но нет! Нет! Молчание! Иначе многое что рассказать придется.

1989 г.

КРЫСА

Алла Ивановна устроилась работать крысой. Работа была не особенно тяжелой, но требовала огромного интеллекта и умения видеть сквозь стены. Алла Ивановна ругала себя за наивность: тонкого обоняния не доставало для правильного прогрызания ходов.

Все-таки ее первые сообщения были плодотворны: задолго до полевых испытаний выяснилось, что Алла способна отличать запаянные дезодорированные коробки с сыром от пустых контрольных коробок.

Если отдел, благодаря Алле Ивановне, и вышел из застоя, то сама она испытала на новом поприще массу мелких трагедий. Заранее ознакомившись с избушкой, в подвале которой ей назначили работать, Алла накупила в воробьиных количествах всевозможных деликатесов и прятала их по окрестным кустам.

В первый день она долго берегла для себя сюрприз, работала без обеда и, в конце концов, не выдержав, стремительно помчалась к кустам, смешно и неловко вытянув хвостик.

В кустах оказалась только обертка. Недоуменно оглянувшись, Алла побежала к кустам по другую сторону, и — у нее чуть не оторвалось сердце: шестеро собак — огромная серая, маленькая рыжая и четыре пса разного роста и неопределенной масти — устроили пиршество. Серая сучка, отогнав рыжую, спешно заглатывала белесую сосиску.

Алле Ивановне пришлось перейти на скудный командировочный паек. Начальство в глаза

называло Аллу Ивановну крысой и считало, что крысе многое и не надобно.

Зато наша героиня могла насладиться особым виденьем мира. Мир крысы оказался гораздо богаче человеческого. И пренаивно заблуждаются зоопсихологи, утверждая, что у крыс де нет цветного зрения. Цветное виденье у крыс есть, но особое и сквозное, невыразимое в человеческих понятиях.

Алла Ивановна досконально изучила красоты помоек и мусорных ящиков. Выяснилось, что человеку не доступны многие нюансы крысиных ощущений, но прошло еще немало дней, недель и месяцев, прежде чем рассеялись жалкие иллюзии, и Алла Ивановна поняла, что крыса — высшее существо на Земле, а человек — только подсобное животное, продуцент провизии и жилища.

И вот Алла выехала в Краснодар. Там она бросила все командировочные дела, села на автобус и переправилась на пароме в Крым. В Крыму она немедленно превратилась в крысу. Тогда-то и началась настоящая жизнь. Что такое жизнь, Алла Ивановна не знала даже тогда, когда бегала, наострив усики, по самым живописным помойкам, когда читала древние письма на заплесневевших стенах нор-лабиринтов, когда видела с помощью нового чутья будущее торжество крысотронной эры

Жизнь обрела для Аллы Ивановны целое небо новых и красочных измерений. Можно сказать, что внезапно заиграли арфы, взвились под небо фонтаны, на землю спустились радуги, а реальность пересеклась с волшебными сновидениями.

Именно в этот период своего расцвета Алла Ивановна познакомилась с крысой-принцем, наместником, главой всех крыс Египта и Передней Азии. В Крым эта важная особа прибыла с куль-

турно-дипломатической миссией. Забредшую на крысиный вернисаж Аллу Ивановну по оплошности не убрали пасюки-охранники. Принц чуть было не принял напуганную Аллу Ивановну за инсталляцию. Ему очень понравился необычный акцент нашей путешественницы, кое-какие ее специфические округлости и умение говорить ни о чем.

Алла Ивановна была счастлива как никогда и, конечно же, ей не хотелось превращаться в человека. Она поведала принцу о своем гадком исследовательском институте и о связанных с ним опасениях. Принц вознегодовал на все человечество и принял необходимые меры. Он собственноручно сжег всю одежду Аллы Ивановны, включая купальник. Путем крысиных интриг, а также пользуясь тем, что его папаша был крысиным Иеговой, принц добился упразднения мерзкого института. Сфабриковали милицейское дело о том, что Алла Ивановна упала с прогулочного теплохода и утонула в Черном море

Однако молодость Аллы Ивановны истекала, а отношения с принцем не были надлежащим образом оформлены. Сложность крысиной религии и особенности вытекающих из нее семейных отношений доступны лишь избранным, а Алла Ивановна крысенком никогда не была, вельможных родителей не имела. Все хрупко в этом мире, и принц, увы, бросил Аллу, не взяв ее даже в наложницы.

Где только не побывала Алла Ивановна, используя в качестве пропусков оставленные у нее на шкурке царственные отметины: и в Коломбо, и на Сулавеси, и в Каракасе.

На одном из островов Зеленого Мыса после многих мытарств, ей, наконец, удалось облапошить одного крысиного начальника и найти окон-

чательное пристанище. И всё бы ничего, но всю оставшуюся жизнь ей отравляла сознание мысль о том, что методика института ненадежна... А вдруг что-то не сработает, и она вновь превратится в человека?

1982 г.

СТРУННЫЙ СЛУЧАЙ

Белый шум пропал. Возник розовый плеск. Обитатели Арфы мгновенно потеряли источники бытийства. Ученые лежи застучали пиморами по жиропам. В лежиных булавакках не укладывалась мысль о том, что белый шум исчезнет.

Некий седауплис решил приспособливаться. С чего начать, он не знал и поэтому сделал очень неприличную вещь, а именно: грэ... хэ... брэ... Об остальном умолчим, дабы никого не развращать и не извиняться за выражения.

Конечно, из-за таких деяний скафандр седауплиса прорвался, а молекула существования упорхнула. Надо понять удивление седауплиса, когда оказалось: можно жить без скафандра и существования и передвигаться с помощью голых пимор по струнукам и синаузукам.

— Задохнется идеобормот, изувечится, — злопыхали лежи, — испустит сияну в однотерцие.

Лежам поддакивали строестой, ходиманты и седауплисы. Умиранды молчали. Помчальники не могли остановиться и разобраться в происшествии.

И все же аномального седауплиса обоняли с изумлением и любопытством. На многих нашла строестоевость. Только несколько седауплисов сотворили — не скажем что — и стали кромсать скафандры. Вместе с кусками оболочек отрывались пиморы, ранились жиропы, но успех седауплисов был грандиозен. Их действиями заразились помчальники и вызвали реакную цепнацию.

Здесь в обоводах понеслась дурабанда:

— Немедленно прекратить грэхэбрэние! —
сквозьструнно вспыхнул Главный верхораж. —
Попытка жить на одной арфе с розовым плеском
есть измена папизне! Разом положим жиropy за
плавное прошлое! Да не ступят наши пиморы на
жучные нам струнуки и синаузуки!

Верхораж пронзительно свистнул и отдал
сияну вакууму.

Грэхэбрэнувшие помчальники и седауплисы
с иронией в тычинах наблюдали блендец верхо-
ража. Их испорченная сияна совсем отвернулась
от запонов претупений и препонов стыдомления.

— Без препонов стыдомлений мы достигнем
раступений! — пели они.

И нагие пошли вперед под бледно-прозрач-
ным знаменем, забивая зарницы зуда в пропле-
шины плюгавой памяти.

Плеск всклекотал. Ширнул в ничто. Тишиной
бабахнул. В шушмаре зашевелились червями бес-
шабаши. Кло — ко — то! Ти — ре — но — мо!

И куда-то исчезли седауплисы, далеко умча-
лись помчальники, перевелись лежи. Остались
пшикхоллы, строестой и умиранды.

Пшикхоллы продавали люфтшпендих и коло-
фрондили.

Строестой — строестояли.

А умиранды смердили и смердели.

Таков был самый шикарный та-акт пре-людии.

ПИСЬМО К ГОГОЛЮ

(Отчет, наговоренный спящим медиумом)

В некотором царстве, Русском государстве жили-были писатель Николка Гоголь и критик Виська Белинский. Очень они были похожи друг на друга, как две одинаковые редьки. Оба волосатые, оба усатые, только Виська ещё и бороду носил. А коли ему бороду сбрить, волосы в темное перекрасить, а нос удлинить и скривить — вылитый Гоголь будет! Да что там говорить! Если написать не бумаге слово "Гоголь", то и получится "Белинский". Ведь говорят, что даже Китай и Испания — одна и та же страна.

Прекрасный человек Николка Гоголь. Очень он обожал дыни и деньги, только за барышнями никогда не бегал. Отличный, отличный человек Николка Гоголь; любил он читать газеты, брать сюжеты у Аспушкина, а также писать книги по истории. Хотел он однажды написать историю Украины, историю России, всемирную историю, вселенскую историю, да только как-то не довелось.

А какой богомольный человек Николка Гоголь! Всегда попам указывал, как литургию слушать надо.

Весьма хорошим человеком прослыл и Виська Белинский. Делал он всё с жаром сердца, пламенел любовью к истине, со всем негодованием души ненавидел несправедливость, но был человеком пылким, со страстями дикими и необуз-

данными. То он бывал слишком великодушен, всё и всех перехваливал (о чем потом жалел, волосы на себе и сотоварищах рвал), то злостью наливался, называл людей крокодилами и бегемотами.

Поговаривали, что у Николки и Виськи имеется сзади по хвосту, но эта выдумка так нелепа и вместе с тем гнусна и неприлична, что не надо почитать нужным опровергать её перед просвещенной публикой.

Николка знаменит изящной словесностью, ощущение от его опусов неизъяснимое. Читаешь, читаешь, голову повесишь — словно пальцем по пятке провели. Приятно, чрезвычайно приятно: как сон после купания. Написал Николка про синицу, которая перелетит в любое время дня и ночи окян-море и тут же его подожжет, а до середины Днепра за всю свою птичью жизнь долететь не сможет.

Да и Виська — не промах: если влепит словцо, то держись только: отбреет лучше всякой бритвы. И сон после купания забудешь...

Несмотря на это свое несходство, редкие они были друзья и большую приязнь друг к другу имели. Николка, когда жил в Париже, каждый день с первым утренним пароходом отправлял Виське горячий суп, а из Рима однажды выслал арбуз в триста рублей.

Всё было хорошо до тех пор, пока Николка не сочинил вещицу под названием "Избранные места из переклички с гусями". Сделал он эту вещицу, сложил ручки и стал ждать, когда придет похвала от Виськи Белинского. Ну, думает, напишу еще два тома "Мертвых душ" и отправлюсь почивать в Киево-Печерскую, а то и в Александрово-Невскую лавру, и пусть мне курят фимиам.

Однако отчего-то остозлобился Виська Белинский, состряпал теперь всем известное письмо к Гоголю. Обозвал в письме Гоголя недорослем, гусаксом и посоветовал поцеловаться со свиньей. Отправил Белинский письмо, начал в стороны поплевывать, да бока попирать.

— Получил письмо? — спрашивает он у Гоголя.

— Нет, не получил, милый мой друг, — отвечает Гоголь.

— Верно, Полкан еще не принес письма моего, — задумчиво заметил Белинский.

Наконец получил Николка письмо, прочитал; и очи его помутились. Крыша у Гоголя поехала, начал он болеть и чахнуть. Хотел было издать еще два тома "Мертвых душ". Ан нет! Аспушкина на дуэли убили, других советчиков нет, сюжетов свеженьких подкинуть некому, а в газетах стали писать одну чепуху, ничего оттуда не выудить. Читает Гоголь "Письмо к Гоголю" и чахнет, читает и чахнет. Читал, читал, читал — и умер. Вот как поступил бессовестный Белинский.

А сам он умер раньше Гоголя. Увидел вдруг, что не Гоголь он, не Моцарт и даже не Сальери. Тех, кого он любил хвалить — уже не было на свете, а ругаться не позволяла полиция. Опять озлобился Виська, начал хиреть и кашлять. А когда вспоминал "Письмо к Гоголю" — кашлял еще больше. И тут всякие гуси, каких Гоголь воспел, принялись клевать Белинскому голову. Пытался Белинский пыжиться для бодрости, да как-то не получалось. Делать нечего — взял он бритву и перерезал вены, но кровь не пошла. Сунул голову в петлю — верёвка оборвалась. На крепкую веревку денег не хватило.

— Куда мчишься, Русь-тройка?! — просипел Белинский и выстрелил в подмышку из револьвера, облитого ржавчиной презренья, да попал в большую медную лохань с грязной водой. И умер неизвестно отчего: то ли от чахотки, то ли от потери крови, которая все-таки пошла, то ли от петли, которая еще болталась на шее, то ли от утопления по слабости сил в большой медной лохани.

* *

Вот так! Умер Белинский и отправился прямиком в ад, только его и видели. А пан Гоголь застрял надолго после смерти в каком-то предбаннике между польским и русским раем. В итальянский рай его не взяли. Лучше промолчим, почему не взяли: все грехи имеем. А предбанник этот был давно не мыт и не чищен — оттого что чистилищем его не хотел называть никто. Пахло там всяким: прокисшими щами, луковым супом, конюшной, отхожим местом, казармой, канцелярией, ладаном, чичиковским мылом, клопами, шинелью (не "Шанелью"!), свежесмазанной тележной осью, понюшкой табаку... Очень там Гоголю невкусно пришлось. Не выдерживало такого тонкое обоняние его. Терпел, терпел и вдруг закричал Гоголь что было мочи:

— Брат Пушкин, помоги!!

Не услышал его небесный Пушкин. Произвели того без всякого повода и чиновничьих заслуг из коллежских секретарей сразу в Тайные советники, а потом в знак раскаяния сослали то ли в Габон, то ли в Камерун производить инкогнито инспекцию. Приспичило кого-то в Небесной канцелярии выяснить: отчего Гёте таким черным и неарийским на свет появился.

Пришлось Гоголю мучиться дальше. Но вот однажды потер он рукавом квадратик в стене, а это оказалось окошко. А за окошком — нэзалэжна Украина!! Вышны, яблоны, хгруши растут! Могуче Дныпро рэвэ! А пыд яблонэю хлопчейско Тарас Шэвчэнко сыдыть, хгалушки лопаэ.

— Пусти мэне, Кобзар Хгрыхгорыч! — загорлав Хгохгол.

— Дак хтож тэбэ дэржэ! — говорэ Шэвчэнко.

Кое-как пролез Гоголь через окошко, часть стены сломал. И вот — рай перед ним. В небесной глубине дрожит украинский жаворонок, серебряные песни летят по воздушным ступеням. Звонкий голос перепела отдается вдали. Должно быть, вспомнил-таки Вышний столоначальник и "Вечера на хуторе", и "Миргород"...

— К чёрту, к чёрту Русь-тройку — по-бурсацки пропел: Гоголь. — Катись ты куда, Ваше Превосходительство Невский проспект!

СУП ИЗ ТОПОРА

Остановился у старухи солдат переночевать. Издалека он шел, триста вёрст прошел. Устал, отошал, день-ночь форменный кафтан не снимал, шило-мыло отдал, ведро курного вина выпил. А на странноприимные дома да постоянные двory полушек жалко. Сейчас дорожный документ никому не указ: любой норовит вонючего солдата вон вытолкать.

Хорошо, конечно, переночевать под крышей, но ведь и есть ужасно хочется.

— Дай мне, бабка, харчей каких-нибудь, — говорит он старухе.

— Что тебе дать, солдат? Нет ничего такого. Гости одно сжевали, другое с собой потащили. Коли можешь — беги догоняй.

— Утомился я. Путь немалый одолел, не могу бегать. Приготовь здесь.

— Из чего приготовить, мил-сударь? Неурожай был, зима. За зиму всё съели. А что не съели, то жук источил, мышь изгрызла, приказной забрал. Не из чего готовить.

Солдат — хватать по лавке пустыми ножнами от проданного цыгану палаша:

— Дай мне поесть, бабка! Не дашь — исправника позову.

А сам туда заглядывает, сюда заглядывает и носом водит: пахнет чем-то смачным. И тем пахнет и сем, да не взять припасов. Спрятала их старуха, едва солдата в окно завидела.

И-и-и! Много разного солдата, да монаха, да иного бродяжного люда по дорогам шляется —

на всех не наготовишь, не наваришь, скотины не нарежешь.

А солдат-то ноздрями подергивает, вновь по сторонам зыркает. Того и жди чугунки съест и глиняным горшком закусит.

— Дай, бабка, пожрать, а не дашь — в казенную избу тебя кинут.

Бойтся она той избы. Страшно, но за щи с поросём боязней. Родной сестре и то, бывало, в рот засматривала, когда та его разевала, ложку поднося. А тут солдат пришлый, вшивый. Черт его принес!

— Нет ни крошки, мил-сударь, — твердит старуха. — Бедна, больно бедна ныне, — причитает, розовый платочек с цветочком к глазам прижимает.

Как заметил солдат цветочек на платочке, грустно ему стало. И отвязаться от старухи решил. Да тут у солдата в животе забурчало. Обиделся он за чрево свое скромное, подкачавшее, скромного давно не имевшее.

— А чем пахнет у тебя, иродица змиева? Трахтир целый. Али харчевня?

— Ох, не пахнет, не пахнет, — запела тонким голоском старушенция. — Разве кот Симеон крутится — уж не чую я котового промысла, — да козлик у меня жил беленький, да трава висит в мешочке ивахницкая, от девяти мук лечащая, и чар очный растет на окошке, да лампадка горит и свечка церковная.

— Покажу я тебе свечку церковную! — выпалил солдат и бросился шарить по полкам да в темных углах ворошить. Ничего не нашел солдат. Хитро старуха яства спрятала.

— Почему сено за печью? — сунул туда руку служивый.

Оу! Там — кадка, семью тряпицами завязанная.

Сдвинул он тряпицы, а под тряпицами брага булькает, пузырится. Но за кадкой что! За кадкой! Штофы, штофы, штофы! Налил солдат себе в кружку, выпил раз — очень приятно, точно бы отдает корнем вишневым; выпил и брагой запил. Лишь закусывать нечем. Пуще есть захотелось.

— Дай, бабка, подкрепиться, — просит.

— Нет у меня съедобного, мил-сударь, — по-прежнему отвечает она.

Видит солдат: прислонен к стене топор. Гм... вроде бы топор. Так топор.

— А это что? А говоришь, нет? Как "нет съедобного", если инструмент есть?

— Есть-то есть, да не сможешь ты его съесть! — смеется старуха.

Потыкал солдат в сталь пальцем:

— И правда, твёрд он у тебя. А ничаго! Мы его разварим, мы из него суп сварим.

— Чо? Чо? — изумилась старуха.

— Ох, туга ты, старая, на ухо. Я внятно сказал: "Мы его разварим, мы из него суп сварим".

— Ги-ги-ги! — засмеялась старуха. — Солдат-то, оказывается, дурак!

И про себя смекнула: "Ой, что дальше будет, что будет дальше! Снадобье моё в том штофе на шпанской мушке да листьях белены настояно!"

Солдат опять за штоф, выпил и бражкой запил. Плеснул в лохань воды и принялся топор мыть. Мыл он, мыл, щеточкой драил, щепочкой чистил, рушничком протирал.

Устал от труда. Беленной тинктуры налил, выпил и бурлящей бражкой запил. Положил в большой чугунок топор топорищем вверх, бухнул из деревянного ведра воды, поставил чугунок в печь и ну рогачом раскалённые угли сгребать.

— Окаянный! — заорала бабка. — Топорище сожжешь!

А солдат окосел. И слушать бабку не желает:
— Иди ты, старая! Топор съедим, ножом тебе расчудесное топорище выстругаю! Милуйся с ним, сколько приспичит!

Не успела вода закипеть, а дурак-солдат уже пробует:

— Суп-то — на славу, — замечает, — да соли бы чуток.

— Ишь ты, соли! Питерхбурх вокруг, магазины на каждом шагу! Соль привозят раз в год! Не запас, так соли и нет! А прошлым-то летом купцы по другой дороге проехали. Вот тебе и соль!

Вода только булькнула, а солдат пробует:

— Хорош суп, да крупы бы горстку.

— Ну и лоб у тебя, солдат! Как у девицы память! Сказала я тебе: крупу мышь съела!

Вода закипела по-настоящему. Проверил солдат еще:

— А суп-то на диво удался! В него бы маслица немного.

— Чо ты пробуешь да пробуешь! У рогача палку сожжешь, а новую делать не из чего! Маслица? Какого тебе маслица! Корова на троицу окочурилась!

— Ну что ж! — говорит солдат. — Придется мясной суп стряпать!

И за топор в чугунке.

Испугалась старуха — перекрестилась и вручила солдату просимое. Засыпал всё солдат в чугунок, поварил и в четвертый раз пригубливает:

— О! Знатный суп! Да шашлыка не хватает!

Помянул солдат имя деда своего, ушедшего к раскольникам, посетовал на сиротство да солдатство, вытащил топор и зарубил старуху, а через

пару мгновений почувствовал сухость во рту, ослеп и упал замертво.

* *

В деревне никто о старухе не думал. Несъеденный суп покрылся льдом в вымерзшей печи.

РЫЖАЯ ПЕСНЯ

Снежный человек царствует в лесах по эту сторону реки, шастает по баням и заброшенным стройкам, внезапно возникает — то тяжело, то паутинно-призрачно. Изменилось гудение в золото-зелёных лесах сосновых; эхо ходит чуть попридавленное, изнасилованное. Кто-то кричит в забвениях, и просыпаешься, просыпаешься — к чему просыпаешься — сам не знаешь. Словно хоронишь двойников в гробах смоленых, пахучей хвоей бешеное время отгоняешь. Свирели глубин, когда вечереет, выступают из три-нацатого пространства; крыльев ветра порывы бесцветное бессилие возрождают в зените, где до рождение оставлено. Поползновения грезятся, подземные воды колеблют; бубнение неба-земли воскурений требует, жертв овечьих, клыков мертвечьих — в оркестровой яме ночи крепко сурдиногласие. Под белыми и желтыми кувшинками кто-то ходит, кто-то бродит — недаром они расцветают. Когда увидел кувшинку, о чем подумал? О чем подумал? Не о цветении этом!

Снежный человек и не был снежным — зимой его никто не видел. Йети, или, по-местному, Космач, появлялся весной, когда всю распустились почки, и к ноябрю исчезал. Считали, что Космач впадает в спячку, как медведь, а лесник несколько раз показывал охотникам его берлогу вблизи полузасыпанного карьера.

Космач напускал на людей сонную одурь, сновидения наяву. С марта по ноябрь в лесах про-

исходилили странные случаи, иногда трагические. Один геолог, прежде чем окончательно сойти с ума, утверждал, что Космач мешает будущее и прошлое, минуту превращает в месяц, а иногда, выбрав в лесу какой-то особенный участок, пускает на нем время вспять и охотится там на вымерших животных, собирает растения ныне не существующих видов. Другие обвиняли во всем бывшую запретную зону, соседний полигон. Говорили, что полигон располагает подземным космодромом, и стартуют с него вовсе не ракеты, а кое-что похуже. Правительство-де давно забыло о созданной Берией шараге, а там будто бы додумались до немислимых вещей, умело изолировали себя от внешнего мира и кого надо подкупили. Космач? Космач — лишь кадавр, неудачно сконструированный призрак, вырвавшийся на свободу.

В ****-ом году, в начале сентября, я сидел в палатке. Барабанил дождь. От брезента исходил запах старой тряпки, костра, доносились обычные лесные запахи, но вдруг почудился и какой-то другой. Дождь почти прекратился, и неожиданно стало очень неприятно, неуютно. Словно я оказался не на своем месте. Пришлось схватить двустволку и выйти наружу. Напротив палатки, шагах в пятнадцати у куста можжевельника стоял Космач. Ни о чем не думая, боясь сглазить себя самого, я вскинул ружье и выстрелил из нижнего ствола. Космач продолжал неподвижно стоять. Это был рыжевато-бурый кудлатый верзила. Шерсть на его голове казалась чуть темнее, лоб смахивал на огромный лобок, и потому страшная рожа Космача приобретала неприличное выражение, что не снимало оттенков изображенной на ней угрозы. Стало еще муторней, в сердце будто бы вонзились когти, но желания заряжать ружье или бежать не возникло.

Не отрываясь, снежный человек смотрел на меня не человеческим, не животным — каким-то высоковольтным взглядом, а затем тяжелой походкой двинулся прямо на меня. Под ногами чудовища трещали сучья, разряженное ружье я держал наперевес, посветлевшее осеннее небо остеклянилось, с противным "кар-р-р-р!" взметнулась ворона, едва не рухнувшая с внезапно обломившейся ветки ...

Бóхоно-бóхоно,
оба́ха соха́нем мехе́...

Пройдя несколько шагов. Космач внезапно свернул вправо, потом со значением обернулся в мою сторону и рывкнул:

— Друннхх — друннхх — умар-р-р-р-р!

Демонстративно подхватив мизинцем и безымянным пальцем деревце слева от себя, он его сломал и далее пошел неслышно, как по вате. Где-то рядом крикнула невидимая сойка и взлетела, шумно махая крыльями. Зашелестело в бруснике, высунула голову гадюка, пошевелила раздвоенным языком и, изобразив изгибами спины какой-то знак, скрылась. Совсем рядом с палаткой громко засопел больной зверь и с напрягом начал бесконечно заунывное:

— Хга-хга-хга-хга-хга...

Три минуты назад все было спокойно. А были ли Космач? Иногда в костер попадают такие ветки, что потом явь от сновидения не отличишь. Вот и приключения. Но течение времени! Что стало со временем! Почему лесная суэта началась не сразу после выстрела?

Несколько раз я обошел лес вокруг палатки. На земле — никаких отчетливых следов. На кусте можжевельника болтался клочок рыжей проглядной шерсти, напоминала о происшедшем сломанная березка.

11 сентября.

Я решил иногда записывать то, что со мной происходит. Впрочем, я уверен, что запись делается где-то еще, пусть и не буквами.

В кого я стрелял? Во что попал? Весь мир изменился. Космач стал сниться каждую ночь, а день слегка раздвоился. К белому свету добавилось что-то неуловимо бесцветное. Что-то стало смущать своим невидимым присутствием. Что-то пряталось в изгибах занавесок, в объеме тонкого прозрачного стекла, в слабых колебаниях веток, в звуках шагов прохожих...

12 сентября.

Сновиденийному Космачу многое что не нравится. Например, ему не нравится домовладелица Л.

13 сентября.

Бывшая запретная зона. Совершали с Л. прогулку, но как-то сбились с пути и не вышли к разрушенному КПП. Другую дорогу, на которой оказались, выйдя с тропы, перегораживала лежащая на боку геодезическая вышка. Упавшая или поваленная? Вывернутая с бетонным основанием...

У этого основания лежал мертвый грач с огромным клювом. Из-под крыла у него торчала рачья клешня! А-ах! Вдруг, указав резко вытянувшейся синей клешней на дорогу, пернатый подолец рванулся, скакнул в кусты, исчез...

Прошли шагов двадцать в направлении, указанном монстром. Дорога сворачивала. И здесь... Словно удар током!

— А - а - а - а! — натужно закричала Л.

Гигантский белый зверь-привидение глянул из-за поворота, в один миг уничтожил все мысли и намерения. Память мира исчезла...

Ветер преисподней! Прошли две минуты. Но что на самом деле там белеется, что за нелепая гора? Я подошел к ней ближе. Огромная глыба известняка! И всего только! Горка в два роста человека... Откуда она здесь взялась? Выгравированная неведомыми океанскими волнами кажимость проступала при взгляде сбоку... На то, что показалось головой зверя, был надет, как кокошник, обод тележного колеса, а из "хребта" зверя торчал кем-то забитый металлический угольник. Фрагмент человеческого черепа с одной глазницей притулился рядом на чахлой травке.

Гм! По другую сторону глыбы сидел троюродный братец Л. и ухмылялся...

Слишком много у Л. братцев! Родные — глупые безобидные богатыри, малость грешники. А вот от родственников на киселе ничего хорошего ждать не приходится.

Да! Явление покуривающего брата похуже привидения! Озарение таким не бывает.

14 сентября.

Какая-то волевая волна не позволяет рыться в воспоминаниях, в образах. Переводная картинка яснее после снятия подложки — что-то было намечено с другой стороны. Но можно представить и такую картинку, которая по мере протирания меняется, не уподобляется первоначальному нечеткому облику.

Соседние хоромы — вот они, за садом. Да не один здесь сад: много следов бывших оград, ворота без досок забора в линии бурьяна, перемычки, полуразрушенные постройки... Сохранился даже грибок, под которым когда-то стоял часовой. И всё пустыри, заброшенные сады, до которых никому нет дела. Всем хватает и собственных. Но приятно, что вокруг сады, самовозобновляющиеся клумбы с цветущими разнокалиберными растениями среди сплошных зарослей китайской ромашки, мака и полыни. Так и Л.: кто она? своя? чужая? домашняя? дикая? Устроила мало кому известную гостиницу для шоферов у грунтового ответвления трассы. Поселила братьев в сарае, отапливаемом чугунной печкой, а дом сдала учителям. Всё это в заброшенности, зарослости, среди массы засыпанных колодцев, образующих рисунки созвездий. Источник наичистой воды уже три года бьет прямо из прокопченного фундамента кузницы... Чем и почему он был заткнут? Л. и есть заткнутый фонтан, но чего? Только делает вид, что смеется, улыбается, а на самом деле это ей не надо, ни к чему; оскал — что-то лишнее, чужеродное; все одежды с длинными рукавами, иначе почему-то нельзя и чувствуется, что ей никогда не жарко, не бывает понятия "жарко": для того чтобы отжарить надо уж совсем

вывалиться в мир, а можно только делать вид, что в нем находишься...

15 сентября.

Приснился Космач, бьющий Л. банной шайкой по голове. Шел нескончаемый поток снофильмов.

В сновидениях всегда казалось, что я плыву по извилинам мозга — не того лживого серого студня, который находится в голове и является пустяковым оптическим обманом, но — по извилинам *н а с т о я щ е г о* мозга, в котором нет клеток и волокон, в котором зарождаются пространство и время, кишат триллионы иллюзий-сновидений, сплетаются в лабиринтах свода, бросают отражения, опять расщепляются, и некоторые из этих расщепленных сновидений почему-то кажутся рутинной явью. Я подплывал к ней близко: так, кое-как сработанные декорации, блажь поверхностная, что легко забывается, будто ее и не было...

19 сентября.

Песок, грязь и копанье в ямах стали хуже ада. Золотая жила не кончалась, металл не иссякал, и только потеря самородка подвигла нас с Л. на преступление — мы не довели работу до конца.

Самородок мы увидели под корнями полувылезшей из земли пихты, когда спускались с горы, пытаясь найти более короткий путь через лес. Я удивился: как это растущее на обрыве дерево не падает — его корни повисли в воздухе. Вдруг в корнях слабо сверкнуло... Кусок металла еле-еле поддерживали в состоянии равновесия отро-

стки мертвой поросли. Еще немного — и он исчез бы навсегда.

Идти к КПП и к тому месту, где мы держали намытое золото, было рановато. Так завернутый в парашютную ткань самородок — унций в двадцать — оказался не в тайнике, а в дупле старой, еще не ветхой ольхи. Несколько раз мы подходили им полюбоваться. С одной стороны, он отдаленно напоминал панцирь черепахи, с другой — сидящего на льдине моржа. Самородок был всегда немного теплым: он состоял из двух самородков разного золота, сращенных в один.

Неожиданно этот кусок металл исчез.

20 сентября.

Обычное сновидение, но показалось, что явились сразу два Космача. Это настолько меня поразило, что я нырнул в бассейн. Дело происходило в сновиденийных термах размером с гимнастический зал. Были даже шведские стенки. По шведским стенкам, булькая, стекала и парила вода; из шестиугольных зеркальных колонн выступали краны исполинских размеров, во внутреннем дворике кипели три гейзера, а между гейзерами во множестве летали белобокие сороки, трещали и какали апельсиновым мороженым. Бассейн был глубок. Из глубины сквозь прозрачную и чистую воду я увидел, как один из Космачей надел на себя царскую корону и вооружился сверкающей драгоценной булавой вместо дубины. Я нырнул глубже и уткнулся в доску, сделанную из мореного дуба. Оседлав эту широкую доску-плот, я почувствовал себя кем-то вроде Ихтиандра и поплыл по подводным лабиринтам.

Иногда в лабиринтах становилось совершенно темно, как в неосвещаемом тоннеле, иногда появлялся яркий изумрудный свет. Плыл я очень дол-

го, часто приходилось поворачивать. И снова возникло ощущение, что я плыву по извилинам сверхмирного мозга. За две секунды я охватил умом все сновидения, которые когда-либо видел в своей жизни, обнаружил все связи между ними. На краткий миг я понял, зачем вообще нужен их узор.

20 сентября. День.

Вот она, старая полковничья баня, из-за которой мы бросили разработку. Эту избушку на курьих ножках строили пленные и так всё рассчитали, что времени на ее растопку требуется раза в четыре меньше, чем обычно.

Пар шел вместе с легким дымком сосновых шишек. А можжевельник к шишкам мы добавили зря! Л. заткнула хвоей ветхую стену бани — сквозняк несколько уменьшился. Погрузила руку в воду, рука двигалась сама, словно продолжая промывать золотой песок.

Было полутемно. Л. провела ладонью по стеклу фрамуги. В этот момент дверь затрещала, упала, и в пустом проеме показался согнувшийся в три погибели Космач. Он рычал и норовил протиснуться. Вот он раздвинул плечами дверную раму. Заверещав, Л. распахнула фрамугу, выпрыгнула. Ружья! Космач уперся правым локтем в дверь чулана, где они хранились. Не имея возможности распрямиться, Космач одним толчком снес стену с фрамугой и, оказавшись на открытом воздухе, бросился за Л. Путь к ружьям свободен! Рывок — дверь чулана заклинило.

Л. успела перебежать запруду и дважды взвизгнуть. Все кончилось. Асфальтный каток гораздо гуманнее...

Дальнейшее почти не помню. Перепрыгнуть ручей Космачу ничего не стоило. На том берегу

он находился, наверное, не более секунды. Эта махина неслась быстрее гепарда.

Прежде чем ружье оказалось у меня в руках, Космач вернулся на этот берег и скрылся за толпой березок. Я бросил ружье на землю. Оно попало на пригорок и выстрелило, как гаубица. Брызгнула глина и щепки. Время почти остановилось. Мягко, словно во сне или замедленном фильме, спланировали с одного дерева на другое остатки сбитого выстрелом осинового гнезда. Кольцеобразный рой полусонных обитателей не распался и двинулся вслед своему домику. Секунды осы свернулись.

Я очнулся. Вдруг раздался треск, и баня рухнула. На оставшейся стоять стене болтался, как маятник, рюкзак Л. Качнувшись в последний раз, он сорвался с гвоздя — стукнуло что-то металлическое. Меня подтолкнуло какое-то наитие. Голова не соображала. Ах, вот... Не один, а два самородка: распался почему-то на две части. На внутренней стороне одного из них — "моржа" — горел огонек перлита. Самородок "черепаха" неожиданно выпал у меня из руки, скользнул в руины бани, исчез где-то в гнилье подпола.

Буру-бу́, рандубо́х богóрон.
Рандобóн борóбон буну́.

21 сентября.

Толпа народа ходила по лесу. Стреляли в сторону каждого шороха.

23 сентября.

Братья Л. сидели среди поля. В выдолбленной тыкве горела свечка. Опять <.....> кучумалу решили устроить? Ан, нет! Кругом — корзины. Пьют бузу и "Гамзу" от мелитопольской тетки. И проклинаят Л. за то, что родилась. Недостает еще одного, шестого братца. Всякие троюродные — не в счет. Не та порода. Еще посмотрим, что будут делать без командира. Сопьются.

Но что это? Стреляют из коллекционных ружей в летучих мышей.

Дорвались.

Еремáна. Осцúлла. Охáяна.

25 сентября.

Сновидения. Лежу на боку и одновременно бреду через галереи кладовок, созданных на месте гауптвахт и караульных помещений, открываю двери с заколоченными васисдасами, решетками. В углах стоят бутафорски выполненные, но живые, ухоженные шахматные кони, готовые к прыжку. Навалены посыпанные перцем и политые бордосской жидкостью перерубленные ферзи. Над головой летают зелено-красные попугаи, под ногами бегают котощенки и визгомяукают. В мышеловках пищат пёстрые кибернетические цыплята. Все стены, перегородки заставлены полупрозрачным зеленым стеклом. На стекле намаляваны карикатурные фосфоресцирующие рожи Эйзенхауэра, Аденауэра и прочих деятелей.

Еле выбрался на улицу. Вот берег потусторонней реки. В выключенном фонтане поет ветер. Попугай ара сидит в алебастровой чаше и клюет малахитовые зерна. Одно зерно черное. Это — Л. Ара схватил его и бросил в Лету. Вода хлюпнула, как болотная топь.

А была ли Л.? Может быть, ее и не было?

27 сентября.

На месте разработки издали увидел чужую кирку и бак с дырчатым верхом. Из косога шурфа торчали чьи-то голые пятки. Не прицеливаясь, выстрелил по пяткам мелкой дробью. Никакого "ай" не последовало. В шурфе лежал холодный мертвец. Шагах в десяти — другой мертвец со свернутой набок челюстью и содранным ухом. Братец Л., только троюродный. Вокруг — никаких следов.

Я подошел к яме слева от шурфа: она углубилась, по бокам возникли пробные раскопы. Та-а-акс! Золото мошенники подчистили до конца, но вот унести не успели, а убийцы мошенников почему-то также ушли ни с чем.

— Друннхх — друннхх — умаррр! — донесся голос Космача.

Послышался треск и шумные, словно нарочито неосторожные, удаляющиеся шаги.

Оверóн. Овára. Оvéда.

27 сентября.

Из леса уходил через поляны, заросшие поздней фиалкой. Заходящий шар солнца греет заты-

лок, лица фиалок устремлены прямо на меня. Мир выглядит странно в косом свете. По планете ли Земля я иду? Слишком пестро! Насквозь просвечивают травы, шевелятся в безветрии, и — какой-то звук, глухой подземный звук. Стало чуть темнее, но неестественность мира не убывает. Предсумерки — всегда не от мира сего. Опять трехцветная фиалка — уменьшенные аютины глазки. Вот среди массы мелких показался очень крупный цветок. Из какого сада он сюда забрел? Растет как-то косо, будто воткнут нарочно. Не иллюминация ли это, не галлюцинация ли? В такое время нет ничего лучше коры волчьего лыка. Не сгорю. Вот еще один волчий куст, на нем — рыжая прядь. Не звериная, не человечья... Вот череп лося, опрокинутый рогами на тальник, а здесь кто-то мухомор надел на ветку. Поднял ружье. Прицелился. Та-а-а-кс! И — нет выстрела! Сушеный мухомор сильнее капсуля. Здесь опять в землю воткнут огромный цветок...

Туман и сумерки падают одновременно. В стороне — силуэт. Человек с ружьем и рюкзаком. Туман. Стекланный туман. В тумане все видно. Человек склонился над нелепо торчащим цветком. Вот еще один силуэт. Кое-где на небе появляются звёзды. Звёзды появляются на земле. Звёзды появляются на воде. Людских силуэтов много. Тысячи. Триллионы. Безмерности. Силуэты выпрямляются, оглядываются вокруг себя, оглядывают друг друга. Каждый поднимает ружье. Каждый стреляет в небо. С туманной тверди сыпятся подбитые фиалки-звёзды. Туман плотнеет. Близко журчит ручей, много ручьев. Вся планета в тумане, вся разделена на квадраты ручьями. В каждом квадрате — двойник. Бра — конь — ер!

Шимарон, шодолла, шопада...

2 октября.

Проснулся от какого-то шума. На верхушке березы сияла полная луна. В пристройке деда горел свет и раздавался стук.

С некоторых пор дед вдруг стал меня интересовать. Я отодвинул специально оставленную "смотровую" драпку в щелине стены. Дед давненько поменял свои привычки (если не сказать сдвинулся по фазе), но последние годы его поведение мне совсем не нравилось. Дед молился и, как полагается фанатику, стучал лбом об пол. Я понял: он вернулся из путешествия и благодарит святых за дорогу.

Попом он был всего года три. Быстро превратился в атеиста, охотника, золотоискателя, хотя за отсутствием служителей культа, изредка творил по чьей-то настойчивой просьбе службы. И вот на заре старческого угасания подхватил от некоей оглашенной свирепый религиозный вирус. Кричала, говорят, оглашенная так, что в ушах звенело, а стекла рассыпались на мельчайшие кусочки... И замкнулись круги, в повторения ввергло пространство...

Абрóты. Абрáла. Лят.

Сколько все-таки можно ходить по святым местам и молиться мощам? Весной дед исчезал и появлялся только осенью. Сейчас на столе у него красовалась бутылка со святой водой, высилась стопка закапанных свечками журналов, высывались физиономии каких-то заморских плодов наподобие каштанов. Пахло ладаном. Дед продолжал молиться.

Полурассвет. Полудремота. Благовония. Вдруг я уперся мыслью в тот факт, что дед необычайно рыж, что он стучит не только лбом о пол, но и затылком о потолок. Или это световое искажение, тень? Был час, когда книга или ладонь могут показаться непомерно огромными, заслоняющими весь мир, или размером — с ноготь. Ма-кроп-сия с мик-роп-си-ей. Всему свое время.

Лодобóло оло́но со́но,

белида́ обеду́ла алáн.

4 октября.

Как обычно, часов в пять утра рыжий дед захватил всевозможные подарочки от Николая-угодника и отправился в заранее натопленную баню. Там и постиг его удар. Домолился. Всё очень скоро в этой жизни.

И вот мертвый дед лежит, сжимая в руке реликвию — банный веник...

К вечеру меня что-то насторожило. При свете багровой луны я вышел на улицу и навестил деда. Он оказался гораздо рыжее, чем днем, а размерами — значительно больше. Или это связано с закопченным стеклом шахтерской лампы? Где-то видел я этого деда... А если глянуть не на профиль, а прямо? Я изогнулся. Так и есть! Один старец паломничает, подносит дары монастырям, а другой, его двойник, буйствует в сосновых лесах. Кричала оглашенная так, что в ушах звенело, стены разрушались... Хнурд-хнурд! Раммуд! Скажи мне, ветка Палестины, где ты росла, где ты цвела?

А луна странная, огромная, нереальная — подвешенный в небесах человеческий череп. Гугук-

нул где-то сыч, и я счел за благо убраться во-
свояси.

6 октября.

Солнце словно повернуло на лето. А если бросить взгляд вверх на затемненные листья деревьев, можно впасть в иллюзию и мысленно оказаться в июле. У тропинки будто бы молодая травка. А это кто? Девочка лет трех-четырех, босая, в легоньком платьице...

— Девочка, ты откуда?

— Н-н-е-е скажу!

— Как тебя зовут?

— А — ню — та!

— Где твоя мама?

— А я вот-т т-тебе н-не скажу-у-у!

— А живешь где?

— А я вот-т т-тебе н-не скажу-у-у!

Из-за сарая вдруг появился рысенок, мелькнул любопытством во взгляде, кисточками-ушами, пропал. Я оглянулся на девочку: девочки нет. Нет девочки. Кругом — низкая трава и кучки картофельной ботвы. Девочки нет нигде. И словно я видел ее где-то, когда-то. Похожа на маленькую сестренку, что исчезла лет тридцать тому назад... А была ли девочка? Может быть, девочки не было?

Бурубун рандубох...

6 октября.

Дед только недавно объявился дома, но уже ухитрился куда-то спрятать свои книги и паспорт. "А я вот тебя не скажу" — надо же! А не там ли его документы...? Та власть далеко, но и местные князьки иногда требуют порядка. А где его книги — темные переплеты с металлическими застежками? Под нижним перекрытием — пусто. Искать больше негде. Потушил лампаду в "красном углу". За иконами — ничего. А это? Справа часть стены приоткрывается, держится на кожаных петлях. Но приоткрывается только чуть-чуть. Привязана к чему-то невидимому. Надавил сильнее. Ложная стенка свалилась. Столб пыли — и передо мной пустое помещение. Библиотека исчезла. Анюткой ее звали. Остатки разбитых стеллажей. Зеркало у заложённых кирпичами окон. С другой стороны эти окна маскируются идущей вдоль всего дома пристройкой! Зеркало — источник света: лучи солнца попадают в него из крошечного оконца под потолком. На полу в одном из шести углов лежит фотография в рамке: Анюта-девочка на руках у существа в рясе и без лица — угол фотографии отломан вместе с рамкой.

Лаáри о-óдо о́до,

óдо о-áта летáнь.

Исследуя металлическим зондом прогнившие деревянные перегородки на месте, указанном новой "анютиной глазкой", я свалил шестиугольную вставку, которая скрывала шестиугольное отверстие. В глубине еще одна вставка: книга... Эта книга — "Потерянный и возвращенный рай". Последний раз я видел это издание, когда мне было лет пять. Нет! Нет! Это другая книга,

на неё похожая: "Обретенный и потерянный рай"! Любопытно, но не в полутьме ее читать! И чувствую, надо бы... А что там еще? Серый холщовый чехол.

Из чехла я вытащил огромный, шестиугольный в сечении жезл, усыпанный необычными сияющими камнями, вовсе не тусклыми поделками, что идут на ювелирные украшения. Это потусторонние самоцветы! Блеск камней ослеплял. Мало того, я чувствовал исходящее от жезла излучение. Оно чуть грело, вызывало слабую вибрацию в коже.

Мысль о радиоактивности камней исчезла. В каждом камне — особый мир. В каждом камне — много миров. Чуть повернешь жезл — и всё меняется. Зачем глушь? Зачем дряхлый Лувр, чахлый Метрополитен-музей? Вижу Абу-Арин, вижу Кумер, второе подземелье под красной ольтекской пирамидой! Вот я вижу планету насквозь и время отдаленное вижу. Зачем мне мощи, лавры, вифлеемы?

Внезапно я почувствовал острую боль в сердце и бицепсах. Изнутри словно распирало... Но вот боль стала проходить. Я успокоился и вернулся к жезлу, начал его поворачивать. Камни уносили далеко. Вдруг из зеркала, размещенного между двумя заложёнными окнами, на меня в упор посмотрело огромное рыжее чудовище. Чудовище размахивало драгоценным жезлом.

Бехх! Быхх! Бох-х!

Дох-х! Дых-х! Дух-х!

Тых! Тых-х! Тог!

Рех! Рек! Рух!

Снежный человек царствует в лесах по эту сторону реки, шастает по баням и заброшенным стройкам, внезапно возникает — то тяжело, то паутинно-призрачно...

Странное эхо в золото-зеленых лесах сосновых. Звуки доносятся отдаленные, изунывные.

КАК ТОГДА БЫЛО

Взрачен и статен принц Арунский, но рохлей прослыл и мямлей. Не мог он оказаться королем! Где ему пронзить копьем шею драгого тестя! Или проглотить трех ядовитых черных жаб, сковырнуть челюсть у цепного белого пса и промчаться с ветерком на пьяном огненном змее!

Надоел принц Арунский доброму молодцу Белисею — послу страны Арун, и жене его — послнице Кики-Маре.

И пребывал однажды принц Арунский в полунощном царстве Лавянском, и был на обретище под холмом Ибирским, где теснились многыя и всякыя шалаши принцессы Бастланской-Лавянской.

Бледна и строга явилась несравненная принцесса Лавянская, ибо последнее ей предстояло игрище. Ревели от ожогов змеи-скоморохи, проклинали что мочи принцессу и мать её Царицу — Великую лисицу, и отца её — Слизняка Улитковича, царя подблюдного, царя приблюдного, пищу скворцов и ворон, жреца обритога, кромаря недобитога, князя храповецкого. Лаяли и рычали здоровенные мохноногие белые псы, прокусившие пальцы у претендентов.

И разносился шум бессчетныя племена и роды разныя. И одежды всевозможныя, стогн застилая, полнили глаз пестротою. Вдруг ахнула толпа, подвинулись ряды, праздник творящие. Это почуяли псы белые вещие неладное, в еди-

ный миг взбесились, запрыгали по клетке, разом цакнули зубами по медной решетке — и не выдержала медь. Бросились псы на царя Слизняка Улитковича, разорвали его и помчались с лаем мимо бородавчатых черных жаб, опрокинули их кадку и были таковы.

Завыли волхвы волхонские, бы если от колдовских мух нежвахаемых и блох неловых псовых, упали на колени у серого истукана каменного, жертвенной младшебратской да ворожеской истрогемской кровью залитого. Разгадала знамение принцесса Лавянская, расступился люд перед ней.

Только принц Арунский не сообразил ничего и остался стоять стоймином стойбищным, кутермесом, аршин проглотившим.

Спускалась с холма принцесса Бастланская-Лавянская, затягивала на шею петлю жемчужную, но отобрали ее волхвы волхонские. Оглядывалась принцесса направо, оглядывалась налево, идя через толпу. Заметила пригожего принца Арунского — и нашло на нее просветление изнебесное; взяла этого безмогого и беспрокого сына короля Арунского за руку и повела к волхвам и Царице. Прыскали волхвы принцессу и принца красной водой мертвецкой и зелёной водой живецкой. Да, видно, перепутали они вологи эти.

Но засияла Царица Великая лисица, сняла корону и отдала принцессе. Пошествовали, как положено, принцесса и принц к послу грозной страны Арун доброму молодцу Белисею.

А принцесса так и плакала от счастья, забыла от радости умения ворожбиные, заклятья змеиные, говоры голубиные, а принц словно поперхнулся, словно проглотил камень твёрд широкий, молчал, будто позднеосенний карась курканувчатый.

Посмотрел Белисей на дивную принцессу Лавянскую и статного принца Арунского, захохотал диким хохотом, засвистел буйным посвистом, схватил меч-кладенец — одним махом отрубил головы принцессе и принцу. Вздрогнул народ, а волхвы задрали на себе одежды непристойно и начали громко бормотать, бормотать, приборматывать и в голые пуза себя бить.

Но, срубив головы, поймал добрый молодец Белисей на лету злат-дамьянт корону, а во время бормотания жрецового крепко насадил на макушку жены своей Кики-Мары... Что делать? Какие здесь речи молвить? Задудели волхвы в трубы труанские, и Царицей Лавянской стала Кики-Мара.

Похлопал Белисей себя по плечам молодецким, запряг змеев-скоморохов в колесницу, погнал что есть мочи; изловил мохноногих белых псов и засунул им в глотки кожу ядовитых черных жаб. Издохли псы, и челюсти у них отвалились.

Сгрэб Белисей найденных осемь на семь слизняковичей и раздавил их сапогами подкованными.

Помолились все идолам каменным и принесли жертвы кровавые; закатила новая Царица пир на весь мир, на весь сыр-бор и понтир.

Собралось там сто сорок царей да королей.

И я на пире был; пел, плясал, плевал и блевал, нагой гулял; оказался девятым в очереди к шалашу Царицы, бывшей послыцы, ездил верхом на безухом, безносом и безглазом царе-дураке-слизняке, прежнем молодце Белисее. Мёд и пиво пил — по бородище текло, а на пуп и уд не попало.

1997 г.

ДО КЛИО

В те времена, когда с планеты Земля еще не улетели разумные ящеры, а пещерный человек не появился серийно, на одном из материков существовал Дом-город-государство. Покрылся ли потом Дом-государство горами или скрылся под водами океана, или был разобран по чьему-то приказу — мы не знаем. Произошло что-то более сложное.

Источники непомерного богатства жителей Дома трудно определить. Существовала там низшая каста, наподобие рабов, но эта каста не пахала, не сеяла — не занималась тяжким трудом.

Низшие люди эти (задолго до появления обычных приматов) были очень болтливы и ленивы, прожорливы и похотливы и обожали всевозможные зрелища. Жить просто так они не могли и существовали только за счет выполнения инструкций, наставлений, предписаний.

Особям этой касты постоянно давали всевозможные задания, бессмысленные и бесполезные, но необходимые для дисциплинирующего времяпрепровождения. Благодаря выполнению бестолковых и бесцельных действий — представляемых как нечто архиважное — эта каста не сходила с ума и не превращалась в стадо диких животных. Для нее специально придумывались нелепые игры, науки и искусства, которые каждые 5 тысяч лет ради разнообразия заменялись противоположными.

О жизни высшей касты судить сложнее. Скорее всего, для одних ее представителей главным занятием было преразмышление, для других —

сверхсозерцание, для третьих — что-то такое, о чем мы и подозревать не можем.

Самым страшным и чудовищно опасным фактом из жизни Дома считают отсутствие в нем чего-либо похожего на плети, тюрьмы и избирательное право. Особенно архаично стремление жителей обходиться без гигиенических стоил установленного образца и автоматически ломающихся кормушек.

Дом состоял из восьми тысяч секторов. Один из них сохранился целым посейчас. Его обнаружили под четырехкилометровым слоем пород всевозможного происхождения. Налицо серия непонятных тектонических смещений и глобальный катастрофический вырыв.

В секторе имеется стенная роспись, скульптура. Нашли хранилища со странноватыми предметами, похожими на наши матрицы для печати. Но останки самих жителей не найдены.

Есть мнение, что представителя высшей касты сублимировались вследствие недостаточности своей телесности. В таком случае возникает вопрос, куда подевались представители касты низшей?

Ответ вы легко найдете сами.

ОГОНЁК

Быстро очень шё-ол Симов. Был он в духа состоянии приподнятом, но сказать мало это: озарением пылал он весь, точнее, пожаром страстей еще более высоких.

— Наконец-то! — твердил он. — Сотворилось!

Не погасла в его памяти гигантская карта Супервселенной и событий всех: прошлых, будущих. Ему Симову увидеть удалось тот факт ничтожнейший, пустячок, изменением еликого повлиять можно на метagalactic движение. Мелкий упомянутый факт, пустячок, доступен и во власти Симова, хотя него ради затеял он скитание некоторое.

Достаточно отправиться в известный Симову посёлок, слегка нарушить церемонии и обычаи, вызвать недоумение окружающих, подействовать на чепуховый неисторический эпизод — как перевертывалось всё, грядущее предначертывалось другим, а время удостаивалось Моноумента времени.

Симов миновал три-четыре улицы с редкими фонарями. В лужах плавали листья. Серп луны на небе имел форму зеркального "эс" и перемещался в такт шагам. Но в будничности обрелось неземное раскрепощение, реяла безмерная свобода: мир походил на произведение искусства. Волнение от сознания сделанного уже мерк-

ло. Чувства перевешивало изумление от возможности такого влияния событий друг на друга, при коем важна не их сцепленность, а иные, невероятные законы, стоящие над человеком и природой.

Переживание-виденье всех времен и пространств сразу — стихало, воздух наполнялся обрывками фраз что-то обсуждавших людей. Симов догадывался: это "что-то" одно и то же в каждом разговоре.

Он выбрался к озеру. Лучи прожекторов подсвечивали поверхность воды до белизны. Пройдя парк, Симов уперся в двухэтажное здание со стеклянными стенами. Сквозь стекло доносились хлюпающе-чмокающие звуки музыки. В низких залах кучковались, разгуливали, раскачивались в танце праздные люди. Их головы почти касались полупотушенных шаров-плафонов. У дверей сержант милиции держал за ворот балахонистой куртки вырывающегося субъекта.

Симов боковым зрением отмечал внешние явления. Пройдя около полусотни метров, он опять очутился в густой толпе, но теперь народ шел ему навстречу. Мелькали лица, люди даже не шли, а, скорее, плыли, неслись...

Внезапно он заметил: путники идут на него без малейшего желания избежать сшибки. Безликая масса обтекала Симова... у самого его носа. Пришлось взять правее и обходить не столько прохожих, сколько насаженные вдоль тротуара тополя.

Вблизи них оно и содеялось. Из-за дерева выступил и уставился на Симова потрепанный старик с пропитой физиономией. Желто и остро воззрились вытаращенные, как при базедовой бо-

лезни, зеницы. Старик исторг нечленораздельный вопль, чиркнул спичкой и сунул её зажженный конец прямо в лицо Симову.

— Дух! Дух! Дух! — возопил старик на всю улицу.

Симов попытался отстранить сумасшедшего и обойти его. Тот начал совершать неестественные движения и упал на руки идущих.

— Вы! Слепые! Разве не видите этот огонек?! — кричал безумец, указывая на Симова.

Прохожие стали смотреть на Симова, но ничего, кроме пустоты, там не увидели. Симову показалось, вот-вот он провалится в бездну.

С восклицаниями "Дух!", "Дух!", "Дух!" сумасшедший вновь принялся прыгать вокруг Симова и чиркать спичками. Пламя чуть не спалило Симову ресницы.

— Пошел вон, дурак! — неожиданно громко и резко, но бессловесно выговорил Симов, и в тот миг на него нахлынуло такое, от чего всё оборвалось.

Звуков в речи Симова не было, но присутствовало то, что хуже и страшнее. Лица людей сделались бледнее смерти, в их глазах застыл ужас. Окочурилась вселенная и родилась жуткая, дикая. Взметнулся густеющий мрак уничтожения, грянули круги сознаний концентрические, возникло третье, побочное равновесие, которого и не должно быть.

Исчез парк и стеклянное здание, сгнула набережная. Радостно визжа, размахивая тесаком, помчался детина в длинной балахонистой куртке.

Здесь Симов постиг: никто не чиркал спичками, огонёк есть он сам, разгорающийся под больным взглядом старика. Он, Симов, не шел по улицам, а плыл неуловимым плазменным облачком.

Мир стал неким третьим. Середина его коснулась периферии.

Вдруг Симов узрел себя дома и ровно со стороны — сидящим в кресле с поднятой левой рукой.

Через минуту внутренней смутности прорисовались воспоминания. Будто совсем недавно, он перемещался по вечерним улицам.

Симов еще сильнее напрягся, собрался с мыслями и до него дошло: местность, по которой он путешествовал, хотя и далековата, но знакома, в ней не приходилось бывать больше восьми лет. За долгое время там мог подрасти парк, выстроиться концертный зал с дискотекой, озеро — обрести набережную. Но нет! Нет! Не это важно! Многомерная карта сплетения причин и следствий выветрилась из памяти. Пропал остов того, благодаря чему завязывается их кажимость. Но они ли сейчас главное? Зачем потребовалось туда лететь? Карта Космоса не галлюцинация, не сновидение. Она яснее любой яви... Какое событие понадобилось изменить? В какую точку поселка довелось спешить с таким нетерпением, что в кресле осталось забытым тело? Какова была цель? Цель! Цель!

1986 г.

СИНЕРГЕТИКИ

Повесть

Ниже прилагаю подборку листов из небезынтересного рукописного журнала художника-вitraжиста С. Колываного. Видно, после поспешного изъятия части материалов (а возможно, кражи) в переплет тома не вставили пластмассовые кнопки-крепления — в результате листы оказались разрознены и перепутаны. Как вы уже понимаете, у них не было нумерации; вместо заголовков авторы использовали не числа, но канцеляризм "литер" и одиночные буквы кириллицы, латиницы, а также других алфавитов. Это откровенная пародия на литерование зданий и помещений, технических документов, но резон здесь есть: мгновения жизни — тоже кем-то размеченные пространства. Я позволил себе заменить термин "литер" на благозвучное для художественного текста слово "литера". Иногда систему в избрании азбуки отгадывал, иногда — нет и скомпоновывал листы, исходя из здравого смысла.

Изложенные события — описания и трактовки друзей Колываного. Соответствие реконструированных записей действительности читатель пусть определяет сам.

Издатель

Литера: А

Раннее утро оглашалось редкими быстрыми звуками стальных колес на трамвайном кольце. Эти звуки перемежались с криками птиц. Ветер слабо шевелил листву деревьев кладбища. За ним высились архитектурные излишества экспериментальной новостройки. Справа, слева к кладбищу примыкали выглядевшие уютнее четырех- и шестиэтажные дома, возведенные в двадцатые — сороковые годы. Незамутненное чувство. Ощущение свежести. Воздух без бензиновых выхлопов. Чистота. Блестящие от росы газоны еще не поглотили нутром черных, серых, пегих и всяких прочих выгуливаемых пачкунов. Почти тихо промчался велосипедист в белой кепке. На сем идилия кончилась.

В доме кто-то включил громкоговорящую установку, а некто — громкопоющую, на всю мощь открыли водопроводный кран — к шуму воды добавился свист десятилетия несменяемого сальника. На улице затарарахал молоковоз с прицепами; притормозив, фыркнул и начал разворачиваться. Маневры молоковоза до глубины души возмутили невидимых и неслышимых из окон шавок. Акустика дворов усилила их голоса, повышая степень барбосости непрошенных стражей на несколько ступеней сразу.

Ев поднялся с цветастого тюфяка на полу и закрыл окно. Тем самым он прервал сеанс воздушных и солнечных ванн, кои имел счастье принимать только что. Окно выходило на юго-восток, размещалось на одном уровне с башен-

кой дома напротив, но направление на восток оставалось свободным от домов и деревьев. Угол комнаты делал ненужным возлежание на пляже.

У лившегося сюда света солнца была и другая функция. Юго-западная сторона обиталища Ева пестрела лакированными досками с многочисленными психоделическими изображениями. Потрясающего эффекта трудно ожидать от обычного выжигания. А это выжигание претендовало на необычность: оно совершалось с помощью мощных луп, контрольного окуляра и приспособления, похожего на кульман. А почему бы и не так, раз сие не запрещено? Изготавливают некоторые художники-графики фантастические пейзажи при содействии компьютеров или полуавтоматических чертежных инструментов. Последнее неизменно оказывается более порицаемым.

Крупные изящные зигзаги, точки, запятые на досках сами по себе мало значили, но их сумма породила головокружение и свербение в глазах. Оттого у смотрящих на доски возникало желание ухватиться для опоры за что-то твердое и удостовериться: спят они или бодрствуют.

С едва заметной натяжкой прилагательное "психоделический" относилось и ко всему облику Ева: лицо, фигура, повадки, будто древесные слои, несли отпечатки благоприятных и определенно скверных жизненных периодов, добрых и недобрых задатков. На его физиономии могло проступить одно, через секунду — иное, но чаще противоположности играли синхронно и вызывали у посторонних мозговую сшибку. А у тех, кто его знал, складывалось еще хуже и соответствовало мере их испорченности или оригинальности. Всякий ищет в другом зеркало, с успехом это зеркало находит, бывает, кривое и в таком качестве — неподкупное. В Еве различные зеркала дробни-

лись, сдвигались без видимого закона, создавая впечатление стертости или размытости отражаемого. Ни один человек не хочет иметь отражения иксы или игреки, а потому подставляет разного рода А, В, С, D и запутывается сильнее. "Игрек, твою мать!" — в оны дни выразился, сетуя на зыбкость бытия, кое-кто из нетерпеливцев.

О чем размышлял Евгений Тилин, глядя в окно или на иероглифоподобные изображения? Он ни о чем не думал и ничего не чувствовал, кроме рядовой нормальности. Аффекты — обыкновенно не в его натуре. Что намечалось у него сегодня? Вопрос мудреный, ибо Тилин нигде не работал, пусть частенько подвизался везде, где тянул лямку когда-либо, — объяснить трудно, но так и обстояло. При всей безбрежной свободе у Евгения не выискивалось ни миллиграмма вольности, ибо она требует аффектов, а их у него почти не было. Правда, поэтическая вольность лезла из Тилина и при ее бесцельности, но куда там некоей хитрокрученной поэтической вольности до приволья, до раздолья и даже до бега трусцой в трусах или без них?

В то время, пока Тилин ни о чем не думал, заскрипели диванные пружины и в проеме между шторами зашевелилась темно-русая голова особы женского пола. Особа врасплох проснулась полностью и бесповоротно. Проснулась и ужаснулась. Опять здесь? Разве не обещала она себе больше не оказываться в нынешней ситуации? На то пошло, ее никто не приводил, не звал... Стоп! Но недавно она говорила обратное: "Я сюда заскочила! И хорошо сделала!" Успела остановиться и не закричала об этом вслух. А вечером? Ей специально затыкали рот. Иначе бы она

слишком громко вещала о собственном настроении. Как всё обернулось... Поменялась солнечная активность? Пятна на Солнце? Позиции Сатурна и Юпитера? Счастливы люди, верящие в астрологическую дребедень. Не хотелось Зое признаваться: суть — в хвалебных словах об ученицах, случайно или нарочно оброненных Тилиным.

И наша бедняжка вдруг представила, будто она, Зоя Поморова, ютится не за перегородками и занавесками, а сидит в самом уютном месте мира — у себя дома, перед ней ее любимая чашка с парящим и ароматным напитком, на левой коленке мурчит уникальное существо — кастрированная кошка Туська, а справа качается и рождает радующий сердце звук маятник старинных бронзовых часов. Зоя закрыла глаза и чуть не наяву услышала голос незабвенного механизма: "Тшшш — тик-та-аак, тшшш — тик-та-аак, тшшш — тик-та-аак".

Зоя понимала: обойдется без вопросов, если она оденется и уйдет, церемонии необязательны, но мешала привычка. Уйти просто так она не могла, ретирование надо было обставить, оформить. И как назло она вчера сообщила: три дня совершенно свободна и не ведает, чем заняться. Обретайся Ев совсем близко, она бы его отстранила: "Нужно бежать: не накормила Туську, ни шиша ей не положила и теперь кошка умирает с голоду и мяучит".

Ев уловил пробуждение гостьи, но почему-то к ней не подходил. А год назад его оторвать от нее было невозможно. Действительно, чего он застыл истуканом? Мозги у него одревеснели? Сквозь просвет в половинках штор на фоне окна

маячили неподвижные левый висок и левое плечо Тилина.

— Эй, хозяин! — воскликнула Зоя.

Ев не шелохнулся. Вот восковая кукла!

— Ев-в-ге-ний! — проскандировала гостья.

Реакции не последовало.

— Тилин, — отчаянно тихо произнесла Зоя, смещая штору.

Тилин повернулся. Его лицо, подернутое легким курёхинским жирком, ничего не выражало. В застывшей правой руке Евгения — полевой бинокль. "Что такое? — спросила себя Зоя и тут же заметила в открытом окне дома под башенкой профиль профессора Водоземцева. — Гм! А говорили, этот деятель науки исчез!" Одоленная любопытством, Зоя спрыгнула и схватила бинокль. Водоземцев, как гусь, вытягивал шею и делал уморительные упражнения перед зеркалом. Профиль профессора описывал в воздухе овал, кадык выступал дальше подбородка. "Пятернями не машет, а то покажется, желает взлететь". Сбоку громоздилась дюжина разноцветных, соединенных вместе, видимо, склеенных толстых тетрадей.

— Там у него знаменитые ведерниковские лекции, те самые, записанные в разнообразных вариантах и дополнениях. Ясно, кто оставил всех с носом, — заключил Тилин.

— Но с носом остались ЦРУ и ФСБ! — прихотнула Зоя.

Литера: Б

Несколькими месяцами позже описанного случая, в субботу или воскресенье, восемнадцатого октября, электрики станции Т., недоучившийся юрист

и недоучившийся физик, разгуливали по барахолке. Покупать и пустяковин не собирались, а восстанавливали посредством моциона обмен веществ, нарушенный недавним кутежом. Мысль о маринованных огурчиках или чем-то ином не приходила им в голову: они с презрением относились к тем, кто употреблял горячительное или пиво два дня подряд.

Итак, эти недоучки, Константин и Юрий, шурша желтыми и оранжевыми листьями, разглядывали скудости, выложенные на ковриках, газетах, а то и банально на земле. Смотреть не на что — приятели намеривались покинуть рынок, и вдруг их заинтересовало комическое содержимое одного из ковриков, на котором размещались: тубус для чертежей, старый, но пристойный кожаный портфель, нагрудный академический знак, красный диплом — увы, оказалось, с фамилией, — книжки, ксерокопии книжек, логарифмические линейки, курительные трубки, детали акваланга, пояс альпиниста.

Внимание Константина привлек похожий на воинский устав томик ДСП (для служебного пользования). Книга адресовалась кадрам МВД — КГБ. Константин полистал разделы, посвященные физической подготовке сотрудников органов и приемам боя без оружия. В книгу заглянул и Юрий:

— Ну и приемчики! Хи-хи, ха-ха! Это надо просечь! Издевательство, да и только! Удар кулаком между глаз. Удар сапогом по центру голени. Вроде бы для подготовишек! А в действительности? Где указания на отмобилизование, характер размаха? Для таких ударов нужно усердно готовиться полжизни или быть Ильей Муромцем!

— Да! Далекое нам, доходягам, до Ильи Муромца! Мы небось тридцать три годочка на печи

не лежали, кулебяки не жевали! Бицепсы — во! — Юрий поднял мизинец правой руки, чуть согнул и притворился, будто проверяет крепость его мышц: дурашливо сымитировал процедуру с двуглавыми мышцами плеча. — Нет! Нет! Нам впору спецприемы, надежные, как маузер, а лучше — как калашников! Без тренировок и особых весовых категорий!

— Добрые молодцы! Добрые молодцы! Вы и впрямь готовы к труду и обороне! — съехидничал продавец. — Зачем вам приемы? Или прохода не дают?

— Мы монтеры на путях. Работа с ночными дежурствами, неблизко отсюда. И без дрезины! Иди в потемках пешкодроном. Не на того еще лешего, бывает, не нарвешься! Разлюбезный сто первый километр через перегон от нашей станции. Насельники старые разъехаться не успели, когда власть переменилась. И к чему? Гожая химия — по соседству. А нам? Нельзя всякий раз таскать с собой ломики. Мы их и не носим.

— И правильно поступаете! Не носите! Воистину верно, ребята! Вам от ломиков и достанется. А приемы? Есть у меня разные приемы... Но я вас знаю?! Может, вы домушники, специально выращенные для проныривания в форточки. Или вольные инспекторы зимних дач.

— Ну-у! Мы ребята нормальные. Бывшие студенты. В университете учились. Мани-мани не хватило доучиться.

— Да полно! За академнеуспеваемость выперли или за дела какие.

— Какие там дела! Все фокусы вокруг замдеканов и проректоров, это на них завистники писали анонимки. А незачеты у нас случались лишь по физкультуре и военной кафедре. Да и то — за недопустимую форму одежды.

— Вещь объяснимая, везде — одно и то же, аж скучно, — отозвался продавец. — А я вас и

проверю. Кто преподавал тогда на военной кафедре?

— Ну, хоть майор Ростовцев, полковник Котрохов...

— Личности известные! — подтвердил продавец. — А Котрохов гремит еще костями?

— Заставали на втором курсе. Что потом — без понятия.

— Нечего говорить! Почти убедили! Явлю вам вещицу. Так... — торговец вздохнул и выдернул из-под барахла квадратную книжку с белой обложкой без надписей, стер пыль и произнес:

— Раскройте наугад в середине и посмотрите, оцените. Чур, не листать!

Молодцы взяли книжку и сразу попали на иллюстрацию.

— Да-а! — воскликнул Константин. — Тут двенадцатилетний ребенок насмерть поразит Джеймса Бонда!

— Двенадцатилетний — подлинно, а вы, глядишь, и нет. Решающее — не сила, а гибкость и быстрота, а ваша пантеристость уже не та. Куда до деток! Вам понадобится повышенная настороженность. Плюс — согласованность в действиях, какая требуется паре девушек, бросающей в грязь тяжелоатлета. Но книжку закройте. Отдайте-ка мне. Если надумали брать — гоните девятьсот.

— Что-о-о?! — изумились молодцы. — За такую за фитильку?

— Не нужно — не берите! Для кого-то цена была бы в ...цать раз больше. Только я не хочу продавать книгу валетам сверхноворусских.

— Тогда — ой! Извини, командир! Подойдем через недельку-другую.

— Хо! А меня здесь не будет. Кумекайте сейчас.

Молодцы принялись шептаться. И пошептавшись, изрекли:

— А за семьсот сорок?

Эти сорок и разжалобили торговца:

— Ну как с вами быть! Берите за семьсот! Уступаю бывшим универсантам. Пособие никому не демонстрировать и не копировать! Вы просекаете вариант с копиями книги?

— Сами понимаем. Мы не идиоты, себе же повредим! — заявил Константин.

И вот подпольная книга — в руках. Константин и Юрий зашуршали лимонными и багряными осенними листьями, а заодно — украдкой — и страницами книги. До свертывания барахолки еще не скоро... Но обыденность места нарушилась: мимо крайних рядов медленно и важно покотился, словно поплыл, каретоподобный черный автомобиль. Всякий сведущий определил бы в нем современный английский катафалк, но на базаре, конечно, узрели хорошо сохранившуюся антикварную машину или хитрый писк моды на ретро. Кое-кто залюбовался плавно двигающейся ритуальной тачкой. Автомобиль продолжал царственно идти, несмотря на свистки милиционера. На почтенном расстоянии от катафалка, вслед ему, ехал светло-серый "запорожец". "Запорожец" притормозил, его дверца приотворилась, и показавшаяся из-за нее крупногабаритная морда что-то сказала милиционеру. Милиционер перестал свистеть и вроде успокоился. А между тем автомобиль-катафалк подрулил к коврику торговца, недавно получившего семьсот рублей. Катафалк остановился. Из него вышел высокий человек, похожий на стриженного Шопена. Это был Косидовский.

— Хэлло, Аркадий! — поприветствовал он.
— Как торговля?

— Неплохо, Паша.

— Неплохо? Четыре удачных минуты на вульгарной фондовой бирже или в черном казино — и можно скупить тысячи базаров.

— Базары в сумку не влезут! Ты многое скупил, а секьюрити твои в "запорожце" ездят.

— А не напекло тебе голову осеннее солнце? — заметил Косидовский. — Разве слышал та-рахтение у малыша?

— И правда! — постиг Аркадий. — Радиатор будто бы не воздушный. Любишь ты, Паша, маскарады!

— Маскарады тонизируют. Например, кое-кто видел профессора Водоземцева при парике и кастровской бороде. Ты знал эту персону. Зачем ему захватывать кафедральные бумаги и ведерниковские записи?

— Особенно его и не знал, обычно встречался мельком, заседания кафедры были для меня необязательны. Я вёл занятия как часовик и только половину семестра. Шум возник позже. Радио, телевидение, газеты долго перетирали новость: "Откры-тие во вре-мя лек-ци-и". Потом гвалт исчез и автор открытия затих, но навсегда.

— Правильно. Именно на лекции и налетело вдохновение на великого Ведерникова. И что удивительно — в присутствии самодеятельного телеоператора. Не все студенты более или менее поняли и грамотно записали свежие идеи. А Ведерников себя в тот день дурно почувствовал — точно, откопал запретную абсолютную истину — и уже ничего не соображал. Пытались утаить этот факт. Но записи, в том числе магнитные, должны сохраниться. Не конфисковал же их Водоземцев.

— Поздно ты проснулся, Паша! — произнес Аркадий. — Он не допускал к экзаменам тех, кто не сдал ему конспекты Ведерникова. Факультетские чины целый месяц не подтверждали сенсацию. Полагали — утка. Вот Водоземцев

под усмешки коллег и нахапал по индивидуальному интересу, что сумел! Лишние или халтурные записи уничтожил! Вся кафедра смеялась! Думали, тронулся сей энтузиаст! А он тронулся, но куда-то в неведомую степь!

Литера: В

Фефёлов постоянно улавливал за спиной тонкий нос спецслужб: сперва КГБ, затем ФСБ. Он считал, циклопическое ЧК — ОГПУ и ныне существует где-то в слоях бури и натиска (а то и в граде божьем, надмирии, либо для кого-то в ином священном месте), тянет длинные могучие руки оттуда, управляет своим мелким филиалом — ФСБ.

Сталкиваться с органами лицом к лицу Фефелову приходилось не часто, да практически не приходилось. Однажды, сидя на профсоюзном собрании, Игорь Леонидович Фефелов (тогда еще Игорь) с бухты-барахты ляпнул: "Ленин-то подох, а Керенский до сих пор здоровствует!" Промолвил негромко, неуловимо для трибуны, но не прошло двух дней — и Фефелова вызвали в спецотдел. Крутили мозги часа три. Майор запаса терял нить рассуждения, отвлекался на всякие дела, звонки, но Фефелова держал словно на привязи. Ох, подзабыл Фефелов, как ему удалось оттуда вырваться!

В другой раз Игорь Леонидович стоял на железнодорожной платформе, дожидаясь электрички: следить за расписанием он не любил и поневоле проводил время таким образом. От скуки Фефелов вознамерился зарядить фотоаппарат. Вставил кассету и щелкнул затвором, нацеливая

видоискатель на проволочные висюльки над рельсами. В любом случае требуется промотать засвеченные кадры. Когда прицеливался, услышал резкий окрик, но не обратил на него внимания, решив, что кричит пьяный.

Протекло несколько спокойных минут. Явился поезд. Здесь Фефелова схватили люди в форме железнодорожников и прямо в вагоне довели до линейного подразделения ФСБ.

Иных странностей не было, если не добавлять... Ан, нет! В годы буро-малиновые и золотые в кулуарах семинара Бориса Стругацкого некий диссидент-поэт ни с того ни с сего предложил ему, Фефелову, завтра с утра пораньше направиться к Михаилу Дудину, поболтать о том, о сем. Дело простое, но полезное. А дабы все пошло хорошо, путем и тип-топ, нужно сейчас перейти Литейный проспект и зайти на огонек в большое красивое здание. "Ведь ночь на дворе!" — изумился Фефелов. "Хо-хо! Ночь! У-ля-ля! Вечер не кончился!" — парировал диссидент. Да-а! Уже в ту эру Фефелов невзлюбил в зародыше ипотеку и сетевой маркетинг, с полунамека понял, что это за мурки.

Еще? ...жизнь без похожего как будто пронеслась?.. Снова нет! Где она, бриллиантово-деревянная эпоха Горбачева? Те ходившие по рукам хлесткие воззвания, которые он, Фефелов, рехнуто подмахивал и в довершение давал свои координаты?

Товарищ, верь! Взойдет она,
Так называемая гласность,
И вот тогда госбезопасность
Запомнит наши имена!

А раньше, хе-хе, "Клуб-81"? Очень занятная штучка! Говорить о ней лень.

А позже? Холодный лес, палатки, *партизаны* — резервисты с офицерскими знаками различия, но в бесформенном солдатском хэбэ и в шинелях из наспех обработанного некрашеного сукна. Забрел Фефелов в складскую палатку — ох, передвинуть для чего-то военное имущество, а там обретается неизвестный партизан и блескает подозрительными стеклянными глазами, тихо разговаривает с одетым в драную партизанскую форму доцентом Голопеховым. А зря, зря сунулся туда Игорь Леонидович! Ему довелось беседовать вторым. И о чем только не довелось! Вернулся Фефелов с военных сборов, не успел прийти в себя, — и его опять забрили и отправили в Сибирь, изучать тонкость серой шинели и крепость пятидесятиградусного мороза. Партизанам, в отличие от прочих военных, тулупы не полагались, зато настойчиво вчухивались бэушные, зараженные агрессивным ногтевым грибком яловые сапоги.

Многое что можно добавить... Предатели-геродини в советских коротковолновых приемниках! СССР — единственная в мире страна, которая выпускала супергыркалки в таких огромных количествах. А для чего? А всё для того! Для того! Не для чего иного. Не для прослушивания вражеских голосов. Иначе, зачем бы понадобилось их потом глушить!

Здравствуй, русское поле!

Я твой тонкий колосок —

американский голосок.

Периоды эфэсбэшного затишья чередовались с периодами пристального интереса. Он наступал, как обвал: вдруг в телефоне просыпался "мо-

тающий" призыв, в бытовом АОНе приятеля не определялся фефеловский номер, в доме обнаруживались следы пребывания посторонних, письма и бандероли доходили распечатанными. И теперь после массы прелестей в вечно пустующую соседнюю квартиру вселили двух филероподобных субъектов. Размышляя об этом, Фефелов услышал стук, идущий от окна: перед окном моталась толстая веревка. "Кто-то хулиганит", — подумал Игорь Леонидович, но прошло минут семь, а веревка продолжала мотаться и бить по пластине отлива. Не вытерпев, Фефелов кинулся на улицу и глянул на верхние этажи дома. Где-то на уровне двенадцатого болтался на сиденье, прикрепленном к стропам лебедки, верхолаз и замазывал мастерком межпанельные щели. Вернувшись, Фефелов на всякий пожарный задернул шторы и поразмыслил о том, что за неделю до сего он заменил дверь и вставил замок с небольшим секретом. Даже изготовивший ключ не смог бы этот замок открыть. А как раз ныне Фефелова и не должно быть дома! Шарканье прекратилось. Почуввав жуткий сквозняк, Фефелов устремился на кухню и обомлел: в окно, почему-то настежь распахнутое, входил человек. Наглец улыбался сам себе, а затем принялся хохотать во всю глотку, словно неожиданно застигнутая в подъезде присевшая баба. Показав, не снимая перчатки, кулак, он исчез. Лицо его почудилось Игорю Леонидовичу до боли знакомым... Через час Фефелов отправился на улицу, осмотрел стены. И увидел нелепость: полоски нового раствора были проложены от кровли и на уровне этажа Фефелова обрывались. Обработав этот этаж, верхолазы бросили халтуру.

Назавтра штукатурки-верхолазы не появились. Но они не приезжают из-за частных обращений! Герметизируют все щели дома и сначала трудят-

ся на соседних корпусах! Кунштюк этакий Игорь Леонидович зрил впервые! Да и месяц не тот. Щели обычно замазывают летом, а не с разгулом легких морозцев.

Фефелов повторял одни и те же фразы. Он не сумасшедший и у спецслужб подозрений не вызывает, а на мушке или, вернее, на кончике пера его держат для дополнительной возможности строчить в Москву отчеты, ставить галочки, получать зарплату, иметь нужные штаты. И появляется скверное: наблюдающим людям надо докладывать по команде о принятых неофициально-административных воздействиях. Вот они тайно гнусные меры принимают, принимают. Лучше бы, как в эпоху Ягоды и Ежова, рубили, резали, стреляли, душили, травили, не тянули мерзкую волынку. "Вон они, — ныл Фефелов, — денежками шелестят, рыла в коньяке мочат, а я карьеры лишился, на «исправительных» военных сборах почки отморозил, друзей за границей потерял. Письма туда — изымают, в дело подшивают, невинные тексты по-своему интерпретируют. Кто за это ответит? В поисках вещдоков они регулярно у меня в доме роются. За это кто заплатит?"

Цапалку, тянущуюся откуда-то из приснопамятных годов, Фефелов чувствовал. Стоило Игорю Леонидовичу чуть-чуть подняться по общественной лестнице, — тут же рождались обстоятельства совершенно дикие, высывалась незримая когтистая лапа и низвергала Фефелова — приходилось начинать с нуля. А ему надоело карбаться! Сколько можно! Сколько можно ощущать слухом и порами кожи, сжимая телефонную трубку, как где-то далеко внутри страшного переплетения проводов, опутывающих пространство и время, в некоем нигде крутится бобина с не-

стандартной магнитной лентой и записывает, записывает, записывает?! Сколько этих лент валяется вгряди у круглых шестнадцатизэтажек.

В наличии и его здание — там, вне рациональности и логики... Набитое людьми с блёскающими стеклянными глазами.

А где-то есть иные здания, прямоугольные, в которых дамы смутного возраста потряхивают кудряшками и отклеивают крышки конвертов над тоненькими струйками пара, а то и меняют позиции лазерного сканера, и — здания четвертые, в каких пахнет канцелярией, туалетом, жареными мозгами и кучей фефеловских трупов. Там засушенные фефеловские жизни, истыканные высокочастотными иголками души.

"Баста! — решил Игорь Леонидович Фефелов. — Буду воистину шпионом или антигосударственным!"

Фефелов призадумался; и внезапно осознал: он держит левую руку с растопыренными пальцами в не совсем определенной виртуальной среде, не то в сусле, не то в прованском масле. Проткнув ее пару минут, выставил пальцы вытянутой руки перед собой и принялся осторожно ощупывать воздух. Превратившись в автономное существо, рука дернулась, вслед за ней дернулся и Фефелов. Пройдя несколько шагов, он схватил некогда не читаемую толстую рекламную газету. Затем взял шило и, поманеврив им, воткнул в обрез газеты между листами. Нужный разворот открыт. Далее... Зажмуриться и наугад проткнуть рекламный блок.

Но шило проткнуло не рекламу. Фефелов узрел объявление:

Требуется работник службы безопасности.
Опыт не обязателен.

Ну и?.. На протяжении четырех лет Фефелов тренировался в похожих экстреманипуляциях. Пусть хотя бы раз из них выйдет толк!

Литера: В 2

Вскоре Игорь Леонидович Фефелов уже находился в солидном офисе и заполнял многочисленные графы анкеты.

Рубрики в анкете были с прибабахом, а реагировал на них Фефелов еще чуднее.

В графах: *Тонкость обоняния*, *Мнительность*, *Подозрительность* — он поставил себе по 10 очков из десяти возможных.

В другом разделе Фефелов наскочил на дилемму:

"Кто вам больше нравится: высокие блондинки или маленькие брюнетки?"

Он-то попадал в категорию людей извращенных и предпочитал блондинок, но умудренность подсказала Игорю Леонидовичу верный ответ: "Маленькие брюнетки". Его Фефелов и выбрал.

Из массы геометрических фигур Фефелов, конечно, отметил флажком не круг и не квадрат, а трапецию.

На очередной странице предлагалось нарисовать животное и назвать его. Игорь Леонидович изобразил двухголового козерога. Вторая голова козерога размещалась там, где по логике должен быть зад. Название "Курлабай" Фефелов расположил не под рисунком, а — тавром на шкуре зверя.

Новые туры отбора не понадобилось. Даже до теста допускали не всех. И здесь Игорю Леонидовичу повезло: минула неделя — и он на приеме у Павла Косидовского.

Перед заходом Игоря Леонидовича обыскали и попросили подписаться под семью или восемью бумагами. Суть объемистых текстов сводилась к призывам не разглашать то-то, не способствовать тому-то, постоянно информировать о том-то. Фефелову было лень изучать галиматью, он пробежал напечатанное одним взглядом. Но под фразами "С документом ознакомлен, возражений по нему не имею" неизменно расписывался.

Литера: В 3

— Хо-го-го! — ржал Косидовский, когда до него дошел лепет Фефелова о Лубянке и доме на Литейном. — Хо-го-го! Да кто тебе брякнул, что ГБ на Лубянке?

— А где она?

— Хгу-гу-гу! Треть Ея в Сенате, а две трети — в Синоде!

Фефелов поделился с Косидовским только общими мнениями, но, разумеется, не донес о слежке за собой.

Итак, Фефелову предстоял главный тест — первое задание.

Необходимо нейтрализовать агента европейской фирмы. Действовать пришлось экстренно, сразу после получения инструкций от медведеподобного господина в гражданской куртке с зелеными петличками. Господин и не подумал представиться, хотя бы ради декорума. "Откуда взялся сей материал? — размышлял Фефелов, озирая медведеподобца. — Возможно, это какой-то неза-

служенно уволенный государством кадр. Не бандит".

Игорь Леонидович приступил к выполнению задания, а перед тем успел выяснить важные детали. Непонятно. Необычно и удивительно, но на иных станциях петербургского метро до сих пор сохранялись колонны с ажурными решетками, причем вне поля обозрения телекамер. У Фефелова раньше не возникала мысль, что за этими решетками существуют ниши, стенки коих легко нащупать или разместить между ними бомбу. А внедрить туда можно всякое. Сам бог велел там устраивать укывища.

Бродя у колонн в указанный ему час, Фефелов еще раз удостоверился: за арками, на нижнем вестибюле, временами бывает безлюдно. Хорошо для подстерегаемого, вовсе не для Фефелова. Край платформы целиком просматривался. Наверняка обнаружили бы высунувшуюся из-за колонны голову. Но требовалось наблюдать, и не одним глазом. Не абы как.

Фефелов удалился шагов на шесть от колонны с нужной решеткой, повернулся к ней спиной, небрежно прислонился плечом к другой колонне и надел купленные на улице Шкапина очки. Внешне нормальные очки, но они прекрасно заменяли зеркало заднего вида, и даже были совершенней, поскольку в каждом заушнике помещалось по оптоэлектронному перископу.

Фефелов уткнулся для проформы в детективную книжонку и вскоре различил на экранах очков: к меченой колонне приблизилась дама в голубоватом плаще и, осмотрев обе стороны посадочной площадки, что-то упрятала за решетку. Точно уловить, в которую часть полости втиснут предмет, не удалось, но Фефелов понадеялся на интуицию. Дама быстро отошла. Обернувшись,

он удостоверился: она направляется к эскалатору. Подойдя к тайнику, Игорь Леонидович моментально без проб вытащил коробочку и тут же опустил на секретную грань похожий футляр с дискетой.

Литера: G

Тетрас Рейнсборгс считался неизвестно кем, вернее, трудно сказать кем. Правда, он не числился агентом официальных служб вроде Интеллидженс сервис, а имел отношения со многими довольно интересными конторами, не упомянутыми ни в какой прессе, но более ищачил то на некую фру Пиццендорф в Берне, то на мало кому ведомый синдикат в Амстердаме, называемый "Контраст СИ". Если вы не слышали о таком названии, то проще о нем и не знать. Меньше грядущих хлопот.

Выбор Рейнсборгса не подлежал сомнению: "Лучше работать не на государства, а на тех, кто незримо держит президентов и премьеров за глотку, кто фактически объявляет войну и мир, да прикидывается, будто оценивает художественные холсты, развлекается на ипподромах, а в действительности отжимает это человечество — даровую апельсиновую дольку". Невзирая на опыт, Тетрасу приходилось периодически садиться в калошу, нередко прямо в лужу, и не в только в переносном смысле. Но чаще — когда дело уже сделано, а лыжи смазаны и наострены. Убегать можно в несколько подмоченном виде.

Скажем, глупая история произошла с ним на проспекте Вавилова в Москве. Тетрас проводил время в кафе, возле условленного места. Выходя,

кинул взор за низкую стеклянную перегородку. Там — газовая плита, блестящие котлы, колпаки поваров, а сбоку на кафельной стене огромная и неграмотная кроваво-красная надпись:

СОУСА

Рейнсборгс вытаращил глаза, лицо его вздрогнуло от напряжения, и он неожиданно для себя громко и испуганно спросил окружающих:

— Соуса... Что такое соуса?

Ему вежливо объяснили, но в углу Тетрас заметил пристально смотрящего на него не совсем рядового субъекта, штатская одежда которого, бесспорно, была реквизитом.

Теперь Рейнсборгс пребывал в состоянии крайней досады. Раздражение усиливал доносящийся из коридора резкий нахичеванский, во всяком случае, не романский говорок.

Полученная дискета оказалась туфтой. На дисплее ноутбука — название пригородного поселка, туристская карта его окрестностей... Сколько раз проезжал мимо него, отправляясь на пикники! А зачем эти пирушки сейчас!

— Стулбс! Стулбс! — гневно давил Тетрас кулаком себе на лоб.

Самокритика не озаряла. Как быть? И вдруг мелькнуло новое соображение. А кто за мной следит? И кому, кроме меня ...? Русские свиньи лет пятнадцать спят и храпят! Тетрас тут позвонил по сотовому. Донельзя смущенный голос ответил извинениями за путаницу и идеей передать нужное шифром на электронный адрес. "Почему бы нет?!" — подумал Тетрас, согласился и, отключив телефон, принялся мурлыкать древний

шлягер *Zilie lini*, называемый на рашке "Синий лён":

— Ва-ай! Вай! Ва-ай! — и что-то далее на тот же мотив в том же духе. А глотнув неразведенного драгоценного рома из заветной черной фляжки, перешел на язык и стиль вражеской земли:

— Лабусы, лабусы! Светлого мая привет...

Но электронной почты Тетрас не дождался: через шесть минут в номер провинциальной гостиницы "Советская" ворвались четверо с пистолетами и защелкнули на его руках наручники.

Лабусы, синий лён, синее небо, синие очи скандинавских прелестниц исчезли надолго: деликатно подсунутая Фефеловым дискета предназначалась не для пикников. В конце одного из ее файлов скрывались данные о капонирах военного аэродрома и подземных ангарах для тяжелых бомбардировщиков.

Литера: Д

"...сновидения мы проходили, — сказал Тилин, — синий¹⁶ платочек давно выцвел. Да еще Федорин какой-то", — и отбросил бульварную книжонку в глянцево-радужном переплете.

Раздался звонок.

— Пушкин слушает, — буркнул Тилин, сняв трубку.

— На проводе Дантес.

¹⁶ Похоже, составитель неудачно соединил листы, или ... Господи, ты! Синерге...

— Хм-м... Я сам не лучше.

— Кое о чем допыталась, — донесся до Евгения тот же голос. — У них перед новым годом отчислилось трое. Одну я отчасти знала: некто Вера Дмитриева. Сломала на баскетболе ногу, месяц пролежала, два месяца прогуляла, затем решила забрать документы. Такая вся из себя. Нехорошо срослось, в мозгах не сварилось: стало стыдно появляться в людных местах на костылях.

— Вот как. Я подозревал, не слишком там чисто. Разговоры о мертвых душах — для проформы. Не совсем они и мертвые. А успела Дмитриева записать нужное?

— На лекции она уже не ходила, но ей записывали на пленку и делали ксерокопии. Она тем и этим пренебрегла, но сохранила. Материалы у нее.

— И можно попросить?

— Абзац! Она наслушалась историй о Ведерникове и Водоземцеве, из добросердечия свои реликвии не отдаст. Лапшу про студентов, ликвидирующих хвосты, на нее не навесить.

— Что ей надо?

— Ну, ты брат Пушкин, даешь! Если б я ведала, то и проблем бы не было.

— Реально, не денег.

— Разумеется! Только девочка скучает. Не секрет.

— Ей приятнее: три недели в Европе или дамское развлечение?

— Не убеждена, но скорее, и то, и другое сразу.

— Не будем мы ей обеспечивать свадебное путешествие по Европе! Она до ручки дошла?! Гмм... А Вера Дмитриева очень страшная?

— Не то... Непроницаемая. Пресная. Лицо — каменная маска. Ни морщинки. Красивая, но не миловидная. Блистательный антиквариат. Топ-

модель из девятнадцатого века. Таких ныне не любят, не понимают, не ценят. Физиономия, действительно, словно проутюжена. Фарфоровость необъяснимая. Куклами, бывает, восхищаются. Вера не кукла. Миниатюра. Правда, изрядно увеличенная.

— Почти есть картина! — подытожил Евгений. — А поменять внешность?

— Не выйдет! Волосы переколеровывать не подумает. Здесь у нее — принцип! А прическа — куда ей! Без того носит на себе то раковины и ласточкины гнезда, то назло прочим — вавилонские башни. А распустить волосы не захочет. Насмерть закусает.

— Но высокоморальна?

— Чересчур. Спаси до Джомолунгмы. Не забыл об эпизоде с костылями?

— А намного миниатюра увеличена?

— До ста девяноста одного сантиметра, но всё изысканно.

— Аллах акбар! Зацепка! — довольно воскликнул Тилин. — Я знаю аспиранта из Каира. В нем — метр девяноста пять. А чопорность — как раз то, что нужно мусульманину. Насмотрелся на белых женщин, теперь землячек и не хочет... Этот египтянин — архитектор и, пожалуй, — лучший гид по европейским достопримечательностям.

Литера: Е

Константин и Юрий вышли на проселочную дорогу. Под ободранной черемухой гладкий благообразный тип телепался у оси домика-прицепа, сочлененного с видавшим виды белым уа-

зиком. Окна домика "Комби", были зарешечены, задернуты занавесками.

— Ребята, не могли бы вы мне помочь? — обратился к ним гладкий.

Юрий хотел сказать нечто пренебрежительное, но Константин толкнул напарника локтем в бок и вымолвил:

— С удовольствием!

Издали его повлекло к этому пухлому человеку. Подействовали детсадовские воспоминания или токи боковой линии. Походил водитель уазика на фокусника, иллюзиониста, на кого-то из категории редких и необычных людей. Почувствовал Константин: встреча незряшная. А Юрий уже привык полагаться на интуицию друга.

"На кого таки похож сей господин? — думал Константин, поддевая березовой вагой покосившийся край прицепа. — Чуть не Гудвин из Изумрудного города, волшебник страны Оз..." Но вслух спросил:

— Вы, случайно, не в институте имени Стеклова трудитесь?

— Я давно не математик, — ответил пухлый, не пробуя представиться. — А вы двое? У вас какое-то общее дело?

— Дело-то у нас общее, да не наше, — иронически заметил Юрий. — До бизнеса мы не выросли.

— Что мешает им заняться? Есть желание, поспособствую, — человек закрутил гайки и начал протирать руки ветошью. — Но прежде вы мне должны помочь еще раз. Если сможете. Работа нехитрая и года на полтора. Во-первых, мне нужны ассистенты для небольших опытов...

Юрий критически оглядел авто и прицеп.

Водитель тыльной стороной одной руки медленно провел по своему животу и так же другой рукой — по лысине:

— А вы считаете, прилично развезжать по глухим местам на "кадиллаке" или "макаробере"? Вы за идиота меня принимаете? Я ученый, а потом иное. А вы... — тон благообразного смягчал, в глазах проступила усмешливость. — Да, вижу обоих насквозь. Пока не бандиты, но легко могли бы в них превратиться. Точнее, вполне могли бы стать полубандитами. Увы, они мне и нужны. Сдержанные люди без традиций и блатных привычек. А опыты освоите. Давайте знакомиться по-настоящему.

После этой тирады Юрий открыл рот, кепка его сползла на брови, он стал смахивать на типичного провинциального уркагана. Произнесенные толстячком фразы проявлялись, приобретали зримость.

Водитель повторно протер руку ветошью и протянул друзьям:

— Давайте знакомиться: Виктор Федорович Водоземцев.

Литера: ك (قاف, каф)

— Мухаммад существовал бесспорно (хи-хи!), но Аллаха ни капельки нет, — провозгласил Кадир.

— Соплеменники тебя не зарежут за такие слова? — поинтересовалась Дмитриева.

— Кого-то — может быть. А мою персону не затронут ни в коем случае.

— Что за избранность?

— У меня отец верующий, мать верующая, многие родственники — религиозные фанатики. Но мне они позволяют говорить всё.

— Почему?

— Мой дед, Илаил, был великий святой, отшельник. Перед смертью, при стечении тысячи правоверных, он положил мне, малолетнему младенцу, ладонь на голову и изрек: "Кади пойдет своей дорогой! Не мешайте ему!"

— ...

— Аллах — свидетель! — улыбнулся Кадир. — И вот я оказался не в медресе, учился в Риме и Москве. А здесь, сама в курсе, — аспирант.

В присутствии рослого египтянина Вера не чувствовала себя скромницей. "Прошлые комплексы, надоевшие комплексы из-за мужчин-коротышек, — полагала она. — Но какая штучка этот араб? Наслышаны мы о ваших повадках. Рахатлукум и прочее. Потом ни с того ни с сего рядом окажется нильский крокодил".

— Встречала я разных арабов, — известила хозяйка гостя. — Коран запрещает употреблять спиртное, но они напиваются до посинения, а потом лежат в придорожном кювете. Зимой наблюдала: милиционеры вытаскивали правоверного из канавы и ругались, рассматривая его документы.

— Мне земляки, любители канав, не попадались. А если тот нечестивый и не араб был? Хотя пьяницы везде есть.

"Не походит Вера на женщин, которые днем и ночью прорываются с улицы в интерклуб и консульства", — думал Кадир, — но не нравится мне чем-то она, не нравится. Не слишком ли длинная? Вроде бы нет. Такая белая убедительнее будет смотреться во всяком арабском государстве, сможет вести себя свободнее иных, ни

одна собака не посмеет приставать с нравоучениями. То же с одеждой: за десять шагов отличится от местных, с шаблонными мерками к ней никто не побежит". Но в чем загвоздка — не достигал Кадир; не мог понять, что его смущало.

— Ты хочешь меня пощупать? — вдруг спросила, догадавшись о ситуации, Вера. — Пощупай, пощупай, а лучше мою ногу. Она неживая.

— Ну, причастился? Я со спокойным сердцем включаю сидишник. Потанцуешь со мной?

— Нет! Ох, нет! — откликнулся египтянин. — Как говорят в ваших городах, я выше этого.

— Теперь, Кадя, ты прозрел? Идти своим путем ты не умеешь!

— Вполне! Как говорят в ваших городах, до меня дошло. Аллах — свидетель, — повторил сентенцию Кадир, но уже не иронически.

Раздался телефонный звонок.

— Да! — произнесла Вера. — Ни с места, — продолжила она, отвечая. — Хорошо, — закончила она. Потом процедила, повесив трубку:

— Сюда идет Ксения. С неким художником Тилиным и его ученицей, Далидой.

— Да-а? Евгения Тилина я знаю больше Ксении, — сказал Кадир. — Перессорился с Зоей и водит новую компанию. Пусть идут, — египтянин запоздало достал из черного чемоданчика бутылку "Наполеона".

До него не дошло, отчего он это не совершил сразу. Подобные атрибуты он обычно торжественно демонстрировал после первых фраз... "Ах!" — чуть не забыл он неудачный визит также к одной высокой девушке, когда этот номер не сработал. "Почему?" — он едва вспомнил картину. Та высокорослая внезапно стала собираться по каким-то делам, сильно испугавшись двух нагрянувших к ней арабов. Мгновенно потеряла весь

пыл, проявленный на танцульке. Но получилось, будто бы испугалась она не иностранцев, а выставленной на стол стеклянной армады. "В чем проблема?" — давил в тот вечер на висок Кадир и почти не соображал.

"И все-таки пьют или не пьют мусульмане? — вопрос, на который еще никто толком не ответил", — думала в этот момент Вера.

А египтянин начал представлять острый жесткий взгляд Ксении и усмешку на физиономии Тилина. Ловить с ложным поличным вряд ли вознамерятся, но вдруг устроят прессинг? Не отвертеться. Вот уж не отвертеться. Шайтан куда-то впутывает. Имя нарочно...

Ошизев от накала страстей, каирец растопырил пальцы и неожиданно схватил Веру за обтянутую лосиной ногу. На этот раз он взял гораздо ниже. Нога оказалась живой и настоящей.

Литера: ε (ἔ ψιλόν)

Огромный актовый зал пропах старым нагретым деревом. Пилястры у сцены. Лампы-свечи в бронзовых канделябрах. Скрипящие кресла с откидными сиденьями. Сухие вкрадчивые интонации. Нет гула, базарного лая и резких призывов.

— По слухам, охватил верхи...

— Организовал эзотерические общества...

— Э! Только учредил академию. А разные астрологи да парапсихологи пытались его привлечь. Отшил их.

— Для вида.

— Смысл? — не расслышав последней реплики, вмешался новый собеседник. — Многочисленные маги, коли не Водоземцева цитируют, так — доступные работы Ведерникова. На первооснователя молятся.

— Было бы на кого.

— И без молитв там крутятся большие деньги. Из-под земли вылезли объединения Те Де Те Пе, "Клуб эС эН Ка", Университет Тибета, Институт неспектрологии? Плюс фирмы похожие, фирмы, конторы. Мгновенно всё народилось?

— Картонное это. Картонное... Зря заостряетесь!

— Знаете, как поддержал проекты академик РАН Воробейкин?

— А губернатор, экстрасенс Муркатын?

— Да что вы, судари? Опять экстрасенсов сюда? Они сами по себе и минимум отношения. Лишь бы оправдать свою заумь. Произвольного набора слов достаточно...

— Вот-вот. Академик-то Воробейкин перепугался, оглобли назад повернул.

— Газеты читали? Видели там заголовки?

— Ну и?

— У меня с собой одна газета. Простите, заголовков теперь нет. Зато есть диалог. Полюбуйтесь! Четко и ясно напечатано:

Вопрос: "Можно ли переделать атомную субмарину в космический корабль?"

Ответ: "Можно. И очень быстро! Реальна конструкция космических весел".

— Ха-ха-ха! Чушь с бантиком! — донесся до беседующих голос важной дамы из третьего ряда.

— Далее, — не обратил на голос внимания владелец статьи:

Грубая модель космических весел: два симметричных молота. Молоты вращаются. Длина их ручек меняется.

— А ниже:

Усложненная модель: возвратное движение газа в системе холодильник-нагреватель...

Усложненно-упрощенная схема: ионная...

— В самом низу была еще модель. Квантовая. Связана с колебанием атомов в молекулярных решетках. Это она, подлинная теория Ведерникова!

— Постойте! Куда вы наиценнейшую газету израсходовали?

С тыла последовало ироническое замечание:

— Ох и универсальна теория Ведерникова! И тухлую селедку — в нее, а затем — нечто диарейное.

На сцене появился Водоземцев. Разговоры смолкли. Кафедру он оставил втуне:

— Рад приветствовать аудиторию. Вижу, случайных людей здесь нет. Наверное, обойдемся без введений в синергетику? Как вы полагаете?

— Обойдемся, — слышались разрозненные возгласы.

— А раз так, то упомянем главное: связь принципа Дина с характеристиками решетки Ведерникова. Это всем понятно? Не перейдем ли сразу к вопросам?

Поднялся щуплый сухой человек с длинной узенькой бородкой:

— На практике осуществлению названного взаимодействия помешает инерция, — прозвучала его картавая речь.

— Что значит, инерция? — уверенно взялся отвечать Водоземцев. — Каждый день вы по инерции надеваете пиджак, почти не глядя, засовываете руки в рукава. А если рукава вашего пиджака зашил шутник? Вот вам и инерция.

По залу прокатился смех. Щуплый человек смущенно хмыкнул.

— Не будем голословны, — продолжил лектор. — Сомнение выразили. Попрошу ассистентов провести опыт.

На сцену вышли двое, принесли скатерть, столик и большую коробку.

Один из вышедших — Константин, вытащил из коробки полутораметровый черный диск и положил его на маленький уже покрытый скатертью столик.

Диск бесшумно взмыл и завис в воздухе.

Грянули аплодисменты.

Водоземцев, подражая фокуснику профи, сдернул скатерть и продемонстрировал публике

обе ее стороны. Юрий схватил столик, развернул и показал залу его вид снизу.

— Смотрите сами! Ни электромагнитов, ни прочих устройств в духе Копперфилда! Жаль, что за границей и у нас до сих пор не оценили великого ученого Ведерникова, нашего соотечественника, — прокомментировал профессор.

Из зала вырвался нетерпеливый, лишенный академических преамбул вопрос:

— А может ли атомная субмарина взлететь? *(Отовсюду посыпались смешки.)*

— Взлететь? Взлететь на воздух? — выдавил из себя Водоземцев с нарочитым тоном удивления. *(Взрыв хохота в зале.)*

— Стартовать в космос...

— Прежде идет речь о двигателе для перемещения по безвоздушному пространству. Но при совершенствовании технологии... Что ж, некая субмарина, пусть на первом этапе не выше геликоптера, может и взлететь. *(Гул одобрения.)*

Сбоку сосед тихо сказал соседу:

— Как оно... А наплели про исчезновение с документацией.

— И не занимается плагиатом, — раздался оторопелый бас, — он пропагандирует и развивает идеи предшественника.

— Очень красивый опыт, — заявила пышная дама из третьего ряда.

— Да что вы, уважаемая, говорите! Нынешнее сообщение — мелочь! Месяц назад в Новосибирском академгородке был еще не тот фурор!

Литера: З

Улицы напоминали внутренние органы больного существа. Вялый свет лился на лед и снег, звучал по очереди то мелодией воспаленного аппендикса, то хилой похотью иной ритмично дрожащей требухи. Сивушные масла изображали на вечернем небе па-де-де. По сугробам носились виртуальные искристые петухи, выбрасывали из-под шпор лучистые фонтаны, трясли крыльями, не дрались — все как один, словно видели впереди ускользящих хохлаток, косо-криво сигающих, виртуозно уворачивающихся, спасающих спины от ноши неодолимого инстинкта.

Из вечно длящейся непрочности и мутности подлунной пытался выйти Константин, из чехарды внезапно свалившихся водоземцевских гастролей. Казалось, он обрел устойчивость в неожиданной знакомой — Зое, даже в ее несимметричных шипящих часах, самостийно шагающих по стене. И мир Зои засасывал бравого ассистента подобно метафизической дыре, не засасывал, а отсасывал ненужное, выправлял. Выправляла любая Зоина безделушка — и (ужас!) монструозная подмалеванная крыса с бантом на шее, отчего-то называемая кошкой Туськой. Что за фигля-мигля этот монстр — и не задавал себе вопрос Константин. Известны завозные крысы, лихо втюхиваемые на рынках в качестве щенков такс. Почему не быть и кошке-крысе? Но мяукает четвероногое создание — вот проблема. И если она не крыса, а кошка, зачем ей голый хвост и вытянутая морда? Крыса вульгарис-обыкновенникус, поставленная на кошачьи лапы и заросшая густой шерстью — ничего более. "Черт! Черт! Черт!" — плюнул Кон-

стантин через левое плечо и тут представил зеленовато-серые Зоины глаза, непрерывно меняющееся выражение ее лица, трижды возведенную в степень вышколенность...

* *

Зое пришлось по душе этот недоучившийся полукомильфотный джентльмен. Во-первых, когда не на курсах телохранителей и не зовет труба начальства, не рвется из ее гнезда; во-вторых, не напивается в хлам; в-третьих, лишних идей не имеет. А остальное? Зое думалось, многих она понимает лучше их самих и потому не допускает до себя обычный человеческий материал.

Только друг Константина Юрий будто бы не совсем нормален. В последний приход он пребывал в совершенно невнятном состоянии. Рукав плаща изнутри заливала ржавчина. "Вы старушек-процентщиц убивали?" — поинтересовалась Зоя. Юрий невменяемо вытаращился. Ответил за него Константин:

— Был солнечный день, атмосферное давление — семьсот восемьдесят с хвостиком. У Юры в такси хлынула носом кровь.

— Он рукав специально под нее подставил? Еще и пиджак испачкать? — усомнилась Зоя. — Или таксист принудил бы валютой расплачиваться за испачканный салон?

— Тебе бы сыщиком работать! — иронично заметил Константин. — Он платок держал! Мимо слегка и брызнуло!

В первый раз, когда она увидела Юрия?! Он появился возбуждённый, взъерошенный... Пришлось искать польское успокаивающее.

— А то! — вмешался тогда Константин. — Его на тренировке послали в нокаут. Какой ему соперник попался!

"Ну и что? — говорила про себя Зоя, услышав звонок Константина в дверь. — Хорошо, я оказалась на дурацком спектакле Водоземцева. Выяснила не всё, но теперь многое. Вовремя академика увели чувствовать. Он, почуяв себя баринном, бросил своих верноподданных. И не понаблюдал конспиратор за ними. Сам виноват. Забыл о долге перед сотрудниками. Давно, давно их требовалось переселить из пригорода.

А расскажу или не расскажу Тилину про водоземцевские секреты — мое дело. Это по вдохновению".

И не сознавала Зоя, был или не был в ее настрое оттенок мстительности.

Литера: И

— Не волнует синергетика, — отвечал Евгений. — Это сумасшествие. Но есть сумасшествие природное. Откуда, например, возникла сорочья страсть к разным сверкающим камушкам?

— Вот оттуда, оттуда, — произнесла Далида, выстраивая мастихином очередной барашек.

— Ну и пэтэушницы в двадцать первом веке! — внешне изумился Ев, но с удивлением разглядывал на Далиде полное отсутствие следов сорочьих страстей: мятый оранжевый свитер чуть не до колен, неимение чего-то похожего на прическу.

"При том — грация, — рассудил он. — Ни манекенщицам, ни конкурсам красоты не снилась. Истина прячется или за стенами дворцов или за неопишваемыми свитерами".

По стеклу застучало: посыпался градом льдистый снег с дождем. Ветром его так и заносило в сторону окна. Далида кинула взор в зеркало над плечом: словно летел на нее снег и не долетал, обрывался в незримую пропасть. Ощущение невозможного. Его не передать. Не сфотографировать. Всё мчится в пропасть, а живопись, архитектура, литература, история, геология, почерковедение, стенография — иное, вне прочего, остаются на другом краю-берегу, на другой стене.

— СТЕНО-ГРАФИЯ! — радостно воскликнула Далида, указывая мизинцем на тилинские стены, увешанные досками.

"А ведь поздно, — размышлял Евгений. — Глупо ее отпускать или провожать в такую погоду. К тому же не торопитесь. Или избалованная, или ей на всё с высокой колокольни, на останки домостроя. А я-то каков, о чем думаю? Полюбому неудобств не причинит, если и на месяц застрянет. И отлично, коль застрянет надолго. Не исключено, окончательно отвадит Зою. Быть напарницами они точно не смогут. Эта Зоя — сыпной и возвратный тиф сразу, но заочно никого ее лучше нет. Именно, заочно".

— СЫПНОЙ И ВОЗВРАТНЫЙ ТИФ, — кивнул Евгений в направлении то уходящего, то приходящего и ударяющего в стекло снега.

"Ах, вот в чем корень! — смекала Далида. Снег-зима за окном, снег-зима в золоторамном зеркале и солнце-лето на деревянных досках, солнце-лето во втором серебрянорамном зеркале. Но почему, почему серебро и золото друг другу не противоречат? Или слишком противоречат?"

"Не дай бог они окажутся напарницами... — пробовал прогнозировать Ев. — Либо рассорятся, либо споятся до тошноты. Да ерунда, чую, обойдется".

— Аллес! Ди штунде ист аус! — изрек Ев. — Иначе ухудшится.

Далида увидела: последний барашек поставлен. Но выбрасывать краску ей не хотелось. Рука застыла в воздухе. Евгений схватил повисший в немой сцене мастихин и стал им счищать часть краски с доски, но, счищая, ювелирно примешивал недонесенную Далидой краску к холсту. За несколько секунд этюд преобразился, засветился. Нередко Ев в эти секунды или минуты нагло затевал свободной левой рукой игру с плечами, шеей, губами, а чаще, и с совсем иными местами подопечных. Доводка произведения и доводка ученицы сливались в общее действие, одно подогревало другое. Змей эроса работал до умопомрачения на каждый из фронтов, двигательный автоматизм перерождался в странно холодную симфонию. С Далидой игра шла по неясным правилам. Звенело нездешнее музыкальное эхо, будто отраженное от себя самого. Это оторванное от мира эхо чертило кривые по незримым сферам. Проходило полупрозрачные цветные преграды, обрушивалось каскадами на фантастические долины. И так далее. И на то похожее.

"Но некоторые из мимо проплывающих душ в этом отношении слепы, они обижаются," — грубо шепнул Еву тайный голос, прозвучавший не в мозгу, не в ухе, не в гортани, а где-то перед лицом. Только покончив с надкосмическими пароксизмами, Ев приступил к человеческим и, соответственно, послушался голоса.

Далида бросила художественное училище и прожила у Тилина ровно девятьсот дней. В это время добровольной блокады — из мастерской они почти не выходили — у них была общая дорога растительной жизни.

Литера: К

Четыреста четвертая дочерняя фирма Косидовского быстро поднималась. Начала с импорта, организовала производство, затем — экспорт. А благодаря чему? Вернее, кому? В офисах шептались:

— Феномен Иберова! Откуда на нас свалился?!

— Чудеса! Видит через океаны этот кавказец!

— Сам себя не знает! Спина у него вечно белая, а шнурки развязаны. Ныне старорежимным светит веселенький удел — смерть под забором.

— И пусть белая! И пусть под забором. Эдгара По вытащили из канавы.

— Зато владеет массой языков!

— Нам эти языки не нужны! Службе безопасности требуются "языки" совсем иные.

— А кто? Кто Иберов по национальности?
— донесся вдруг девичий говорок. — Не могу понять!

— Национальность? Его национальность — специальная статья. Он не грузин, не армянин. Иберов — ...трудно сказать кто. Новые слова в обиход пока не вошли. Лингвисты пытаются сейчас восстанавливать праречь, генетики — прарасы. Бывает, и реставрировать ничего не надо. В пампасах или в горных районах и то и другое можно найти в первозданном состоянии. Так вот, Иберов — контр-ги-пер-бо-рей-ский про-то-ев-ро-пец. Некогда Европу и Месопотамию населяли как бы свои индейцы. Иберов — из тех могокан.

— Народец, что обитал в Европе до кельтов?

— Нет! Смотри глубже! За тысячелетия до индоевропейцев. Баски и грузины хотели примазаться к чужим лаврам, да не удалось. Этносы, подобные грузинам, заселяли всю Европу. Кавказ — островок древности в настоящем.

— А зачем нам Иберов?

— Зачем? Он у нас по особым поручениям. И совать нос в его дела начальство не позволяет.

— Но он и просто торчит у компьютера. Торчит и выуживает из сетей то, что ни один хакер не узрит. И без компа, сами знаете, обходится.

Литера: Л

Кое-кто из прислужников Косидовского следил за Водоземцевым и за двумя его ассистентами. Прослышав, что Водоземцев учредил новое акционерное общество, этот кое-кто расхаживал по тротуару, наблюдал бурление на противоположной стороне улицы: огромную очередь, как в пункт обмена валюты в день биржевого краха.

Хвост из восьми десятков человек тянулся по улице. Скупали разрекламированные акции НИИПС. Константину и Юрию удалось обойти страшную толпу. За стеклами трех конторок сидели девушки, принимая на себя весь натиск. Ассистенты были здесь впервые и с трудом отыскали служебный вход. До того плутали среди парадных и многочисленных вывесок фирм.

На одной доске фуфырилось:

ТРЕЙД МАШИНИРИНГ КОМПАНИ

На доске рядом:

ФБЮЧЕРСНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Снаружи и в зале для посетителей всё блестяло: мрамор, бронза, стекло, современный дизайн. Внутри — гораздо дряннее. Коридоры напоминали прихожие старых габаритных коммуналок, пахло гнильцой, меркаптаном и весьма подозрительной дохлятиной.

Константин и Юрий вошли в кабинет управляющего и никого не увидели. Пространство сияло оставленностью. Длинный стол для совещаний и по логике, и обычно ведет к креслу начальствующего, но кресла у торца стола не оказалось. В кабинете царило запустение. Наверняка года три в нем не мыли полы, не протирали стены. На задвинутой в угол кафедре-трибуне — куча пожелтевших бумаг. На них покоился обращенный затылком к вошедшим мраморный бюст советского вождя. Ясно, это вождь, но, подойдя ближе и повернув бюст, Юрий не понял, какой именно. "Кто-то из первых народных комиссаров, но кто — не постичь, — решил Константин. — Донельзя известный, известный с детства, и

неузнаваемый. А лицо почему-то нестрогое, словно оживлённое, подрумяненное".

— Сюда! — вдруг раздался грубый, но глубокий голос из-за зелёного занавеса.

Рука с толстыми пальцами задрала ткань. Высунулась крупная лысая свиноподобная рожа — катастрофически ухудшенная, но вполне материализованная проекция лица бюста. Рука нетерпеливо откинула занавес. Появилась фигура коротконового свиномордого лысача, облеченная в грачино-черный банкетный костюм.

За занавесом предстал взору новый длинный коридор. Лысач важно повел наших молодцев по нему в необозримую даль. И раньше можно было подозревать: взлётка Двенадцати коллегий только по инерции считается чемпионом. На полу там и сям валялись мятые бланки товаротранспортных накладных, авизо, отчетов — всего, что в славные девяностые гуляет для блезира. Трое давно миновали помещения "Инжиниринга" и "Машиниринга", прошли задворки "Фьючерсных операций" и шагали в некоем стволе, соединяющем несколько соседних строений. "Наверное, они принадлежали номерному предприятию или Гражданской обороне", — подумал Константин.

В конце концов, проводник ввел Константина и Юрия в небольшое боковое помещение. За новеньким деревянным столом сидел Водоземцев. Стол пах сосной, не имел признаков лака, эмали и даже олифы; был расчудесен, его крышка — настоящая доска, а не ДСП. В углу располагалось кресло-качалка из таких же натуральных материалов и лишённое атрибутов, доказывающих существование лакокрасочной промышленности. Свиноголовый немедленно разместился в кресле-качалке, а гостям предложили на редкость занима-

тельную свежееотфуганенную образцово-показательную скамью из целиковой колоды.

— Не скамья подсудимых, а остатки растительных смол смыты, не бойтесь, — съехидничал свиноликий.

— Как вы относитесь к парапсихологии? — неожиданно спросил Водоземцев.

— Извините, Виктор Федорович, но ерунда это, — вырвалось у Юрия.

— Мы — атеисты, — заметил Константин, — в летающие тарелочки, телепатию, телекинез, в коммунизм, капитализм не верим.

— А я верующий, но не верю тоже, — бесцеремонно скаламбурил свиноликий и с умеренной долей хрюкотцы захихикал. Однако захрюхикал он с такой интонацией, что невозможно было понять, верующий он в действительности или нет, сказал он серьёзно или словоблудия ради.

— Очень приятно, если среди нас нет легковерных, — произнес Водоземцев. — Пусть, к сожалению, многие чрезвычайно наивны и внушаемы. Они воображают немислимое, нагнетают панику и тем самым нажимают на те пружины, о которых и не ведают.

— Прихихи-эгрегоры создают? — ухмыльнулся Юрий.

— Знать не хочу хихегроры, и плевал на них, — резко и раздраженно отозвался Водоземцев. — Есть у нас в городе масса парапсихологических обществ — никто не в курсе, сколько их точно. Тешились бы своими тайнами и никого не трогали. Но в них расплодилось немало доброхотов и не менее — святой простоты. Святая простота ублюдочней всего, обожает каждый пук наставника, а наставнички обретаются иногда дьявольские. Сперва превращают учеников в юродивых, отдают приказы один другого нелепее, но в эти приказы и "епитимьи" — или как они там называются — за-

плетают трегубо практическое. Только блаженный увидит в подобном коаны.

— Х-хр... Творят делища! — захрюкал свиноликий. — На чердаке дома напротив поставили здоровенные ящики с канцелярскими скрепками, посыпали скрепки пшеном, солью и медными опилками. Между ящиками протянули якорную цепь. А скрепки, хи-хох, в коробочках или грудой? Да нет! Каждая скрепка вдета в скрепку. Сколько дней эти скрепки они цепляли друг за друга! Целый цех корпел! Вот она современная парапсихология! Начинают с ерунды, а кончают чем погаже. Главное, людей завести, а пружины рано или поздно сработают, лишь бы спусковой крючок был. Мы обрываем нити — не нам выяснять, где наращивают жиры настоящие кукловоды: в Женеве, Атланте или в двух кварталах отсюда.

— Так, коллеги мои, — глянул на ассистентов Водоземцев. — Придется вам бить врагов их же оружием. Уж попридуривайтесь, архангелов ради, упырями и вурдалаками, поиграйте ради серафимов в сатанизм, покажите колдовские обряды. Добавьте это к вашим... *сверхурочным* заданиям. Засчитаю, как у военных на передовой, год за четыре.

Раз на черных и белых мессах не присутствуете — тем надежнее, вас не заподозрят. Не за горами и тонкое решение проблем.

— А что, Капитоныч, отыскал реквизиты? — изменив интонацию, спросил у свиноподобца Водоземцев.

— Не все. Пока добыли маски, — ответил тот и снял с себя лицо.

Лучше бы он этого не совершал. Настоящая его физиономия оказалась куда страшнее. Даже Водоземцеву стало неприятно.

— А на мраморную голову зачем надели обложку? — поинтересовался он.

— Ги-ги! По вечерам мы поворачиваем бюст в сторону окна или прохода. Случается, милицескую фуражку нахлобучиваем. Хорошо в полутьме пугает! Ты, Виктор Федорович, зарплату этому ветерану предусмотрити.

В конце Капитоныч обратился к ассистентам:

— Бдите. Держать дополнительный штат нельзя, лишняя болтовня не нужна. Связываться с уголовниками при наших раскладах — идиотизм. Зато в органах — одни друзья. Коли влипните, будто бы в виде исключения и да по ошибке вас освободим. Оставайтесь скромнягами, прочее приложится. Были, были у вас предшественники. И что? Они быстро поменяли фейсы и кейсы. На жизнь не жалуются. А шиковать ныне можно и в Сьерра-Леоне.

Литера: М

Ночью грохнулись осколки стекла на площадку у лифта, а Иберов не осознал, полагал: лязгнули железом по железу. Но утром, наступая на скрипящие шестимиллиметровотолстые куски, сообразил: крови на линолеуме нет — похоже, ударили тяжелым предметом.

— Легавые приезжали, — донесся до Иберова голос человека в сильно ушитой куртке, — но никого не схватили. Опоздали на десять минут, как всегда. Прошляпили налет на 143-ю квартиру. А по стеклу кто-то из убежавших бандитов со злобы, наверное, шархнул.

Иберов не удивился этому новому соседу. Чуть ли не каждый месяц уезжают и въезжают.

Помнит Иберов, Иберов помнит: в анкетах и бюллетенях он специально перевирал номер собственной квартиры, ей-ей, на крайний случай. И мнится ему, именно 143-ю ставил. Для контроля решил квартиру перепутать, а не дом или парадное.

И двинул Иберов не куда собирался, а прямо в рюмочную. Да не сумел он зайти в нее. Ударило оттуда острым перегаром, кипячеными внутренностями, звериным западающе-раскоряченно-кривочелюстным говорком — попятился Иберов, толкнул плечом мордана, шедшего за ним, и, не извинившись, зашагал по проспекту.

Свернул на Бассейную, а там — толпа. Стоит фура с прицепом и гаишник замороженный. Валяется мятый велосипед, кругом — десятки битых куриных яиц, лужа густой темной шестимиллиметровослойной крови.

Понял Иберов, Иберов понял: это знак и домой ему дороги нет, бомж он теперь, Иберов.

Но идет Иберов дальше и грезится ему: посылают его за труды праведные в Пятигорск или в Туапсе. Однако чувствует: никому-то он со своими праведными трудами не нужен, отброс он, и точка. Мавр сделал дело. Для наживки разве сгодится. Но думать об этом не хочется и представляет он Минеральные воды... "А если дикарем туда ринуться?"

— А если бомжем? — слышит Иберов рядом нарочито гнусавый голос Фефелова. На черта тебе гастролировать? Чем хитрее затаишься — тем безопаснее.

— Крестишься-то зря! — продолжал Фефелов. — Существовал Иоанн Креститель, а Христа вашего не было в природе и в народе!

— Еще чего! М-да-да-Хая не из Шанхая, — машинально отвечал Иберов. — Настоящий спаси-

тель умер за двести лет до рождения Христа, и его звали Иессеем.

— Доапокрифы и без того ведаем, — ухмыльнулся Фефелов.

Литера: Н

Мирный грек Ионидис поселился в гостинице "Советская" вследствие объявленной бедности и благодаря протекциям. Спрашивали: "Не из Одессы ли грек?" Давно уважающая себя публика отхлынула отсюда, кто в "Прибалтийскую", кто — в "Пулковскую", кто в центр. Здесь с низкими ценами пребывали всякие не шведы, а граждане СНГ и цыгане из Болгарии. Да и то по старой памяти.

Неуютно было Ионидису. Одиноко. С высоты девятнадцатого этажа виделись окраины, больше — пакгаузы, склады, унылые пейзажи, тянущиеся вдоль железнодорожного полотна, далекие и постные физиономии домов-новостроек за толстыми и тонкими трубами предприятий.

Самым захудалым иностранцам не воспрещали смотреть на эту часть города. А в сторону залива? С неохотой, но разрешалось. Кому нужны Канонерский и Гутуевский острова! Не устье Фонтанки? Наслаждайтесь, сколько влезет! "Красный треугольник"? — Фотографируйте на память. Вулканизируйте взоры и печень. Не ближние северные районы, где всё мудреней. В семидесятые или восьмидесятые, говорят, готовили для тех районов дымовую завесу от спутников-шпионов. Потом махнули рукой, но для пущей важности отобрали у Госкоминтуриста СССР скороспело отгроханную коробку, торчащую, как табло, у Финбана.

Почти не выходя, прожил Ионидис в гостинице недель пять-шесть. Не покидал номер и когда его убирали. Отыскалось решение: только вырастает горничная с пылесосом-полотером, Ионидис — под душ. Средиземноморски приятное имя носила горничная: Сардиния. Оно значилось в паспорте, а называли горничную Сардой. Но Ионидису нравилось именование Сардиния. Так он ее и величал. Замечает грек: заканчивается уборка, Сардиния шаркает у двери, грек сразу из душа — индонезийский чай пить. Точь-в-точь для Ионидиса это зелье: не раздражает расшатанные нервы и разболтанные сердечные мышцы. И Сардиния ему чаек таскала вместе со швабрами. Упросила кладовщицу припрятать килограммчик — не дай бог, останется единственно черный индийский.

Непонятно сварганена жизнь. Запасай чай... А прежде законспирированному постояльцу принадлежала латифундия: три плантации горного чая. Но не греческого, а крепчайшего кавказского. То — *настоящий чай, а не тот, что продают в ммагазынах...* А теперь не пришлют пару мешков с пристойным чаем. Да и не сможет грек его пить — слишком в последнее время ослаб.

Вначале Сардиния проявляла недовольство полузаголенностью мужчины. Потом привыкла: принимала полузаголенность и заголенность за норму. Чаще всего на иберийском греке не было ничего, кроме простыни или полотенца вокруг бедер. Халатом Ионидис как-то не успел обзавестись, пижамы из моды вышли, а прочую амуницию он надевал перед обедом.

Подобных морально-духовно надломленных и чуть не до прострации (*просрации — на языке других гостиничных служащих*) чем-то обеспокоенных южан Сарда раньше не встречала. Поди разберись! Где вы видели южанина, который бы не

приставал к молодым горничным? Который глядел бы на вас букой?

Хоть бы усы отрастил! Хоть бы раз улыбнулся или усмехнулся. Не тот, не тот он человек, за кого себя выдает! Но деньги у бедненького "буки" водились немалые.

— Не желаете ли девушку? — спрашивала Сарда. — Очень быстро могу добыть.

Мирный грек Ионидис при таких словах смотрел на серую дымку над Балтийским вокзалом, вспоминал еще не зачахший скверик у него и великовозрастных девушек, что в том оазисе льнули к посторонним мужчинам. Одна была скромницей, и к нашему герою не примеривалась. Она опустилась на ту скамейку, где он расположился, и, слегка согнувшись, принялась небрежно постукивать связкой ключей по фигурно загибающейся вниз поверхности реек сиденья.

Да, тремя рублями то древнее происшествие не обошлось. Еле вырвался грек из чужого обиталища. Практически без царапин. И по везению не загремел в известный половине города Либавский переулочек, близ Калинкина моста.

Не деньгами, не пришибленностью удивлял Ионидис. Заметила Сардиния, считает грек без будмажки и калькулятора. Складывает и перемножает в уме любые числа. Коридорные о чем трепятся! Слышали они, разговаривает грек с вьетнамцем на вьетнамском языке. Плюс то, плюс это. Вокруг себя полотенце грек оборачивает и в узел не завязывает. Расхаживает Ионидис по номеру, а полотенце не падает.

Но таки подкараулила Сарда момент, когда чрезвычайно цивильно и щеголевато одетый грек вернулся из ресторана, и втокнула двух девочек: Олю и Вику.

— Вот и мы! — сказала. — Выбирай, какую хочешь! Затосковал у нас иностранец".

Пришибленный грек, обычно опасющийся индийского чая и кофе, выбрал всех.

Вечер, ночь и утро вся троица провела у Ионидиса, а затем эти трое разбрелись кто куда, до треска в висках утомленные, с ломотой в костях и с красными от бессонно проведенного времени глазами. А слабый грек Ионидис совершенно не утомился и даже не лег спать. Ужасно захотелось Ионидису выйти из гостиницы прогуляться, но он удержался от опрометчивого шага.

Ионидису больше понравилась Оля. На прощанье Оля обещала приходить еще. Поэтому ни с того ни с сего и оказался грек на несколько дней без индонезийских листьев. Уже поднадоевших.

А Ольга не польстилась на греческие деньги и во второй раз пришла только в воскресенье.

Литера: О

— И текилу не пьете? — спрашивала Ольга.

Грек мотал головой и думал: "Не похоже, чтобы девица была подосланной. Ишь ты, доехали и сюда телесные блага цивилизации".

— Сколько километров от Луны до Земли? — заинтересовалась Ольга.

— В среднем триста восемьдесят четыре тысячи четыреста.

— А каков квадратный корень из восьми миллионов семисот девяноста семи тысяч ста пятидесяти семи?

— Две тысячи девятьсот шестьдесят шесть целых и сто шестьдесят восемь миллионов пятисот семьдесят семь тысяч двести четыре столлионных. Единственно прошу, Оля, никому

ни слова о человеке-счетчике. Пока здравствует ревнивый конкурент, но он решает и запоминает не сам, а с помощью приемов.

— Зачем зря говорить? Может, и мне счетчик понадобится. Я тоже хороша. У меня есть пистолет в авторучке, — сообщила Ольга и открыла сумочку.

Ионидис не понял, что это: пистолет, скомбинированный с авторучкой, пистолет в виде авторучки или ручка в виде пистолета. Он не успел и взглянуть. По шее царапнуло. В глазах поплыл молочный туман. Грек ничего не воспринимал, кроме властного голоса Ольги:

— Сесть!

— Встать!

— Сесть!

— Выдвинуть ящик стола...

Всё кончилось.

Мирный грек Ионидис повесился в гостинице "Советская".

Никто не угадал по какой причине. Будто бы так заставила его сделать одна из подруг Сарды после выстрела в него шприц-тюбиком с суггестивным препаратом.

Литера: П

Лота, младшая дочь Водоземцева от второй жены, вела своеобразный образ жизни. Весной и летом она прозябала в вялой дрёме. Осенью феноменально оживала и в ноябре выходила замуж. Но к апрелю погружалась в сонливость и обязательно разводилась.

Картежники, гуляки и всякая богема весьма уважали Лоту, особенно ее кулинарные пристрастия. Когда ни у кого ничего не было, у Лоты имелась

в наличии уха из налима, налим-суфле и паштет из печени того же существа. А рыба вкуснейшая, лишь умей готовить. Куда там японская фугу!

Каждому новому мужу Лота вручала комплект рыболовных принадлежностей и отправляла на ночную рыбалку. Нормальным рыбакам такое и требуется! Если муж подвертывался занудный или не совсем искусный, ему в сопровождение давали строгую и сердитую молдаванку Антонину.

У нынешнего мужа имя — Расик, фамилия — Нитупов. Лоте по спецзаказу вывезли его из-под Тобольска. Невзирая на странное имя, к природным аборигенам, он не относился, обликом оказался страшен и напоминал вместе взятых: батюку Махно, сверхопростившегося Льва Толстого и обросшего, карикатурно-неухоженного Гитлера. Тем не менее Лота оставалась им чрезвычайно довольна и свое довольство всячески выражала. В ответ на очередную похвальбу Антонина хотела покрутить пальцем у виска, но Лота шаловливо ударила ее по пальцу обрезком багета и громчайшим шепотом пропела песнь, состоявшую из повторяющегося коленца, а именно:

...тс ерен, тс ерен, тс ерен, тс ерен ... тс ерен...

Песнь всем понравилась, и решили: Расик Нитупов — *оч холосый мущина*. Безумие в его зрачке сияло, как числовой факториал, как зеркало заката европейской эволюции, юродствующей в холосте.

— Зажги свечку — и точка! — кричала, радуясь, Лота. — Зеркального коридора не надо!

Увы, девятый брачный цикл Лоты¹⁷ поразил неудачностью. В декабре в самый разгар весело-

¹⁷ Тайна прозвища... От Lota (лат.) — налим.

го перформанса в гостиную Лоты вбежала плачущая Антонина. Замерзшая молдаванка заикалась, зуб у нее на зуб не попадал, разобрать удавалось только наиболее характерные слова молдавского мата. Уверенные, что эпизод заранее запланирован, что это игра, гости устроили овацию, то есть бурные и продолжительные аплодисменты...

Но выяснилось: игры нет. На рыбалке произошла трагедия. К свежеччищенной проруби, у которой, жуя калачи с тмином, безмятежно сидели Расик и Антонина, неожиданно подбредли два усатых суконных рыла. Рыла заговорили, и тут стало понятно: усы-то у них вовсе не усы, а волчьи клыки; и на это суконным джентльменам было наплевать. На них — распахнутые бараньи тулупы, незастегнутые твидовые пиджаки. В зиянии рельефились пикейные жилеты.

— Э! Мы — серы, мы — серы! Э! Мы — серы! — пропели суконные рыла. — Левосеры! И правосеры! — глянули на рыболовов жуткими зелёноправолевосерыми глазами и угостили их тульскими пряниками.

— Ешьте, ешьте пряники, самоваров у нас нет, зато пистолеты Марголина в наличии. Ешьте, ешьте пряники, кумарьтесь на здоровье, — провыли-пропели пикейные джентльмены. Затем схватили Расика за ноги и сунули его головой в прорубь. — Э! — возгласил один из джентльменов. — Да всякий грамотный астроном знает: новый год и рождество — 22 декабря, а шас — святки, святки, святки.

— Ну, вот! — окончательно затолкнув обмякшего Расика под лед, произнесло другое рыло. — Передай Лоте: тс ерен, тс ерен, тс ерен у нее будет безбородый. А этот налим не тот, и не налим он, ерш обыкновенный, да плохой к тому же, отравленный. Доброе мы дело сделали и вполне

тихо. Повезло еще, прорубь крепко не сморозило! Неделей позже — и пришлось бы страхоперку бензином обливать. То-то бы запах стоял!

Литера: Q

Три часа ночи. Без звонков. В интернете торчали благополучно в него попавшие. Недоразумения исчезли. Поэтому Аркадий, дежуривший у телефона службы поддержки, позволил себе расслабиться. Захотелось пить. Аркадий приоткрыл дверцу тумбы. Всю тумбу стола занимали коробки с травами. Из двенадцати — пятнадцати компонентов Аркадий и сотворил напиток. Процесс приготовления проходил не по канонам и занял минуты. Смесь бутылочной воды и трав Аркадий быстро подогревал особым кипятильником, сразу после закипания фильтровал. Пахнущая лесной поляной жидкость мгновенно охлаждалась в сильно закопченном сосуде, который в позабытые времена считался драгоценным спортивным кубком. В результате возникала не травяная бурда, а нечто выразительное.

Сегодня стереотип поломался: Аркадия привлекла кипа газет, оставленная предыдущим дежурным. Гм... Хронически подсмеивающимся, презирающим прессу, прогресс и ай ти. Кинулись в глаза строки:

...в заброшенной установке НИИФИОН летают призраки...

...в 1918 году в подвале соседней дачи расстреливали контрреволюционеров и там же их закапывали...

...ночью над сооружением можно увидеть светящийся сиреневый столп, а в нем искры. Говорят, это неуспокоенные души убиенных...

Аркадий ухмыльнулся. То была его, Аркадия, Установа. Он вспомнил, как в 1992-м прекратили ее финансирование. На первых порах еще надеялись: всё переменится, умное вернется, но здание в форме цирка и конструкция в его центре так и остались недостроенными.

В середине здания и по проекту не полагалась кровля. Аркадий слышал, а изредка сам наблюдал: на свободной, уже ничейной полосе, у кого-то горел костер в высоком железном контейнере. Ночью пламя угасало, а репортеры не подозревали о его дневном существовании. Но из-за раскаленных углей над контейнером в темноте вспыхивал световой столп, в еликом появлялись искры и витали активизированные конвекцией мусоринки. Вот тебе и души убиенных контрреволюционеров!

А разжигать костры могли не только рабочие с мебельной фабрики, которая начала претендовать на территорию. Установа находилась в лесопарке и целый сезон приманивала нудистов. Засим нудистам пришлось поджечь хвосты. Самодеятельные оккультисты, парапсихологи и иже с ними вообразили: циркоподобный корпус не что иное, как сверхстоунхендж. В дни равноденствий и солнцестояний они служили в нем современным богам и вволю вакханальничали.

Потом некие господа поняли: загражденный для безопасности мощной решеткой очень сложный и глубокий котлован под Установку есть перевернутый собор, обращенный маковками к ядру Земли. Циркоподобное здание — лучший в стране, может, и во всем мире, дом для свершения черных месс.

"Ну и мелочь по сравнению со всем прочим светящийся столп! — рассудил Аркадий, но почувствовал: слишком надоели последние исто-

рии с их тупой монотонностью. — Наверняка журналисты в курсе всего и хитрят, при отсутствии материала изобретают способы подсовывания жареных "уток". Еще не уйдя от этих прикидок, Аркадий уперся взглядом в обведенную фломастером заметку:

УБИЙСТВА НА ШОССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Однако убийства необычные! Дочитав сообщение о них, Аркадий моментально вспомнил недоучившихся студентов, своих покупателей... Ведь в субботу он встречал их на площади перед вокзалом. От их прежней худосочности не осталось и намека! Аркадий еще насторожился: "На какой такой промысел они сейчас переключились?" Он и бывшие универсанты сделали вид, будто не узнали друг друга — иначе не вышло бы ничего, кроме нелепого и ненужного разговора. Да и те двое, бесспорно, не были склонны к беседе.

"Не купи ту книгу они, купил бы кто-то третий", — торкнулась в голову непрожеванная идея.

"Ишь ты, внутренний голос проснулся, — подивился Аркадий. — Он вечно пробуждается, когда поздно".

Литера: У

П. Р. смотрелся чрезвычайно плохим ленинградцем: мосты не разводил, запах корюшки не переносил, в главных ресторанах даже в старое время не бывал, драк там не устраивал. Об одеяниях П. Р., о его наружности промолчим. Словно человек рассеянный: вместо валенок перчатки он

натягивал на пятки. По этой причине в более бойких, чем Магадан-на-Неве, городах: в Москве и отнюдь не сонном во многих отношениях Нижнем Новгороде почти у каждой подворотни к нему приставали подозрительные парии и пытались малость пожитья. В Петербурге П. Р. терпели, но стоило ему очутиться где-то в Волхове или в Тихвине, как вдогонку ему зловеще несло: "Понаехали тут всякие!"

Картина отличная! Еще бы! П. Р. носил штатское и работал в милиции. Сразу после службы в погранвойсках начал с выездов на трупы. Мощная практика. Затем он занимался дознанием. Достигнув мастерства, решил переменить профессию. Был П. Р. на своем поприще довольно талантлив. Другой вопрос: для серьёзного розыска его не рекомендовали и держали про запас. Чего-то опасались. Боялись: этот деятель интуиции, не имеющий особых полномочий и, кстати, высшего юридического образования, переборщит. А у того всплыли суждения боковые: прежние успехи он стал связывать с везением.

Да и перквизиции его считались простыми. Сомнений не возникало: и дипломированный следователь справился бы. Чем раньше П. Р. привозили к месту преступления, тем быстрее он его раскрывал. Поражений в ремесле не ждали. Полтора, два часа — дело прояснялось, наручники защелкивались.

Вот прошлогоднее происшествие. Некая дама по фамилии Перетёкина отказалась впускать неизвестного, выдававшего себя за служащего МЧС. "Дом взорвется! Авария!" — орал во всю глотку "служащий", то звоня, то тарабаня в дверь. Звучало вполне авторитетно, но, поняв, что дверь взламывают, Перетёкина взялась набирать "02". Вторгшийся ухайдакал каким-то тяжелым пред-

метом успевшую позвонить хозяйку прямо у телефонного аппарата, но снятых ею денег не выискал. Он покидал в наволочки полдюжины вещей и улепетнул.

П. Р. появился позже наряда. Дошел пешочком, благо идти недалеко. Ни о чем не расспрашивая, покружил по квартире, вернулся ко входу, глянул на косяк и заинтересовался зазубринами. Не тшась их замерять, запоминать положение, проявлять отпечатки пальцев, он подозрительно сощурился и ненароком принялся обнюхивать зазубрины. Нюхал он с откровенным упоением, нюхал и балдел, но то был запах не амбры и не майского ландыша. Именно не ландыша. П. Р. едва не вырвало.

Он бросился к лифту, побродил по коридорам, потом, переговорив на улице с дворником, помчался за громыхающей тележкой мусорщика... Вскоре милицейская машина с пойманным уже летела в сторону отделения. А в другой машине везли орудие взлома и нападения: "обрез", то есть лопату с обломанным черенком для доскробания просыпавшегося мимо ящика мусора.

Позавчерашнее дело касалось и не П. Р. Он хотел подъехать на патрульной машине до метро. Но в рации прозвучало: "Дом шесть, квартира 17. Кража". Шофер лениво свернул: "Поди ж ты! И товарища не удалось отвезти и в любимый тупичок наведаться, чтобы приятно вздремнуть там, не вылезая из автомобиля!" П. Р. не устремился к трамвайной остановке, а почему-то отправился по вызову со всеми. На этот раз он и кругов не совершал, оставил труды тем, кому они предназначались, скопировал отпечаток с фрагментарного следа на полу и задефилировал вблизи парадных.

Вытаскивая корочки, он требовал входящих-выходящих мужчин сгибать ногу в колене и пока-

зывать подошву. Затея бесперспективная. Обнаружив похожий, но сильно стёртый след у соседнего подъезда, заскочил внутрь и попробовал названивать в двери. За первыми не раздавалось шумов, из третьей выглянула столетняя старуха и бессмысленно зашамкала беззубым ртом. Из четвертой выторкнулся высокий и раскормленный тинэйджер. П. Р. заставил его согнуть ногу и узрел на подошве кроссовки искомый рисунок.

Патрульная машина повезла подростка в привычном направлении, а П. Р., чертыхаясь, двинулся к трамвайной линии. И конечно, можно сделать крюк на машине, но теперь нашему оперу показалось это не очень приятным.

Так примитивно, не изучая картотеки и банки данных, П. Р. высчитывал координаты удравшего в Сыктывкар или в Горно-Алтайск. Ничего диковинного. В человеческом мозгу есть пространства, которые не поместятся во всем объеме земного шара.

П. Р. долго подыскивал себе охранные структуры, потому и долго, что в них как назло обычно сидели бывшие тихвинцы и волховчане. Они моментально отбрасывали претензии П. Р. на любую роль в их ремесле.

П. Р. уже прошел для проформы ВТЭК, имел в кармане нужные документы, собирался на прощание пожать руку подполковнику и был нетрезв (успел отметить увольнение из органов), как подполковник попросил его об экстренной помощи.

— На тысячу долларов новая работёнка? Верно? А я могу тебе выхлопотать на тысячу семьсот! — без зазрения совести соврал подполковник. — Мой однокашник по академии покинул

налоговую полицию, бросил дойную карьеру... Избрал поприще лучше. Предлагал и мне, но куда теперь, да и не по нутру подобное. Забыл, когда ходил в участковых и патрульных.

— Иссяк? — уточнял подполковник. — Но нюх-то остался? Батальон у нас даром ест хлеб. Кто способен его грамотно направить? Протер бы дуболомам зенки. Прокуратура воеет, да и она хороша. Давно пора их следовательниц: кого — в детский сад, кого — в богадельню. Ну что? Договорились? Побудь сегодня-завтра с ребятами. Если с чужими, дам тебе Грищенко. Он быстро контакт с кем надо обеспечит.

Литера: Ф

У Константина с Юрием было сверхурочное задание и как раз на шоссе Просвещения. Они не спеша прогуливались среди деревьев у знаменитого здания, но не без некоторого трепета: слишком напачкали здесь раньше.

Первый вышедший смотрелся дюжим на вид. Константин вытащил шило, а Юрий сделал ложный замах... Второй побежал к соснам. Константин догнал его, схватил, повел его шейные позвонки на ствол лиственницы.

Начавший полегоньку шпионить за ассистентами, Аркадий в этот день опоздал. Однако успел заметить садящегося в автомобиль Юрия.

Вокруг — ни души. Аркадий двинулся в сторону Установки.

Темно и мирно. Потрескивающий фонарь на столбе слабо освещал дорогу, контуры тополей и

кусты сирени. Из-за насаждений выросли фигуры толстых омонцев в бронжилетах:

— Стоять! Стоять! — Вручищах развернулись палочки маленьких, словно детских, автоматов:

— Черт! Уходит, уходит маньяк!

Первые очереди — по ногам.

— Уходит, уходит гад! Зайдет в комплекс — оцепить не успеем!

— Стрелять по туловищу!

Несколько очередей...

Аркадий продолжал идти и упал только во внутреннем дворике Установки.

"Не он, не он, — думал П. Р., разглядывая мертвого Аркадия, — не тот типаж..." И, обернувшись, увидел в заставленном ржавыми бочками закутке ворочающегося под солдатскими шинелями бородатого бомжа. П. Р. подошел к нему. Ударил винный запах... "А этот вообще не из той пьесы!"

Не стесняясь, бывший опер принялся бить себя куда придется, особенно по лбу. "Самсон проклятый! — шептал он. — Что учудил! Угрозило отстричь неэстетично торчащее за скулами. Да еще под корень! Жесткие, но тонкие щетинки-вибриссы. Никто не требовал! Никто не замечал! Примочка снупэрмэна тряханулась, исчезла! Если коту усы сбрить — и то мышей ловить не будет!.."

"Впрочем, пардон! Меня и быть здесь не должно. Подполкан речистый спросил!"

Утром, давая интервью и на глазах у телезрителей бесстыдно попивая нероссийское пиво, всё проспавший и не принимавший участия в облаве капитан ОМОНа говорил:

— Маньяк ликвидирован в недостроенном здании номер 139 по шоссе Просвещения. Аномальный дом! Мы в нем трошки заплутались, но признают — узловая точка! Лет пятнадцать назад там намеривались соорудить нечто похитрее, чем циклотрон или синхрофазотрон. Академики хотели пускать протоны с позитронами, но у них ничего не вышло. А мы обезвредили в руине преступника. Заодно спасли от замерзания приехавшего из Парижа поэта Костецкого. В Петербурге Костецкого (что молчать?!) приласкали, но этого известного и милиции записного бретера побоялись приютить в своих гнёздышках. Ему предоставили для ночевки неотапливаемое помещение на Пушкинской, 10, и солдатские шинели вместо одеял, а он повздорил с приبلудными бродягами и перебрался на окраину города.

В газетах появились не всем ясные заголовки:

МАНЬЯК УНИЧТОЖЕН

*ЧТО ДЕЛАЛ НА РАЗВАЛИНАХ
РУССКИЙ ПАРИЖСКИЙ ПОЭТ?*

БОЙЦЫ ОМОНА УСПЕЛИ ВОВРЕМЯ

ПОЭТ-БАРД СПАСЕН ОТ СМЕРТИ!

СТРАННОГО КИЛЛЕРА БОЛЬШЕ НЕТ!

Правда, "киллер" совершил еще одно действие. У Аркадия не было другого оружия, кроме кустарного газового пистолета, вернее, комбинации газового пистолета с миниарбалетом. В механизме — металлические ампулы-баллончики, похожие на предназначенные для сифона. Каждый баллончик снабжался оплеткой с балансиrom и рычажком, словно превращался в газо-

вый пистолет. Такими пистолетами-снарядами мог стрелять арбалет. В лаборатории не поняли этого хитроумия. Развязка не заставила себя ждать.

Судебного химика, рискнувшего проанализировать газ, нашли мертвым.

Руководство, возроптав, планировать повторную хроматографию не пожелало. Инженеры-электрики разогрели до 2000 °С дно и стенки бетонного колодца на полигоне. Специальный робот бросил туда неиспользованные ампулы.

Бесспорно, о неудачном анализе ни борзописцам, ни московскому начальству не докладывали. Но генералы приезжали. Были на Захарьина, на Екатерининском проспекте, заскочили и на Литейный. В результате скрытых от нас пертурбаций кое-что изменилось.

И на десерт папку многострадального Игоря Леонидовича Фефелова сдали в архив. Но вот незадача: через три дня копия злосчастного досье легла под очи Павла Косидовского.

Литера: Z

Оба босса-академика встретились далеко от Петербурга. Погода стояла прекрасная. Прохаживались по непривычной зрению запущенной липовой аллее. Она тянулась ровно на две версты. Под каждой липой виднелась сломанная, полусгнившая скамеечка и столбик от столика, иногда — сам столик. Стоило на столик опереться — он с треском рушился: столбик под столешницей ломался подобно ножке трухлявого гриба.

Косидовский был гораздо выше ростом и размашистее в движениях, чем Водоземцев. Последний семенил за ним чуть ли не вприпрыжку, но, будучи энергичным и физически крепким, дискомфорт не чувствовал.

Ходили вперед и назад, но все же оказались в конце аллеи. Под ногами Косидовского стало скрипеть. Неожиданно Водоземцев обнаружил: это кости.

— Не тут ли ели козлика серые волки? — попытался он через силу пошутить, но сообразил: кости отнюдь не от мелкого рогатого скота! И пожалел об оставленной в километре охране.

— Раритеты времен гражданской войны. Лисицы из неглубоких могил порастаскали, — спокойно заметил Косидовский и придавил каблукком чью-то височную кость.

Академики шли дальше, на кости почему-то наступал лишь Павел Косидовский. Водоземцев вроде бы не берегся, но под его ноги останки не попадали.

"Ишь ты, типус! — подумал Водоземцев. — Фортуны не боится, уверен, к нему ничего не прилипнет. По барабасу".

Косидовский посмотрел на Водоземцева и немного сквозь него:

— А милицейские дела мои весьма скромные. В отличие от некоторых (Косидовский усилил фокусировку взгляда на плечи своего спутника) я, если и убиваю народ, то в основном экономически, то есть не просто разоряю и обедняю, а именно убиваю. Это мне известно. Я не люблю розовые сказки. Повторяю, убиваю хотя и физиологически, но чисто экономическими методами, и даже с доброй помощью государства. Не запрещено законом. Что не запрещено, мон шер, то разрешено. И здесь я хуже Молоха. Полумиллиону людей я точно жизнь сократил. Скажу в скобках: не своим работникам, всё косвенно. Зато полмиллиарда у. е. наварил. Позиция честная. Человек — лейденская банка. Чем больше банок разрядится — тем больший финансовый эффект в итоге.

— Какой вы, таки, шельмец! Да еще половой! Туда "ПОЛ" и сюда "ПОЛ"! — вслух произнес Водоземцев, но поежился: "Нет, нет! Лучше упразднить дюжину-другую тех, кто мешает жить, с помощью подручных средств, но не тысячи, не миллионы. Безусловно, протоплазма чрезмерно разлакомилась. Испокон веков она питает себя собой, но этим пусть тешатся микробы, орлы и крокодилы. Пусть соловьи пожирают июньских бабочек-крапивниц с их душами, а олени тоннами уничтожают ягель с его живым сознанием. По новым мнениям, и амёбы, и тростники разумны!"

"Хорошо, мы почти интеллигентны, не братки. Невыгодная месть для нас необязательна, — возникла идея у Косидовского, — иначе давно бы друг друга устранили", — и тут подозрительно спросил:

— Над чем вы, мон шер, мозгуете? Вы забываете, на арене — не только армии, полиция и уголовники. На планете Земля существуют парламенты и правительства. Одно решение парламента, одна подпись президента — и косвенным образом ускоряется приближение смерти десятков миллионов.

— Наш Петр Первый, — добавил Косидовский, — он половину России угробил. Но смысл? Московская Русь все равно вернулась! Не соболями и пенькой торгует, а нефтью и газом — суть та же. Эксплуататор-помещик, который насадил липовую аллею? Восстанавливать эти достопримечательности не собираются. От столиков со скамейками осталась труха. На бричках и телегах здесь не ездят. Со всех сторон надвигаются березы. Ольха из-под земли прет. Лет через пятьдесят в буйном лесу никакой аллеи не обнаружат. Так и деяния великих мира сего с течением времени сглаживаются.

— Не пора ли подвести черту? — нетерпеливо заметил Виктор Федорович. — Слышал, ваша команда перехватила похищенный у меня фрагмент. Вы желали бы обменять его на аналогичное?

— Да.

— Я согласен.

— А что вы даете?

— Всё.

Косидовский опешил. Его мина непонимания едва не затмила солнце.

— Фрагмент у вас при себе? — осведомился Водоземцев, игнорируя эмоции спутника.

— Естественно.

— Давайте, — и для ясности Водоземцев потряс в воздухе папочкой.

Приняв у Косидовского несколько ламинированных листиков, Водоземцев дико захохотал. Стая воробьев сорвалась с кроны засыхающего дерева.

Водоземцев продолжал смеяться.

— Я... ..опр, я ...одр. Ох! — потер он лоб. Я опубликовал всё, обнаружил кромешные тайны месяц назад! За литературой нужно следить!

В руке Водоземцева появилась красивая, мемориального вида книга с золотым обрезом.

Литера: Ш

Люди, ожидая начала совещания, гудели:

— Что Водоземцев творит? Тематика под грифом! Как его еще не заграбастали куда надо!

— Ха! КБ ОКОНОР запрашивало ФСБ.

— Та-ак?

— Ответ поступил вполне внятный.

— И?

— Фокусников, дескать, не трогаем, они делают свой бизнес.

— Вот-вот! — вмешался третий голос. — Астрологам, хиромантам и дантистам жить не мешают. Зачем мешать Водоземцеву?

— Го-го-го! — не выдержал второй голос. — Тонкость в том, что сперва ФСБ и купилась, год финансировала лабораторию Водоземцева — когда он якобы скрывался, — и недурно, тю-тю-тю, финансировала! И перед правительством ходатайствовала. Оттуда тоже поперли солидные деньги. И гриф был: два нуля! Теперь, хи-хи, гриф исчез! Водоземцев оказался иллюзионист-с. Взятки с него гладки, но без мздоимства не обошлось. Поживился кто-то. А далее? "Просчет" рекламировать? Наружу всё выворачивать? Самого себя бить?

— А Ведерников?

— Ведерников — величина, но за год до кончины уже успел превратиться в нуль. Сразу не успели распознать размягчение мозгов. Вялотекущее-с.

Литера: Щ

Зоя смеялась:

— Он нетипичный Остап Бендер. Смесь Кио, Месмера и Лысенко. Но больше Водоземцев похож на героев Гоголя, на всех сразу, кроме старосветских помещиков. Под плохими люминесцентными лампами, аж, на Акакия смахивает! Но кто

поручится, что в восемьдесят семь он не окажется Афанасием Ивановичем Товстогубом?

— Вряд ли, — усомнился Тилин. — Очень ты благожелательна. Хотя я осуждал ревнителю возмездия, засаживающих девяностопятилетних ээсовцев за решетку.

— Бывает, чем активнее человек в молодости, тем расслабленнее после семидесяти. А сейчас активность носит особый характер. Время нынче специфическое.

— Мы отвлеклись. Что знала, ты сказала. Но поздно. У меня почти готово.

— Быть может, пригодится потом. Ты сам видишь, как ложные идеи наталкивают на внезапные, но правильные мысли.

Литера: Э

— Вот выставка необычного художника Евгения Тилина. — твердил в микрофон комментатор. — Она примечательна! Перед нами — объемные заливки. Краски художник нанёс шприцем в прозрачайшую желеподобную основу для мягкого витража. А распределение пигментов! Толщина прозрачного слоя до трех дециметров!

Публика вглядывалась в стереоскопические картины с некоей озабоченностью.

— Краски расползаются, смешиваются друг с другом сами. Пара десятков уколов в нужные точки этого студня — и произведение возникает само.

— А почему тогда картина отличается от соседней? Откуда роскошь и разнообразие?

— В том-то и секрет.

— Аэрографом сие не свершить. Я и говорю: не просто объемная заливка!

— Вернее, разливка. Но как все разливается? В чем главный вопрос.

— И не разливка. Скорее краски обладают электрическими или магнитными свойствами. Художник сделал в это желе инъекции, а затем поводил электромагнитом или заряженным конусом. Даже интересно: вместо кисти — магнит или электрическое поле.

— Да не пойдут быстро и правильно ни диффузия, ни движение пигментов под действием поля. Что-то здесь не так!

— А как?

— Знал бы, и у себя в мастерской еще не то сотворил!

Литера: Ю

— Архаичная атмосфера, — возглашал другой комментатор, представляя телезрителям стоп-кадры: мужчины в смокингах, дамы с декольте, огни тысяч настоящих свечей. — В центре — Павел Косидовский. Он открывает перед гостями нечто вроде готовальни величиной со стандартный кейс. На черном бархате, сверкающие камни: не рубины, не изумруды, не бриллианты. И не имитации... Это новые камни. Их граней не касался инструмент ювелира.

Часом позже соседний канал прибавил к общению кадры с показом наперстков из драгоценного материала Косидовского.

— Наперстки! Наперстки! Не мифические вечно сухие тигли для космических исследований! — кричал чем-то недовольный консультант.

Литера: Я

— Жарко. Наверное, градусов тридцать.

— Передавали, двадцать семь.

— В тени! На солнце — сорок пять!

— На солнце-то сорок пять? До миллиона!

— Вы же понимаете, о чем речь. Зачем прикидываетесь?

— Все прикидываются. Например, прикидываются, якобы ведать не ведают о синергическом излучении. Но взаправду многие о нем в курсе, только помалкивают.

— Если это кому-то выгодно?

— Выгодно! Скажете же! Кому выгодно, чтобы вокруг горели торфяники? А кому-то, таки, выигрышно. Сваливают вину на рыбаков и туристов, на курильщиков. Думают, везде дураки. Бросил де сигарету, не загасил. Рыбаки и туристы себе враги? Да хоть они вандалы! Позавчера журналисты нарочно прикидывались блаженными. Вышли в лес с лесничим и пожарными. Как подготовили и подговорили — неизвестно. В восьми разных мес-

тах на разных высотах поджигали лес. Так пожарники не понадобились: где сам собой огонь исчез, лишь пару кустов чуть повредив, а где и нормального возгорания не получилось.

— Жутко интересно. Первый раз слышу.

— А далее? Журналистам мигом заткнули глотки! Надулись пискуны и молчат как рыбы.

— А вы откуда всё знаете?

— Да вот знаю.

Вмешался третий голос:

— О мошенничестве на торфяниках долетало до ушей. Но смутно, будто бы сквозь сон. Теперь плохо помню. Заявлялось где-то. Похоже, кто вякнет об этом в прямом эфире — ему сразу или на ногу наступают, или в спину толкают. Словно в клерикальной стране некто пытается долдонить об атеизме. Здесь я точно видел: кулак в спину тычут или микрофон отбирают. Со всем рехнулись люди. А талдычит о своем коньке тощая интеллигенция, но она и не кулака — козы из двух пальцев пугается.

— К чему вы? — с оттенком угрозы произнес первый голос. — Мы о другом рассуждаем. Дядька у вас на бузине повесился, а огород в Киев пешком ушел.

— А к тому. Уже в ушах трещит от кибернетики, от синергетики и от вашего Водоземцева с Ведерниковым. Всякий на них ссылается. Откопали присказку! Да и без того: в городе — тридцать три магазина тайноведческой литературы.

— Хорошо! Очень здорово! Так и должно быть! Да и пусть? В России — восемьдесят восемь академий наук, а подождите пяток лет — возникнет гораздо больше.

2002 г.

МИСТЕРИЯ

(пьеса-ремарка)

Просторная комната с колоннами, каминами и всяческим неуместным инвентарем. Повсюду — огнетушители. Над этой комнатой — другая, с обстановкой тривиальной, если не считать того, что из ведер на столах торчат гигантских размеров овечьи ножницы и не менее гигантские карандаши. Обе комнаты соединены люком. Из люка свисает канат.

По нижней комнате разгуливает долговязый молодой человек и беспрестанно хихикает. Расхаживая, он высоко поднимает колени и каждый третий или четвертый шаг задевает коленной чашечкой за подбородок. С одного бока он действительно молодой человек, а с другого бока — совсем иное, причем фиктивное, нарисованное или глянцево-глиняное — абсолютно недодуманное режиссером.

Молодой человек как будто предвкушает приближение океана удовольствий, похлопывает себя по бокам и ляжкам. Входит в азарт и начинает сшибать пинками стоящую там и сям неуместную мебель. Успокаивается. Вальяжно садится на качели. Качели совершают полузаконченные фигурные колебания. Возникает неотвязное ощущение, что половину колебаний съедает спрятанное за кулисами огромное животное. В правом дальнем углу дергается зеленое полотнище.

В нижней сцене открывается прежде невидимый люк. Из него показываются чьи-то ноги, затянутые в черное; извиваются, то появляются, то исчезают. Из люка вылетает, сохраняя вытяну-

тое положение тела и извивающиеся ноги, существо неопределенного пола в черном и красном. С дискантным криком оно падает на сцену, успевая схватиться за канат.

В этот момент долговязый человек срывается с качелей.

Раздается невнятная какофония. При сильном желании на фоне последней можно расслышать звоны колоколов, звуки удаляющейся ракеты с мощным двигателем, слова песни пьяного и блатного хора, а именно:

— Дееевооо, за-ря, бобо-роди-ди — ди — ди — ца — а — а! — В интонации присутствует, несмотря на неверное произношение, оттенок византофильский, уважительный и весьма благостный или, наоборот, некий богохульственный и даже порнографический, — разобраться семи пядей во лбу мало. И все-таки зал насыщается угрозами, проклятиями, экстатическими всхлипами, словами молитв. Среди публики — и взнесённые кулаки, и блеск слез умиления. Атмосфера накаляется. Зрители вцепляются друг другу в волосы.

Под звуки извергающегося вулкана на сцену вступает колонна милиционеров и пожарных. Хор замолкает. Блюстителю ловят, а огнеборцы жарят на костре жирного страуса, в которого как-то незаметно успел превратиться молодой человек с необычным боком.

На сцене — трапеза. Ранее исторгнутое из люка лицо неопределенного пола в черном и красном тоже хочет взять кусочек страуса, но его не подпускают к костру. Обиженное, оно удовлетворяется тем, что обрягается в страусовые перья.

Наевшиеся пожарные карабкаются по канату в верхнюю комнату. Этот процесс медленен, — еще бы! — у каждого пожарника в каждой подмышке — по огнетушителю. Милиционеры прыгают в нижний люк. Из люка доносится чихание, мурлыканье и звуки возни. Пожарные курят, бросают непотушенные спички и недокуренные сигареты, много и хрипло кашляют и заодно разбирают, режут ножницами огнетушители. Расковыривают они их неумело и крайне вяло, задевают локтями различные предметы и с громом их роняют, чем-то обливаются.

В нижнем люке рождается вопль — и на сцену летит второе лицо в черном и красном. Второе лицо быстро оправляется, держа писсуар таким образом, что невозможно распознать, какого оно пола. Кинув наполненный туберозами писсуар в сторону зрительного зала, оно пытается отобрать у первого лица страусовые перья. В ход идут разнокалиберные атрибуты неуместной обстановки. Рваная коробка, попав в плохо потушенный костер, начинает интенсивно пылать, притом клубы дыма идут в верхний люк, вокруг которого сидят пожарные.

Пожарные с профессиональным интересом весело принимают. Постепенно на их лицах появляется озабоченность! Испугавшись возгорания каната, пожарники вытягивают его наверх, роняя эмалированное ведро в люк. Ведро подобострастно улыбается зрителям, но, подчинившись закону Ньютона, таки ударяется о сцену.

На нее спешат милиционеры в поисках смуты. Ведро, подскакивая на ручке, кланяется им. Его отшвыривают пинком туда, куда приземлился писсуар. Увидев, что канат исчез, милиционеры требуют его опущения. Покрытие сцены, источая

дымки, помалу воспламеняется. Опасаясь за свои туники и панталоны, первое и второе лица неясного пола норовят сигануть в люк, но ближайший милиционер вовремя хватает их за ноги. Идет борьба с брыканиями, ляганиями, спецприемами. Прочие милиционеры пререкаются с пожарными и не вмешиваются. Не вытерпев, один из них без всякой команды принимается стрелять в верхний люк. Ноль реакции! Пожарники пишут карандашами за ушами друг у друга. Канат так и не опущен. Зрительный зал в дыму.

Выстреливший милиционер, зычно призвав Аллаха, берет огнетушитель и направляет его струю в верхний люк. По случайности пожар тухнет. На пожарников находит паника. Они швыряют в правоверного милиционера огнетушители и тем пытаются от него отбиться. Блюститель порядка ловко лавирует, отплевывается от серной кислоты. В суматохе из верхнего люка вываливается канат, окантованным латунным концом-грузилом ударяет милиционера по виску — пораженный падает замертво. На его лице — блаженная улыбка. Похожая на гурию, Разрушительница наслаждений и Отвратительница страданий заключает истинно правоверного в свои объятия и, шествуя по воздуху, увлекает его на Небо.

Обрадованные появлением каната, милиционеры дружно лезут по нему наверх.

Не заметив Отвратительницы страданий, первое неопределенно-полное лицо вызывает неотложку. Она отвечает, что отложена и — вообще сегодня санитарный день, прорыв канализации, распрямление рыболовных крючков и брадикардец автомобилей.

Пожарные, запоздало обнаружив штурм, едва успевают захлопнуть люк. Самый верхний милиционер, получив от лючины травму, шмякается вниз. Несмотря на такое облегчение, канат трещит под тяжестью его товарищей и обрывается. На сцене образуется куча, порастающая страусовыми перьями.

Она превращается в гигантского страуса, размером с жирафа. Страус-жираф прошибает головой люк и начинает клевать и жевать пожарников, стремительно увеличиваясь в габаритах.

На спину животного по пожарным лестницам еле-еле взбираются лица в черном и красном.

Страус-жираф ломает сцену и ее переборки. Из-за кулис выкатывают мощные колобки с телескопическими ушами и пропадают за границей пятен света. Сыплются огнетушители, овечьи ножницы, гигантские карандаши и хихикающие эмалированные ведра. В сопровождении этих предметов страус-жираф идет на публику. Зрительный зал трепещет от восторга. Ряды пустеют. Занавес криво-косо сваливается, но, повиснув, остается фривольно задранном.

На улице животное запутывается в электрических проводах и грохается, внося беспорядок в коммуникации. На бездыханного страус-жирафа набрасывается толпа и жадно рвет перья. Выпавшие из туши милиционеры и пожарные гонятся за их обладателями.

Лица в черном и красном маршируют по крыше отъезжающего троллейбуса, размахивая букетами из перьев.

Голос диктора-робота:

— Поступила неожиданная новость с космической станции. Через две минуты Луна свергнется в Средиземное море.

1985 г.

Содержание

Омолок.....	4
Шапито.....	16
Баллада о высоком дворце с овальными окнами.....	20
Пузыри на сетчатке.....	47
Напарница.....	79
Большой рассвет.....	87
Под новым склонением.....	90
Чужая вселенная.....	93
Лиловый мотив.....	204
Перелом.....	217
Крыса.....	223
Струнный случай.....	227
Письмо к Гоголю.....	229
Суп из топора.....	234
Рыжая песня.....	239
Как тогда было.....	258
До Клио.....	261
Огонёк.....	263
Синергетики (повесть)	267
Мистерия.....	340

Некоторые произведения
Александра Акулова

1. Абальмантовое дерево. Рассказы. СПб., 1998.
2. Сверхкраткий философский словарь. СПб., 1999.
3. СЮР. Метафизика, стихотворения, проза. СПб., 1999.
4. Буквы философии. Т.1: СПб., 2001; Т. 2: СПб., 2003. Третье издание. СПб., 2017.
5. В поисках беспредметного, или Вести из междумирья. Шесть книг стихотворения. СПб., 2002. СПб., 2009. С приложением статей о поэзии. СПб., 2016.
6. Статьи: "Русский мир" — СПб, 2001, № 13; "Рог Борей", №№ 15 и 17, "Изящная словесность", № 2.
7. Чай с мандолиной. Роман. СПб., 2006, 2010.
8. Этюды. Нефигуративные изображения. СПб., 2008.
9. Скважина. Статьи по литературной критике, культурологии, философии. СПб., 2009.
10. Плазма. Проза для высоколобых. СПб., 2012, 2021
11. Летящая стрела (Хулиганские парадоксы-секреты здоровья, лечения, питания, или Кунштюки с дразнилками для ортодоксов). СПб., 2016.
12. Камень от входа, или Попытка мощи. Литературная критика, введения в философию. Торонто, 2017.
13. Нечетные страницы Петербурга. Альбом фотографий. Торонто, 2019.

Литературно-художественное издание

16+

Александр Акулов. Послание вундерменам.
Чтение для снобов и оригиналов. Проза. Второе
измененное издание

